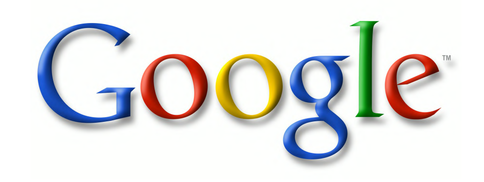
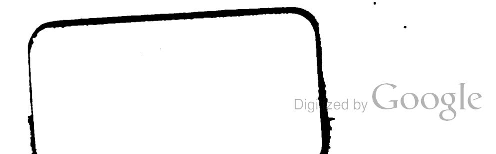

SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS

А. И. Фаресовъ.

ВЪ ОДИНОЧНОМЪ ЗАКЛЮЧЕНІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій пр., № 8.
1900

Въ одиночномъ заключеніи.

Тяжелые дни моей жизни въ одиночномъ заключеніи относятся къ началу 1870-хъ годовъ, когда наша молодежь еще вѣровала въ возможность «слiянія съ народомъ» въ духѣ Шовеля у Эркмана-Шатріана и не успѣла горько въ этомъ разочароваться... Я рѣшаюсь разсказать здѣсь испытанныя мною тогда увлеченія и нравственныя страданія, въ предположеніи, что мои воспоминанія дадутъ нѣсколько штриховъ для характеристики пережитаго мною времени, уже сдѣлавшагося достояніемъ исторіи. Кромѣ того, если труды спеціалистовъ имѣютъ рѣшающее значеніе по вопросамъ быта заключенныхъ, то, конечно, не лишены интереса и воспоминанія человѣка, близко и продолжительно ознакомившагося съ системой одиночнаго заключенія. Не имѣя какого либо тенденціознаго характера и рисуя только съ фактической стороны одиночное заключеніе, эти воспоминанія могутъ все-

таки убѣдить тюрьмовѣдовъ въ томъ, что страданія лишь тогда облагораживаютъ человѣка и не безполезны для него, когда тюрьма не портитъ его характера, не разрушаетъ его совѣсти и не лишаетъ средствъ къ размышленію... Въ противномъ случаѣ «тюрьма дѣлаетъ человѣка каторжнымъ», говоритъ съ предостереженіемъ Викторъ Гюго.

I.

Весна на Волгѣ въ 1874 году была ранняя. Какъ только жаворонки наполнили небеса гармоническими пѣснями, тотчасъ же настали и весеннія грозы съ тихими и теплыми вечерами. По городскимъ садамъ защелкалъ соловей, сливаясь влюбленнымъ голосомъ съ шумомъ многоводной Волги. Съ ранняго утра и до поздняго вечера берега рѣки оглашались дружными напѣвами бурлаковъ за работой:

Эй, ухнемъ! Эй, ухнемъ!
Еще разикъ! Еще разъ!
Разовьемъ мы березу,
Разовьемъ мы кудряву.
Ай, да! Ай, да! Ай, да!
Разовьемъ мы кудряву.
Эй, ухнемъ! Эй, ухнемъ!

По всѣмъ волжскимъ городамъ перекаты-

вается эта дубинушка, то затихая, то съ новой силой врываясь въ шумныя улицы.

А Волга все разливается и разливается по степной полосѣ, затопляя деревни, острова и рощи. Долго увеличивался уровень весенняго половодья и не менѣе продолжительно вода убывала, вступая въ свои обычные берега. Пароходы и барки сновали по водной поверхности, то показываясь, то исчезая въ лучахъ солнца и туманѣ. По островамъ и заливамъ носилось много всякой птицы, прилетѣвшей сюда на тепло и приволье.

Хорошо весною на Волгѣ... Но какъ тяжело въ это чудное время «живому съ жизнью разставаться» и быть брошеннымъ въ среду арестантовъ. Въ одну изъ майскихъ ночей конвой жандармовъ сопровождалъ меня съ обнаженными саблями въ тюремный замокъ. Подвигаясь впередъ по улицамъ города С., я жадно слушалъ доносящіяся изъ-за Волги пѣсни рабочихъ и счастливаго въ тѣнистомъ саду соловья. Передъ тѣмъ, какъ войти въ тюрьму, душа была переполнена желаніемъ запомнить каждый звукъ жизни, забывая всякій страхъ передъ неизвѣстностью... Все, что поддерживало и радовало меня, я торопился въ эти послѣднія минуты захватить съ собою, точно предчувствуя, что только съ этими воспоминаніями еще можно жить долгіе годы въ одиночномъ заключеніи.

— Стой!—раздался голосъ жандарма.—Стой! Письмо бросилъ!

Онъ тревожно вернулся назадъ и зажегъ спичку. Оказалось, что, вынимая платокъ изъ кармана, я выбросилъ на землю комокъ мятой бумаги. Подозрительный жандармъ видѣлъ въ этомъ хитрость арестанта и тотчасъ породилъ во мнѣ мысль о возможности такимъ способомъ тайно переписываться съ лицами, находящимися на волѣ.

— Стой же! — кричалъ унтеръ-офицеръ. — Ищи... Бросилъ чего-то на дорогу.

Показанію моему о пустой бумагѣ онъ не вѣрилъ. Пока жандармы искали ее, я всматривался въ небо, на которомъ, какъ теперь помню, луна одними краями пряталась въ темное облако, а другими свѣтила вдаль весело и привѣтливо.

Въ городѣ затихалъ шумъ; слышались только свистки пароходовъ на пристани и чья-то нѣжная музыка на роялѣ...

Это послѣдніе звуки, которые я слышалъ на волѣ... Давно это было... Точно сонъ. Но и теперь мнѣ слышится эта музыка со вздохами любви и жизни. Передо мною стояло мѣсто заточенія. Мрачное зданіе, съ будками для часовыхъ, не было освѣщено. Гдѣ-то, правда, въ одномъ изъ рѣшетчатыхъ оконъ свѣтился слабо ночникъ и какъ будто готовился потухнуть. Ча-

совой загородилъ намъ дорогу, но, увидѣвъ жандармовъ, посторонился.

— Эй, отворяй! — стукнулъ жандармъ въ дверь острога.—Ишь, черти, позаснули...

— Кто тамъ? кто стучитъ?

— Отпирай! — грубо повторилъ жандармъ, торопясь помѣстить меня въ желѣзный переплетъ.

Черезъ минуту показался свѣтъ и послышался стукъ ключей. Сквозь рѣшетчатую дверь виднѣлся маленькій корридоръ, ведущій въ канцелярію тюремнаго замка. Съ боку его помѣщалась караулка, наполненная вооруженными и спящими солдатами. Я прошелъ въ канцелярію, состоящую изъ одной просторной съ низкимъ потолкомъ комнаты. Одна сторона ея была отгорожена проволочною рѣшеткою, за которую водили преступниковъ на свиданія съ родными. Посреди комнаты стоялъ письменный столъ огромныхъ размѣровъ, и на немъ въ одеждѣ спалъ караульный офицеръ. При моемъ входѣ онъ лѣниво поднялся и съ неудовольствіемъ замѣтилъ ключнику:

— Гдѣ же смотритель? Чего стоишь?

— На квартирѣ у себя, ваше благородіе.

— Сходи за нимъ! Надо же кому нибудь принять арестанта.

Онъ усиленно сталъ раскуривать папиросу, поминая чорта и расхаживая по комнатѣ безъ малѣйшаго вниманія къ моему присутствію. Съ послѣднимъ клубомъ дыма, выпущеннаго изо

рта, равнодушное и заспанное выраженіе его молодого лица мало-по-малу стало уступать чувству любопытства и едва уловимаго сожалѣнія. Я стоялъ по срединѣ комнаты, не рѣшаясь сѣсть на стулъ. Офицеръ самъ мнѣ указалъ на него и, точно оправдываясь, произнесъ:

— Смотритель, можетъ быть, и не скоро придетъ... Тоже и онъ человѣкъ. Всѣ эти ночи приводятъ арестованныхъ и безпокоятъ его.

— Арестованныхъ? По нашему же дѣлу?

Какая-то оторопь охватила мгновенно молодого офицера, и онъ застылъ съ испуганнымъ выраженіемъ лица. Жандармъ строго приблизился къ моему стулу, хотя и не произнесъ ни слова. Вся фигура его безмолвно запрещала продолжать разговоръ. Мнѣ и самому стало жаль неопытнаго караульнаго офицера, который, робко посматривая на гнѣвнаго жандарма, старался угадать по его наружному виду о томъ, донесетъ ли онъ о неосторожно вырвавшемся у него замѣчаніи объ арестахъ, или промолчитъ. Я зналъ, что въ городѣ арестовано много лицъ, но эти лица были преимущественно случайно замѣшанныя.

— Однако, это они!—думалъ я, окончательно убѣдившись въ этомъ, когда жандармъ усилилъ свою бдительность.—Они! непремѣнно они!

Прямо противъ меня, на стѣнѣ, висѣли чья-то шашка и заряженный револьверъ. Въ углу

на полу лежали кандалы, цѣпи, наручники самыхъ разнообразныхъ формъ, иные съ замками, другіе безъ нихъ. Рядомъ съ ними нѣсколько арестантскихъ халатовъ, чьи-то узлы и узелки, а по стѣнамъ инструкціи.

— Не извольте разглядывать! — произнесъ жандармъ, становясь между мною и внѣшними предметами.

— Отчего не разглядывать?

— Не приказано.

— Ты, любезный, очень строгъ...

Онъ сдѣлалъ еще болѣе сердитое лицо и не удостоилъ отвѣта.

Между тѣмъ, запрещеніе смотрѣть по сторонамъ меня такъ удивило, что я невольно и пристальнѣе заглядывалъ въ отдаленные углы канцеляріи. Жандармъ безпрестанно переходилъ то въ ту, то въ другую сторону моего стула, загораживая собой пространство. Но я все-таки замѣтилъ на одной лавкѣ нѣсколько узловъ обыкновеннаго платья и, когда пришелъ изъ отставныхъ солдатъ надзиратель съ фонаремъ въ рукѣ, я тотчасъ при свѣтѣ узналъ костюмы, въ которыхъ видѣлъ до ареста моихъ товарищей. Это новое открытіе мучительно сжало мое сердце, и въ то же время я почувствовалъ мгновенно созрѣвшую рѣшимость взять на себя нѣкоторые проступки арестованныхъ лицъ и по возможности выгородить иныхъ изъ самаго дѣла. Эта мысль

воодушевила меня, и я чувствовалъ себя въ силахъ перенести тяжелыя страданія одиночнаго заключенія. Въ тотъ же самый моментъ въ коридорѣ послышались мѣрные и спокойные шаги, какими здѣсь ходятъ начальники, а не подчиненные люди. Я увидѣлъ передъ собою старика въ военной формѣ, еще крѣпкаго на видъ и убѣленнаго совершенно серебряными волосами. Росписавшись въ книгѣ жандарма о сдачѣ ему арестанта, онъ потомъ уже обратился ко мнѣ.

— Вы дворянинъ? Сколько вамъ лѣтъ? Раздѣньтесь... Совсѣмъ!..—махнулъ онъ рукою сверху внизъ для большаго вразумленія.

Я почти машинально снялъ съ себя сюртукъ, брюки и сапоги.

— Все! Все долой!—повторилъ онъ, указывая мнѣ на нижнее бѣлье.

Я чувствовалъ, что со мной дѣлается дурно. Надзиратель и ключникъ быстро обнажили мое тѣло, помогая мнѣ снять послѣдніе покровы.

— Нагнитесь!—командуетъ смотритель. Грубыя руки надзирателя ощупываютъ меня со всѣхъ сторонъ.

— Ничего?—спрашиваетъ смотритель.—Ничего не спрятано?

Надзиратель вторично наклоняетъ меня и ничего не находитъ. Наконецъ, предлагаютъ мнѣ, блѣдному, какъ смерть, одѣться.

Изъ цейхгауза приносятъ рваный арестант-

скій армякъ, туфли изъ толстой конины, называемыя «коты», и черные, солдатскаго сукна, широчайшіе шаровары. Самый свободный человѣкъ чувствовалъ бы себя въ этомъ костюмѣ арестантомъ.

— Свѣти!—сухо приказалъ смотритель и пошелъ со мной за надзирателемъ.

Грузно шлепали по кирпичнымъ плитамъ мои арестантскіе «коты», надѣтые на босую ногу, тогда какъ ровные шаги моей стражи даже пріятно отзывались въ отдаленныхъ углахъ нѣмаго корридора. Тяжелые засовы дверей скрипѣли и съ громомъ падали на полъ, пропуская насъ впередъ. Наконецъ, миновавъ полутемные и низкіе проходы, мы вступили въ центральный корридоръ, освѣщенный керосиновыми лампочками, висѣвшими надъ маленькими дверцами съ нумерами по порядку. Надъ одной изъ такихъ дверей виднѣлась на черной жестянкѣ бѣлая надпись «секретный». Чѣмъ-то ужаснымъ повѣяло на меня отъ этихъ словъ: я еще не освоился съ мыслью, что я не такой человѣкъ, какъ другіе, и даже не такой преступникъ, какъ всѣ. Я секретный...

— Идите скорѣе!—строго замѣчаетъ смотритель.—По сторонамъ ничего нѣтъ интереснаго.

— Да и впереди только секретные номера...

Онъ дѣлаетъ полуоборотъ ко мнѣ, и его строгое, но красивое лице стало еще воинственнѣе.

— Прокуроръ никакого исключенія не велѣлъ дѣлать для васъ...

— Значитъ, насъ много здѣсь?

— Вы числитесь за прокуроромъ, но въ острогѣ принадлежите мнѣ,—еще раздражительнѣе отвѣтилъ онъ и знакомъ руки приказалъ надзирателямъ заслонить собою маленькія дверцы съ надписью.

Я замѣтилъ, что посрединѣ дверей сдѣланы стеклянныя форточки, освѣщенныя снаружи тусклыми лучами лампочки.

— Клеенки навѣсить на форточки.

Не было сомнѣнія, что въ этихъ камерахъ сидѣли «секретные», которые не должны были меня видѣть.

Мы прошли мимо часового съ ружьемъ, поставленнаго охранять корридоръ. Вдругъ я почувствовалъ сырой казематный воздухъ, сильно насыщенный амміакомъ и сѣроводородомъ... Это несло отъ «парашекъ», поставленныхъ на ночь въ общую палату, надъ которой красовалась надпись «послѣдственные».

— А ты секретный,—подумалъ я...

Секретный! Этотъ часовой съ ружьемъ не смѣетъ взглянуть на тебя; этотъ надзиратель не смѣетъ отвѣчать на твои вопросы и, если у тебя есть родные, то тебѣ запрещены съ ними переписка и свиданія.

— Отпирай!—отрывисто приказалъ смотри-

тель, становясь передъ однимъ изъ секретныхъ нумеровъ.

Пока ключникъ подыскивалъ ключъ отъ замка, я еще разъ бросилъ взоръ на длинный, красный отъ кирпича и свѣта, корридоръ.

— Недавно только разсадили «секретныхъ»,— думалось мнѣ.—Изъ канцеляріи еще не убраны, по безпечности каптенармуса, ихъ вещи въ цейхгаузъ; а къ форточкамъ дверей не прибиты клеенки. Непремѣнно это мои товарищи, изъ которыхъ многіе замѣшаны въ наше дѣло по простому знакомству и не знаютъ, за что страдаютъ.

— Это будетъ вашимъ помѣщеніемъ,—прервалъ мои мысли смотритель, указывая рукой на отпертое темное пространство.

— Это?

— Одиночное заключеніе,—подсказалъ онъ, вторично приглашая войти. — Эй, лампу... Надзиратель! Не сюда... Снаружи къ форточкѣ! Чтобы завтра же утромъ были клеенки, а на ночь отдергивать ихъ въ бокъ или къ верху.

— Будетъ сдѣлано-съ!.. Поздно принесли сегодня клеенку. Не поспѣлъ, ваше высокоблагородіе.

— Непремѣнно же!

— Будетъ готово утромъ.

— Вотъ ваша кровать, столъ, образъ,—указалъ смотритель на чуть виднѣвшіеся предме-

ты. — Когда вамъ будетъ надо что нибудь, постучите въ дверь и скажите ключнику позвать меня. Я приду. За разговоръ со стражей подвергаетесь строгой отвѣтственности. Прокуроръ не велѣлъ дѣлать никакого исключенія. Ложитесь теперь спать. Утро вечера мудренѣе. Покойной ночи.

Я такъ былъ озадаченъ, что едва замѣтилъ въ потьмахъ протянутую мнѣ руку. На допросахъ прокуроръ и жандармскій полковникъ, отправляя меня подъ конвоемъ въ тюрьму, также прощались посвѣтски.

Ключникъ привѣсилъ къ двери каземата большой замокъ и долго гремѣлъ и дергалъ его, чтобы провѣрить самого себя. Затѣмъ онъ весьма часто заглядывалъ ко мнѣ черезъ стекло форточки, точно поражаясь тѣмъ, что я все стою на одномъ мѣстѣ.

Казематный воздухъ былъ пропитанъ сыростью. Визгъ мышей подъ деревянными половицами нарушалъ тишину одиночнаго заключенія... И подъ этотъ визгъ и отдаленный стукъ ружейнаго приклада въ рукахъ часового вдругъ врывались ко мнѣ сладкія думы о минувшемъ, такъ ярко и отрядно смягчавшія ужасъ первой ночи въ тюрьмѣ. Чѣмъ страшнѣе выступала дѣйствитеньность, тѣмъ пламеннѣе вспоминались и свѣжій воздухъ, и родина, и милый ликъ дѣвушки съ искрящимися глазами и волнами шелковыхъ кудрей...

II.

Первая ночь одиночнаго заключенія—безсонная ночь, изрѣдка нарушаемая за стѣнами тюрьмы протяжными окликами солдатъ: «слу-ша-а-ай!». А затѣмъ опять мертвая тишина и опять незнакомые звуки... Иногда крадучись по каменнымъ плитамъ, сторожъ приближался къ форточкѣ моей двери и уныло возвращался къ себѣ на коникъ, досадуя на одолѣвающій его сонъ. Гдѣ-то сзади меня билась въ сѣти паука попавшаяся муха и долго не умолкала подъ его жаломъ.., Но и тишина не приносила желаннаго сна и покоя.

«Одинокъ я—нѣтъ отрады:
«Стѣны голыя кругомъ;
«Тускло свѣтитъ лучъ лампады
«Умирающимъ огнемъ.
«Только слышно за дверями:
«Звучно мѣрными шагами
«Ходитъ въ тишинѣ ночной
«Безотвѣтный часовой»...

Но вотъ барабанъ пробилъ утреннюю зорю, а вмѣстѣ съ свѣтомъ и мое одиночество стало яснѣе и безнадежнѣе.

Старый караулъ смѣнился новымъ. Перебѣгая отъ одного секретнаго номера къ другому, дежурный офицеръ внимательно заглядывалъ черезъ стекло форточки внутрь каземата. Я въ

первый разъ почувствовалъ раздраженіе къ надзору въ щелку... Впослѣдствіи я легко сталъ замѣчать у многихъ людей этотъ подозрительно-высматривающій и дрожащій только за самого себя взглядъ тюремщиковъ.

Съ первыми лучами солнца я осмотрѣлъ подробно свое помѣщеніе. Вытянувъ обѣ руки въ ширину каземата и, покачнувшись въ стороны, я касался его стѣнъ, а, поднявъ руки кверху, я почти доставалъ потолокъ. Длина не превышала шести обыкновенныхъ шаговъ. Весь этотъ каменный ящикъ былъ окрашенъ заново сверху желтой, а снизу черной краской. Разнообразные рисунки и надписи на стѣнахъ были тщательно затерты и замазаны, точно памятники о страданіяхъ въ этомъ номерѣ другихъ людей могли облегчить мое собственное положеніе. Деревянный полъ со щелями и крысиными норами по угламъ былъ очень чистъ и, очевидно, вымытъ еще наканунѣ моего привода. Въ правомъ углу каземата, около двери, стояла «параша», вымазанная внутри дегтемъ и наполненная на четверть водою. Круглая доска покрывала ее сверху. Въ противоположной отъ двери стѣнѣ было продѣлано окно сь двумя желѣзными рѣшетками на столько выше человѣческаго роста, что безъ подставки не было возможности видѣть что либо изъ него. Оно выходило на арестантскій дворъ, помѣщавшійся внутри тюремнаго замка.

Близъ окна стояла деревянная кровать съ матрацомъ и подушкой въ толстыхъ холщевыхъ наволочкахъ. Они были набиты свѣжей еще не ломаной соломой, а холстъ, недавно мытый, пахнулъ сѣрымъ простымъ мыломъ. Одѣяло изъ солдатскаго сукна лежало сверхъ кровати, и только оно было старо и вытерто. Въ углахъ своего помѣщенія я замѣтилъ нѣсколько мокрицъ и сороконожку, а потолкѣ сѣроватыхъ «косарей»-паучковъ, съ длинными, предлинными ножками.

Мнѣ очень скоро пришлось коротко познакомиться съ нѣкоторыми изъ обитателей каземата. Иногда я находилъ ночью кого нибудь изъ нихъ задавленнымъ на моемъ тѣлѣ или легко спасающимся у меня подъ одѣяломъ въ окружающей темнотѣ.

Солнцѣ, свѣтившее на дворѣ, не проникало утромъ въ секретные казематы, и я чувствовалъ холодъ и сырость.

Шумъ ключей прервалъ мои наблюденія.

Въ корридорѣ отпирали казематы. Желѣзные болты, охватывающіе тюремную, въ руку толщины, дверь, съ грохотомъ падали на каменный полъ и вновь съ такимъ же шумомъ переплетали собою казематъ послѣ его уборки. Очередь дошла и до моего номера...

На двѣ минуты я увидѣлъ опять около себя людей. На порогѣ каземата жирный ключникъ остановился въ наблюдательной позѣ, пропустивъ

мимо себя арестанта съ шваброй въ рукахъ. Этотъ «хожалый», изъ уголовныхъ арестантовъ, убиралъ наши казематы, разносилъ намъ кипятокъ для заварки чаю, обѣдъ, и прислуживалъ въ банѣ.

Проворно вымылъ онъ полъ мокрой шваброй, перемѣнилъ воду въ «парашѣ» и подобралъ въ горсть весь соръ, сметенный въ кучку. При всемъ моемъ желаніи заглянуть ему въ лицо и глаза, я долго не могъ этого сдѣлать: такъ проворны были его движенія, и такъ очевидно ему было приказано не только не разговаривать со мною, но даже и не встрѣчаться взглядами. Но простому мужику-арестанту это было не подъ силу. Передъ самымъ уходомъ онъ повернулъ голову въ мою сторону, и его плутоватые глаза слишкомъ краснорѣчиво говорили о готовности сообща обмануть наше начальство.

Въ эту минуту голосъ суроваго ключника раздался надъ нимъ:

— Ты чего это? Кончилъ свое дѣло и уходи. А ты чего?

— Да я что жъ?

— Какъ что! Ты зачѣмъ глаза-то пялилъ? Тебѣ что отъ нихъ надо?

— Въ карцеръ его!—закричалъ подбѣжавшій надзиратель.

— За что же такъ? Зря-то...

— А, ты еще разговаривать!

Съ этими словами надзиратель схватилъ хожалаго за плечо и потащилъ его по корридору.

Я слышалъ, какъ позвали для уборки казематовъ новаго хожалаго съ внушительнымъ наставленіемъ:

— Не то, что говорить, но и смотрѣть не долженъ на нихъ. Дѣлай свое дѣло, и никто тебя не посадитъ на-хлѣбъ-на-воду.

Однако едва отперли сосѣдній номеръ, какъ поднялся крикъ и шумъ. Надзиратель уже гналъ хожалаго обратно изъ каземата, награждая легкими ударами кулака въ шею, когда тотъ оборачиваясь оправдывался:

— Что же я сдѣлалъ, г. надзиратель? Мнѣ баринъ кланяется, и я ему поклонился...

— Молчи, осина! Погоди... Я еще раздѣлаюсь съ тобой. Гдѣ Алексѣй?

— Какой?

— Съ выбитымъ глазомъ...

Мнѣ было слышно, какъ по корридору бѣжалъ человѣкъ, хлопая по полу «котами», а другой говорилъ ему:

— Ты съ разсудкомъ, Алексѣй, и понимаешь, какъ надо служить у секретныхъ...

— Понимаю! Въ Москвѣ видалъ ихъ въ Пугачевской башнѣ. Значитъ съ секретнымъ и веди себя по секретному.

— Вотъ молодецъ! Люблю за ухватку.

— Ухватка моя мнѣ дорого стоитъ. Меня

всѣ начальники любили за ухватку... Разъ только побили. Съ тѣхъ поръ и окривѣлъ...

Но и этотъ хожалый провинился въ одномъ изъ дальнихъ номеровъ и, какъ видно, гораздо серьезнѣе, чѣмъ всѣ предыдущіе. Надзиратель тащилъ его не въ карцеръ, а въ канцелярію, приговаривая:

— Богъ мѣтитъ шельму, кривоглазый! Онъ тебя, смотритель-то... Ишь, какая у него ухватка! Записки передавать... Ну, держись крѣпче теперь на ногахъ... Устоишь ли? Онъ тѣ, смотритель...

— Ай, народъ! — ворчалъ ключникъ, окончивъ уборку номеровъ и передавая событія пришедшему на смѣну новому ключнику.

— Также и у меня попадались, — утѣшалъ его другой.—Кого ни возьми въ хожалые: либо дуракъ, либо чищенный плутъ.

— Всѣ плуты! Спасибо, что караульные офицера не присутствуютъ при уборкѣ... А то и самого прогонятъ.

— Да песъ съ нимъ съ мѣстомъ-то! Займусь торговлей. Лавку открою... Безъ хлопотъ.

— Вашъ братъ еврей не проторгуется! Знаетъ, кому дать въ долгъ, а кому нѣтъ. Не отгонитъ отъ себя покупателя... Торговые люди!..

Мой номеръ помѣщался вблизи коника, гдѣ смѣнялись и дежурные ключники.

Внезапный приходъ смотрителя помѣшалъ ихъ мирной бесѣдѣ о торговлѣ.

— Хлѣбъ розданъ заключеннымъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе... Хожалаго ищутъ.

— Отворяй двери.

Вновь заскрипѣли болты и грохотъ желѣза. Это смотритель дѣлалъ намъ утренній визитъ.

Днемъ онъ не глядѣлъ такимъ воинственнымъ и суровымъ «чортомъ» (такъ звали смотрителя уголовные арестанты за его физическую силу), какимъ онъ показался мнѣ ночью при пріемѣ. Лицо его часто было печальнымъ и грустнымъ, точно онъ тяготился своими обязанностями. Въ омраченной ненавистью обстановкѣ онъ производилъ пріятное впечатлѣніе своимъ чистымъ видомъ и новенькимъ мундиромъ, изъ-подъ котораго выглядывало тонкое бѣлье съ золотыми запонками и дорогіе брилліанты на кольцахъ. Протянувъ мнѣ руку, онъ спросилъ о томъ, какъ я провелъ ночь.

— Прекрасно. Не могу пожаловаться.

— Это хорошо... Первое время особенно тяжело для многихъ...

— Но и мнѣ нелегко.

— Вы молоды. У меня старики сидѣли въ Польшѣ, но и тѣ не падали духомъ... Честнымъ человѣкомъ и въ тюрьмѣ можно остаться.

— Я вамъ очень благодаренъ за эти мысли. Съ ними легче.

— Въ жизни всего насмотришься! — ото-

звался онъ, мѣняя разговоръ. — Вамъ сейчасъ принесутъ чернаго хлѣба и кипятокъ. Я уже распорядился купить чаю. Прокуроръ разрѣшилъ имѣть его тѣмъ заключеннымъ, у которыхъ есть свои средства.

— Значитъ, есть и такіе, у которыхъ нѣтъ денегъ?

— Я не имѣю права отвѣчать вамъ.

— Нельзя ли отдать имъ мои деньги?

— Если вы жертвуете на арестантовъ, то это позволено.

— Назовите, какъ хотите... У меня съ собой болѣе ста рублей, и я прошу, чтобы всѣмъ покупали чаю, сахару и булокъ.

— Я спрошу прокурора... Вѣроятно, разрѣшитъ. А вотъ и кипятокъ вамъ...

Пропустивъ съ жестянымъ чайникомъ хожалаго, смотритель взялъ со стола свою фуражку и пошелъ съ визитомъ къ слѣдующимъ заключеннымъ.

III.

Надзиратель принесъ изъ канцеляріи купленный мнѣ свертокъ чаю. Утоливъ голодъ чернымъ хлѣбомъ, я пожелалъ узнать, что дѣлается у насъ на дворѣ.

Пододвинувъ къ стѣнѣ столъ и ставъ на него, я увидѣлъ изъ окна широкій мощеный

камнемъ дворъ, наполненный арестантами въ ихъ отверженныхъ костюмахъ... Глубокое чувство жалости проникало въ сердце, при взглядѣ на этотъ погибшій народъ, принужденный «ѣсть прошенное, носить брошенное и жить краденымъ».

— Господинъ! А, господинъ! — окликнулъ меня кто-то сзади. — Сойдите съ окна... Развѣ можно такъ?

Я увидѣлъ передъ собою рыжую, еврейскую физіономію новаго ключника.

— А развѣ нельзя? Я не зналъ...

— Съ меня самого взыщутъ, если смотритель застанетъ васъ у окна. А то велитъ посадить въ намордникъ...

— Что такое...

— Номерокъ такой... Окно закрыто мелкой проволочной сѣткой.

— Зачѣмъ же это?

— Чтобы какой нибудь арестантъ со двора не бросилъ вамъ въ окно записку или папиросу.

— Спасибо за свѣдѣніе,—подумалъ я, спускаясь съ окна на полъ. Когда нибудь воспользуюсь арестантами для тайной переписки.

Прежній ключникъ былъ молчаливъ, а этотъ, робко озираясь по сторонамъ и прислушиваясь къ малѣйшему шороху въ корридорѣ, спросилъ меня съ чисто еврейскимъ любопытствомъ:

— Вы изъ господъ? Значитъ всѣ по одному

дѣлу... Всѣхъ здѣсь сидитъ двѣнадцать человѣкъ. Изъ Самары привезли еще...

— Кого же?

— Потомъ узнаю фамиліи... На прошломъ моемъ дежурствѣ не было ихъ...

— Узнай, ради Бога, я тебя поблагодарю. Постой: у меня есть чай и сахаръ.

— Не нужно, господинъ. Я безъ интереса...

Едва онъ успѣлъ закрыть ротъ, какъ смотритель точно выросъ передъ нимъ изъ-подъ земли.

— Ты зачѣмъ здѣсь? О чемъ разговаривалъ съ заключеннымъ?

— Въ стѣнку изволили стучать... Объяснялъ имъ, что это не приказано.

— Уже научились разговаривать стукомъ?— обратился онъ ко мнѣ. — Придется доложить прокурору, если будете перестукиваться... А ты не позволяй!—крикнулъ онъ ключнику. — Сейчасъ же доноси мнѣ, если застанешь за стукомъ.

По его уходѣ ключникъ, запирая дверь, тихо произнесъ:

— Это надзиратель увидѣлъ меня у васъ и донесъ смотрителю... Осторожнѣе, господинъ.

Замокъ щелкнулъ, и я опять остался одинъ, съ загадкою о томъ, что такое означаетъ стукъ въ стѣну, и какую пользу можно извлечь изъ него.

Сочувствіе еврея къ моему положенію удивляло меня, и я до сихъ не могу объяснить без-

корыстныя жертвы и опасности, которымъ подвергался изъ-за насъ въ провинціальной тюрьмѣ этотъ высокій съ рыжыми баками израиль.

Въ двѣнадцать часовъ колоколъ на дворѣ извѣстилъ время обѣда, и всѣ арестанты отправились со двора каждый въ свою палату.

Хожалый разнесъ также и «секретнымъ» общій арестантскій обѣдъ, состоявшій изъ жидкихъ щей и плохо свареной гречневой каши. Эти блюда, особенно щи, отличавшіяся острымъ вкусомъ и кислотой, первое время даже нравятся. Члены всевозможныхъ коммиссій, пробующіе арестантскую пищу, остаются всегда ею довольны. Но кто ѣлъ эту кислую или мучную пищу цѣлые мѣсяцы и годы, того тошнитъ при одномъ о ней воспоминаніи. Я до сихъ поръ рѣдко могу съѣсть двѣ ложки гречневой каши, потому что она напоминаетъ мнѣ отвратительную арестантскую размазню.

— Кипятку не нужно ли?—спросилъ ключникъ послѣ обѣда и подалъ мнѣ для засыпки чая жестянку. — Можетъ быть, желаете крендельковъ? Арестанты берутъ не дорого... Сами готовятъ здѣсь.

— Возьми фунтикъ.

Я радъ былъ сократить время ѣдой, чаепитіемъ и даже ссорою съ смотрителемъ, лишь бы поскорѣе дождаться ночи и забыться во снѣ. Но чѣмъ ближе наступалъ вечеръ, тѣмъ тоскли-

вѣе чувствовалось одиночество и безсиліе узнать, что дѣлается на волѣ съ друзьями.

Ключникъ какъ-то вдругъ сталъ особенно остороженъ и суровъ со мной, желая этой хитростью отвлечь подозрѣнія подсматривающаго за нимъ надзирателя.

Наконецъ барабанщики забили вечернюю зорю, и въ острогѣ началась повѣрка арестантовъ: военный караулъ осмотрѣлъ черезъ форточки дверей всѣхъ секретныхъ, а уголовныхъ арестантовъ собрали по срединѣ двора на перекличку и затѣмъ ихъ погнали въ палаты на молитву.

Я опять залѣзъ на столъ и сталъ смотрѣть въ окно. Изъ палатъ «уголовныхъ» доносились ко мнѣ лязгъ цѣпей, заглушаемый арестантскими голосами: «Царю небесный, Утѣшителю, Душе истины».

Вдали надъ стѣнами острога возвышались горы, и заходящее солнце красиво преломлялось на ихъ зеленыхъ вершинахъ. Иногда по нимъ прогоняли рогатый скотъ, казавшійся за дальностью разстоянія черными точками. Иногда степной орелъ быстро пролеталъ надъ ними и, точно пугаясь бѣлаго зданія, изрытаго желѣзными рѣшетками, поднимался къ облакамъ и исчезалъ за Волгой. Этотъ клочекъ природы, видимый изъ окна моего каземата, приковывалъ всегда меня къ себѣ по цѣлымъ часамъ, пока

не раздавался стукъ еврея и его предостерегающій шепотъ:

— Вы бы маленькую опаску имѣли. Заглянетъ надзиратель къ вамъ, что тогда будетъ?

— Ничего... не заглянетъ.

— Это вамъ ничего, а намъ и очень даже достанется. Вы по цѣлому часу не слѣзаете съ окна. Надзирателишки тоже шляются по корридору и доносять смотрителю. Надо опаску имѣть, господинъ.

— Ладно. Больше не буду... Оставь меня!

Я начиналъ вновь ходить изъ угла въ уголъ, хмурый и оскорбленный тѣмъ, что мнѣ имѣютъ право сказать: слѣзьте съ окна, не дѣлайте того-то, и я долженъ притворяться и обѣщать, что «больше не буду»...

О, какъ тяжки эти ненужныя и еще непривычныя мнѣ тюремныя стѣсненія! А то ли еще предстояло впереди? То ли еще пришлось видѣть мнѣ?.. То ли еще? Ахъ, лучше бы память измѣнила. Лучше бы... Да, нѣтъ, и безъ памяти худо жить!

Въ уголъ корридора, гдѣ помѣщался коникъ и рядомъ съ нимъ мой казематъ, пришелъ хожалый чистить и приготовлять лампы на ночь. Ключникъ досталъ ему изъ коника керосинъ и волосяной ершикъ для лампъ, а самъ пошелъ въ сосѣдній корридоръ побесѣдовать съ другимъ ключникомъ.

Послѣдніе лучи солнца какимъ-то чудомъ проникли въ окно моего каземата и, поигравъ около меня нѣсколько минутъ, безслѣдно исчезли...

— Солнышко, солнышко! — съ отчаяніемъ шепталъ я, хватая руками его преломляюшіяся и тающія блестки. Еще минуту свѣта! Одну минутку!

Но сумерки густѣли, тюрьма окончательно затихла, и одиночество мое стало еще безконечнѣе.

Вдругъ кто-то сильно дунулъ въ щель моей двери: еще разъ и еще...

— Давайте записку, давайте, передамъ... Скорѣе, а то застанутъ!

Я ничего не понималъ, а торопливый шепотъ слышался у двери:

— Подъ порогъ суньте, если будетъ записка... Въ другой разъ, когда приду чистить лампы.

— Спасибо! Спасибо!

— Ключникъ идетъ!..

Мы оба отскочили отъ двери: хожалый теперь уже дулъ въ стекла отъ лампъ и въ десятый разъ протиралъ ихъ ершикомъ; а я старался продлить охватившее меня волненіе, чувствуя, какъ кровь заливаетъ мое лицо, и какъ въ сердце проникаютъ неопредѣленныя, но радостныя надежды...

У форточекъ отдернули клеенки и зажгли лампы.

Давно уже въ тюрьмѣ установилась тишина, во время которой уголовные арестанты залѣзли на окна, цѣпляясь за рѣшетки и приникая къ нимъ своими блѣдными измученными лицами. Жадно слѣдили они взглядами за догорающимъ на горахъ солнцемъ, припоминая подъ такимъ же солнцемъ свои родныя селенья, поля и покосы. До боли ноетъ сердце узниковъ, и душа просится въ ширь небесную изъ неволи и тьмы.

— Пѣсню! — вдругъ закричалъ одинъ изъ нихъ среди мертвой тишины.—Пѣсню играй! Запѣвалы, что же пріуныли?

— Начинай,—поддержалъ его другой страстнымъ и напряженнымъ голосомъ.

— Начинайте вы, а мы пристанемъ.

Я также бросился къ окну, забывая запрещеніе и радуясь, что могу издали видѣть, сквозь рѣшетки оконъ, человѣческія лица и слышать ихъ голоса.

Съ разныхъ оконъ грянули пѣсни волжско-донского разбойничества и малороссійскаго гайдамачества: «Помутился славный тихій Донъ»; «Ужъ какъ по морю, по морю синему, по синему, по Хвалынскому»; «Какъ во славномъ городѣ въ Астрахани очутился-проявился тутъ незнакомый человѣкъ»; «Внизъ да по матушкѣ по Волгѣ»; «Ужъ какъ палъ туманъ на сине море, а злодѣй тоска въ ретиво сердце»; «Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталась, зашa-

талась безпріютная головушка» и т. д. Давно уже ночь спустилась на арестантскій дворъ; но тюрьма не спитъ и толпится около своихъ пѣсенниковъ.

«И вотъ повели, затянули,
«Поютъ заливаясь они
«Про Волги широкой раздолье,
«Про даромъ минувшіе дни...

Чѣмъ-то трогательнымъ отзывались эти разбойническія пѣсни о «добрыхъ молодцахъ», захватывая духъ и вызывая слезы.

. . . .
. . . .
«Однихъ я самъ пугаюся,
«Другой бѣжитъ меня:
«Всѣ други, всѣ пріятели
«До чернаго лишь дня!
«Ни роду нѣтъ, ни племени
«Въ чужой мнѣ сторонѣ;
«Не ластится любезная
«Подруженька ко мнѣ!
«Не плачется отъ радости
«Старикъ, глядя на насъ;
«Не вьются вкругъ малюточки,
«Тихохонько рѣзвясь!
«Возьмите же все золото,
«Всѣ почести назадъ;
«Мнѣ родину, мнѣ милую,
«Мнѣ милой дайте взглядъ!»

— Важно!—Спасибо!—кричитъ тюрьма. Нарывчатая пѣсня... До слезъ!

— Хорошо выводитъ! Молодецъ Егорка!

— Ну-ка ты, Василій. Кто кого?

«Не слышно шуму городскаго,
«Въ заневской башнѣ тишина,
«И на штыкѣ у часового
«Горитъ полночная звѣзда.
«Вотъ бѣдный юноша, ровесникъ
«Младымъ цвѣтущимъ деревамъ,
«Въ глухой тюрьмѣ заводитъ пѣсню
«И отдаетъ тоску волнамъ».

Кто-то попробовалъ въ это время перекинуться посторонней между собой фразой, но вся тюрьма грозно закричала:

— Молчать, сволочь! Не наговорился днемъ-то...

Мгновенно и безъ малѣйшаго протеста смолкли нарушители общественнаго настроенія, и пѣсни стали чередоваться одна за другой при страстномъ вниманіи и сожалѣніи арестантовъ объ утраченной ими жизни честнаго человѣка.

Ахъ, если бы администрація пользовалась этими чувствами, будила и поддерживала оныя въ нихъ... Но тюремныя правила запрещаютъ даже пѣсни, какъ и всякія рѣзвости, хохотъ и громкіе разговоры. Пѣвцовъ всегда могутъ посадить на хлѣбъ и воду въ карцеръ. А между тѣмъ пѣсни существуютъ для добрыхъ людей, и заключенные ночью поютъ ихъ, превращая острогъ въ любительскій клубъ и отдыхая на нѣсколько часовъ душой, жалѣя другъ друга и кротче и милосерднѣе крестясь на сонъ грядущій.

Я вспомнилъ разсказъ о томъ, какъ одинъ изъ Бестужевыхъ, желая узнать своего сосѣда въ Петропавловской крѣпости, засвисталъ мо-

тивъ аріи, извѣстной только его брату. Въ отвѣтъ онъ услышалъ повтореніе этого мотива, и братья тотчасъ же узнали другъ друга. Я также громко запѣлъ въ окно студенческую дубинушку:

«Много пѣсенъ слыхалъ я въ родной сторонѣ:
Не про радость—про горе въ нихъ пѣли;
Изъ тѣхъ пѣсенъ одна въ память врѣзалась мнѣ—
Это пѣснь о рабочей артели».

Тотчасъ же я услышалъ на многихъ окнахъ продолженіе этой пѣсни съ позднѣйшими измѣненіями и дополненіями; но тотчасъ же въ коридорѣ застучали болты дверей «секретныхъ» казематовъ и дежурный офицеръ заявилъ каждому изъ насъ, что одиночно-заключеннымъ строго запрещено пѣть, и мы будемъ отвѣчать за безпорядокъ, если не замолчимъ.

Мы перестали, но уже были счастливы тѣмъ, что сидимъ вмѣстѣ и чувствуемъ присутствіе другъ друга.

IV.

Послѣдующій день и безконечный рядъ новыхъ дней я переживалъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Одиночное заключеніе открывало мнѣ изумительно неожиданныя новости, потрясавшія нервную систему до того, что у меня не хватало времени страдать отъ недостатка жизни. Никогда дни и ночи не протекали такъ быстро,

какъ теперь. Вставая по утру, я не могъ опредѣлить, что случится со мною, что будетъ меня мучить въ этотъ день и о чемъ я буду думать. При неестественной жизни, заключенный не только постоянно измышляетъ изумительно разнообразные способы перехитрить тюремщика и вырваться изъ-подъ его надзора, но онъ страшно идеализируетъ самого себя, свое прошлое, взвѣшиваетъ ошибки и постоянно мечтаетъ о лучшемъ будущемъ. Сходное съ этимъ замѣчалъ и Достоевскій въ уголовныхъ арестантахъ: «Всякій каторжникъ,— говоритъ онъ, — чувствуетъ, что онъ не у себя дома, а какъ будто въ гостяхъ. На двадцать лѣтъ онъ смотритъ, какъ на два года, и совершенно увѣренъ, что и въ пятьдесятъ пять лѣтъ, по выходѣ изъ острога, онъ будетъ такой же молодецъ, какъ теперь въ тридцать пять. «Поживемъ еще», думаетъ онъ и упрямо гонитъ отъ себя всѣ сомнѣнія и прочія досадныя мысли. Даже сосланные безъ срока, особаго отдѣленія, и тѣ разсчитываютъ иногда, что вотъ нѣтъ-нѣтъ, а вдругъ придетъ разрѣшеніе изъ Питера: «переслать въ Нерчинскъ, въ рудники и назначить сроки». Тогда славно: во-первыхъ, въ Нерчинскъ чуть не полгода идти, а въ партіи идти противъ острога куды лучше! а потомъ кончить въ Нерчинскѣ срокъ и тогда»... И вѣдь такъ разсчитываетъ иной сѣдой человѣкъ!» А я былъ счастливъ, молодъ, и му-

дрено ли, что, не подозрѣвая въ людяхъ низости и ловушекъ, воображалъ, ѣдучи однажды на допросъ, будто всѣ прохожіе сочувственно оглядываютъ меня и готовы укрыть отъ жандарма, еслибъ мнѣ удалось благополучно соскочить съ дрожекъ и бѣжать. Я думалъ:

— Это теперь неудобно... До другого раза. А какъ бы хорошо бросить письмо незамѣтно отъ конвойнаго на глаза прохожему. Я просилъ бы перваго встрѣченнаго придти ко мнѣ на свиданіе въ острогъ въ качествѣ знакомаго и прислать мнѣ книгъ для чтенія. Кто знаетъ, можетъ быть, и въ его домѣ есть арестованные, и онъ посочувствуетъ моему желанію. Еслибъ мы видѣлись и говорили другъ съ другомъ, то могли бы и обо многомъ вмѣстѣ думать и взаимно любить другъ друга! Кто знаетъ, можетъ быть...

Жандармъ остановилъ извозчика передъ небольшимъ красивенькимъ домикомъ, окна котораго были закрыты ставнями, а крыльцо крѣпко заперто. Для посторонняго человѣка этотъ домикъ былъ уже нѣсколько недѣль недоступенъ, хотя къ нему часто подъѣзжали обыкновенныя извозчичьи дрожки или закрытая карета, съ быстро выскакивающими оттуда лицами и также быстро исчезающими за дверями параднаго крылечка.

— Квартира прокурора! Пожалуйте.

Едва извозчикъ успѣлъ остановить лошадь, какъ рѣзныя двери крыльца отворились, и оттуда показался другой, поджидавшій насъ, жандармъ.

Съ величайшей суетливостью и быстротой меня ввели во флигерь.

Свѣжій комнатный воздухъ, совершенно отличный отъ тюремнаго, цвѣты на окнахъ, зеркало, чистый натертый воскомъ полъ, мягкая мебель, тиканье часовъ, картины, шляпы на столѣ и шорохъ посторонняго человѣка въ сосѣдней комнатѣ—произвели пріятное и сильное впечатлѣніе на меня. Не смотря на короткое время одиночнаго заключенія, я уже успѣлъ отвыкнуть отъ столь обыкновенныхъ вещей. Я ощупывалъ рукой диванъ и съ любопытствомъ засмотрѣлся на самого себя въ зеркало, не видавъ собственнаго лица болѣе мѣсяца. Въ эту минуту молодой товарищъ прокурора показался изъ сосѣдней комнаты съ перьями и карандашами въ рукѣ. Разложивъ ихъ на столѣ и приказавъ жандармамъ дожидаться въ передней, онъ опять ушелъ въ смежную комнату за бумагой. Съ быстротою молніи я схватилъ со стола одинъ изъ карандашей и сломалъ его тонкій и очиненный конецъ. Радостное чувство охватило меня всего, когда мнѣ удалось благополучно спрятать кусочекъ графита къ себѣ въ карманъ.

Скоро пріѣхалъ жандармскій полковникъ и

старый прокуроръ, приступившій тотчасъ же къ снятію съ меня показаній. Во время допроса меня занимала одна мысль о томъ, какъ бы мнѣ воспользоваться кусочкомъ спрятаннаго карандаша и написать потихоньку записку къ одному благонамѣренному знакомому въ городѣ, чтобы тотъ выпросилъ себѣ свиданіе со мною.

— Позвольте, г. прокуроръ, на минутку выдти.

— Сдѣлайте одолженіе... Вамъ покажутъ.

Меня провели изъ комнаты въ корридоръ и оставили одного. Найдя тамъ клочекъ бумаги, я осторожно набросалъ на немъ нѣсколько нужныхъ мнѣ словъ и адресъ. Затѣмъ я вернулся въ комнату на допросъ.

— Запирательство не поможетъ вамъ,—говорилъ старшій прокуроръ.—Вы даете показанія только для того, чтобы выгородить своихъ товарищей.

— Это правда, но правда и то, что они ни во что не посвящены и арестованы по недоразумѣнію.

— Что дѣлать! Когда ловятъ рыбу неводомъ, то вмѣстѣ съ крупной попадаетъ и мелочь.

— Но мелочь выбрасываютъ обратно въ воду.

— Обратно въ воду? Чтобы потомъ вытаскивать ихъ на удочку по одиночкѣ? Нѣ-ѣ-тъ-съ... Вашихъ товарищей также не освободятъ до тѣхъ

поръ, пока вы будете упорствовать и все отрицать.

— У васъ и безъ того, г. прокуроръ, достаточно уликъ противъ меня. Вы сами говорите, что мое запирательство не поможетъ мнѣ, и слѣдовательно правосудіе будетъ удовлетворено.

— О, конечно! Вамъ опять придется вернуться въ тюрьму.

— Надолго?

— Можетъ быть даже навсегда... Противъ васъ сильныя улики. Только откровенное сознаніе... Но вы не хотите? Какъ вамъ угодно! Мы васъ не принуждаемъ. Дѣло такъ ясно. Само за себя говоритъ.

— Я того же мнѣнія.

— Какъ вамъ угодно! Какъ вамъ угодно! Мы не принуждаемъ васъ... Жандармъ, позови извозчика...

Опять посадили меня на извозчичьи дрожки и повезли черезъ весь городъ обратно въ тюремный замокъ. Мнѣ все-таки удалось, не возбудивъ подозрѣнія жандарма, выкинуть записку съ адресомъ на глаза, какъ мнѣ показалось, заинтересовавшагося мною прохожаго. Почти счастливый и радостный, я вернулся въ свой казематъ, благополучно пронесши графитъ карандаша между двумя сжато вытянутыми пальцами рукъ во время поверхностнаго обыска меня въ канцеляріи острога.

— Теперь,—думалъ я:—надо достать бумаги и черезъ ключника еврея завести корреспонденцію внутри тюрьмы съ заключенными.

V.

Какъ ни былъ, повидимому, простъ планъ о перепискѣ между заключенными, осуществить его, однако, удалось весьма не скоро. Я терялся въ догадкахъ, замѣчая необыкновенную на дежурствѣ сухость ко мнѣ ключника-еврея.

— Записку перехватили у вашего сосѣда,— успѣлъ онъ неожиданно шепнуть мнѣ.—За нами слѣдятъ больше, чѣмъ за вами.

Какую записку и кто перехватилъ ее, я не узналъ. Замѣтилъ только, что хожалый у насъ опять новый, и смотритель чаще прохаживается по коррилору, заглядываетъ въ форточки казематовъ или, потихоньку отпирая дверь, внезапно появлялся съ угрожающимъ видомъ передъ заключеннымъ. Видя, что послѣднему нечего пугаться и прятать что либо, онъ быстро измѣнялъ выраженіе лица и, ласково здороваясь, обнималъ лѣвой рукой арестованнаго за талію и прохаживался съ нимъ по каземату, стараясь весело острить на счетъ сновидѣній одиночно-заключеннаго. Въ той же рукѣ онъ держалъ фуражку, никогда не надѣвая ея на голову во время обхода заключенныхъ и нося ее за козы-

рекъ открытымъ дномъ кверху или оставляя ее въ такомъ же видѣ на столѣ. Уходя, онъ брался за козырекъ и, не покрывая головы, удалялся въ сосѣдній номеръ. Нѣсколько разъ я замѣчалъ на днѣ фуражки какой-то бумажный шарикъ или маленькую трубочку, не придавая имъ никакого значенія. Однажды и самъ смотритель примѣтилъ ихъ и презрительно выбросилъ изъ фуражки въ уголъ каземата, принявъ трубочку за случайный соръ. Первое время и мнѣ не приходило въ голову задуматься надъ этимъ происшествіемъ, но манера смотрителя не надѣвать фуражки на голову, а проходить съ нею въ рукѣ изъ каземата въ казематъ — невольно бросалась въ глаза и запоминалась заключенными, всегда ищущими случая обмануть стражу и эксплуатировать ее.

Оставаясь однако въ своемъ ящикѣ и блуждая взглядомъ по его стѣнамъ и угламъ, я машинально поднялъ съ полу бумажную трубочку съ горошину величины и, развертывая ее, остолбенѣлъ отъ радости и удивленія.

Бумажка была вынута изъ того конца папиросы, которымъ мы беремъ ее въ ротъ, и, окрашенная никотиномъ, пахла табакомъ.

На ней было написано карандашемъ сокращенно и подъ титлами весьма важное указаніе на то, какъ слѣдуетъ держать себя на допросѣ: «Ни съ кѣмъ здѣсь не знакомъ. Отрицаю Пи-

теръ. Москвой и Пензой уличенъ. Работали по найму или моей просьбѣ».

Я узналъ почеркъ дорогого мнѣ человѣка, и чувство радости тотчасъ же смѣнилось ужасомъ и горемъ.

— Ему уже нѣтъ спасенья! Онъ рецидивистъ и противъ него тьма уликъ.

Странное дѣло: состраданіе къ товарищу сдѣлало нечувствительными мои собственныя страданія, и если слезы текли у меня по щекамъ, то въ сердцѣ укрѣплялась рѣшимость страдать долгіе годы, лишь бы не разлучаться съ безусловно погибшимъ другомъ.

— Надо списаться съ нимъ и узнать, въ какомъ онъ номерѣ?— думалъ я, ломая себѣ голову надъ этимъ вопросомъ, пока не пришелъ къ заключенію, что смотритель проноситъ записки въ фуражкѣ и не замѣчаетъ того, какъ заключенный вынимаетъ ихъ у него и такимъ же образомъ бросаетъ въ нее свою записку.

Меня поразила эта смѣлость арестованныхъ, но неосуществимаго въ этомъ способѣ переписки ничего не было, и я рѣшился воспользоваться имъ.

Слѣдующій визитъ смотрителя дня черезъ два сильно меня разочаровалъ.

По обыкновенію, онъ вошелъ ко мнѣ въ номеръ, но положилъ фуражку на козырекъ внутренней стороной на столъ. Записки у меня еще

не было приготовлено, и самъ я еще хорошо не зналъ, какъ это сдѣлать: фуражка лежала у меня на столѣ, но положить въ нее записочку не представлялось уже возможности.

Смотритель замѣтилъ мой озабоченный видъ и насмѣшливо произнесъ:

— Довольно вы надругались надо мной. Довольно! Попался молодецъ-то вчера... Попался!

— Въ чемъ? Что съ вами?

— Не притворяйтесь! Не притворяйтесь! По глазамъ вижу, что вы думаете... Фуражку не по вашему положилъ? Ну, что: отгадалъ? Научился я, батенька, арестантскимъ хитростямъ-то, а вотъ и меня перехитрили... Молодой народъ здѣсь, а меня, старика, обошли. Ужъ я молчу... Какъ же жаловаться прокурору? Прежде всего я же буду виноватъ. Хорошо, если прокуроръ не узнаетъ, и кто нибудь изъ васъ же не проболтается ему.

— Намъ это также не выгодно... О такихъ вещахъ не болтаютъ.

— Конечно, — радостно согласился смотритель. — Это вызоветъ строгости и разныя стѣсненія.

— Мы всѣ понимаемъ это...

— Вѣдь какъ попался-то молодецъ! На мѣстѣ накрылъ... Вижу, бросаетъ мнѣ что-то въ фуражку, я взялъ и только хотѣлъ прочесть записку, какъ онъ вырветъ ее изъ рукъ и въ ротъ себѣ... Такъ вѣдь и проглотилъ! Такъ-таки и

проглотилъ въ одинъ мигъ! Ну, въ другомъ-то номерѣ молодецъ хотѣлъ выкинуть такую же штуку, да не удалось... Едва вѣдь не подрались мы съ нимъ! Вотъ что!... Легко ли съ арестантами имѣть дѣло? Во время польскаго возстанія у меня заключенные, цѣлуясь съ родными, передавали имъ ртомъ записки, а между собой за обѣдомъ стучали ложками о тарелки, да такъ много не наговоришь... А съ вами оскандалился... Самъ же проносилъ секретнымъ ихъ письма.

По уходѣ его, я долго смѣялся надъ нимъ и, право, очень сожалѣлъ, что самъ не успѣлъ воспользоваться его фуражкой.

— Что же это, однако, за исторія — стукъ въ стѣну? — подумалъ я, уже нѣсколько разъ слышавъ этотъ стукъ по сосѣдству. Ранѣе мнѣ ничего не приходилось объ этомъ читать или слышать, а между тѣмъ по всему видно, что администрація преслѣдуетъ его между заключенными.

Я постучалъ въ стѣну и тотчасъ же получилъ отвѣтные удары.

— Но что они означаютъ?—ломалъ я себѣ голову и вновь безъ счету сыпалъ удары указательнымъ пальцемъ въ стѣну.

Въ отвѣтъ я слышалъ правильные удары, съ перерывами и ожиданіями. Сначала я думалъ, что мой сосѣдъ хочетъ числомъ ударовъ опредѣ-

лить число буквъ, составляющихъ его фамилію, и я принимался перебирать всѣхъ своихъ знакомыхъ, но изъ этого ничего не выходило. Я простучалъ ему число буквъ моей собственной фамиліи, но услышалъ цѣлые десятки ударовъ, не понимая ихъ значенія и только отрадно чувствуя присутствіе за стѣною живого и близкаго мнѣ человѣка. Настучавшись пальцемъ и кулакомъ, мы, наконецъ, бросили это занятіе, не понявъ другъ друга.

Между тѣмъ у меня хранился кусочекъ графита, и я мечталъ достать бумагу и дождаться дежурства ключника-еврея, исчезновеніе котораго нѣсколько дней сряду весьма огорчало меня. Скоро для меня стало ясно, что еврей попался въ пособничествѣ заключеннымъ сноситься письменно между собой и былъ уволенъ. Правда, я скоро досталъ себѣ бумаги, добившись разрѣшенія покупать папиросы, которыхъ никогда раньше не курилъ. Я вынималъ изъ нихъ мундштучки изъ писчей бумаги и эти бумажки тщательно пряталъ подъ ножку стола или въ разныя щели стараго пола. Табакъ бросалъ въ парашу или за окно на дворъ, а спички сжигалъ ночью одну за другой, когда мыши и крысы мѣшали мнѣ спать своимъ визгомъ и бѣготней. А спать я всегда торопился, едва кончалась вечерняя повѣрка арестантовъ, и смолкали ихъ удалыя и грустныя пѣсни...

VI.

У Достоевскаго одинъ каторжникъ говоритъ, что, если онъ видитъ сонъ, то непремѣнно такой, гдѣ его бьютъ, другихъ сновъ у него не бываетъ. У меня также сны были почти въ теченіе цѣлаго полугода, каждую ночь, удивительно однообразны. Это были планы о бѣгствѣ изъ тюрьмы, исполненіе самыхъ побѣговъ и свиданія на волѣ съ друзьями и любимой дѣвушкой. Другихъ сновъ у меня не было. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ наступленія ночи, какъ другіе ждали днемъ свиданія съ родными и знакомыми. Счастливые сны! Они живили мою душу и радовали ее призраками счастья и жизни. Недаромъ поэтъ говоритъ о ночныхъ мечтаніяхъ заключеннаго съ такимъ сочувствіемъ:

«Быть можетъ, тѣхъ видѣній свѣтлыхъ рой—
Привѣтъ и даръ страны его родной.
Кровь узника теперь спокойнѣй льется,
Отчаянье въ душѣ его слабѣй,
И головой геройскою своей
Объ камни онъ въ бреду уже не бьется».

Дѣйствительно, ночныя сновидѣнія значительно сократили и облегчили мнѣ самое тяжелое первое время одиночнаго заключенія. Сновидѣнія были такъ живы и реальны, что, просыпаясь, я часто и подолгу не сознавалъ, что лежу на койкѣ тюремнаго каземата, вдали отъ

Петербурга и милыхъ мнѣ лицъ. Всю ночь напролетъ мои мысли вращались около того, какъ бы бѣжать на волю, и часто во снѣ я такъ ловко уходилъ отъ ключника и часовыхъ, что иногда хотѣлъ ·попробовать и наяву выработанный планъ бѣгства.

Спасенный этими снами отъ тоски и отчаянія, я превратилъ ихъ въ дѣйствительность и по цѣлымъ днямъ мечталъ о прошломъ, воскрешая его каждую ночь: то, что въ жизни было разъ и мимолетно, въ тюрьмѣ пережито сотни разъ и за неимѣніемъ новыхъ впечатлѣній воспроизводилось вновь и наполняло собою всю душу и помыслы.

Я пріучилъ себя ложиться спать съ мыслью о свиданіи во снѣ съ тѣми или другими лицами, говорить съ ними на любимыя темы и просыпаться съ глазами, полными радостныхъ слезъ.

Такъ, не смотря на тяжкіе годы въ казематахъ безъ свиданій, безъ гласной переписки, безъ книгъ и допросовъ, я пронесъ черезъ всѣ тюрьмы, по которымъ меня пересаживали, дорогой мнѣ образъ дѣвушки... А между тѣмъ я долго не зналъ ея имени и фамиліи. Я встрѣчалъ ее въ Петербургѣ и среди многихъ дѣвушекъ запомнилъ только ее одну. Не была она лучше всѣхъ, но только все у нея было симпатично и хорошо: граціозная и тоненькая фигурка съ красивой головой, украшенной черными безъ блеска

волосами; выпуклый сжатый съ боковъ лобъ и искрящіеся темные глаза подъ длинными рѣсницами. Голосъ малороссійскій: торопливый, звонкій, съ дѣтскими пѣвучими нотами... Она была близорука и, говоря съ человѣкомъ, пристально всматривалась въ него, иногда черезъ лорнетку въ черепаховой оправѣ. Самъ не знаю, почему я задыхался отъ счастья, когда могъ говорить въ ея присутствіи и слушать ея голосъ.

Я не умѣю распространяться о любви, да и кто можетъ сказать, когда и почему зарождается это чувство. Я запомнилъ южный голось дѣвушки, шелестъ ея платья, позу, въ которой она сидѣла, и нѣжный взглядъ, созданный на радость человѣческаго рода. Этого было довольно, чтобы наполнить мою жизнь блаженствомъ и неисчерпаемой радостью. Но я понялъ это не вдругъ и благословилъ чудное твореніе Бога только тогда, когда всего лишился.

А кто она? Я не зналъ ея имени; но только днемъ въ моемъ казематѣ я мысленно вмѣстѣ съ ней пилъ изъ жестянки заваренный чай и дѣлилъ обѣдъ изъ бурды и розмазни. Прохаживаясь по цѣлымъ часамъ изъ угла въ уголъ и глубоко вздыхая, я чувствовалъ, что и она сочувствуетъ мнѣ и также плачетъ гдѣ-то здѣсь, около меня... А ночью, едва сонъ смыкалъ глаза, мы уже были вдвоемъ на Украйнѣ и Волыни, воодушевленные одними идеалами и страхами. Сча-

стливый возрастъ, который довольствуется счастливыми снами!

Были ли у другихъ заключенныхъ такіе сны—не знаю; но любящая женщина сбережетъ человѣку и на каторгѣ его характеръ и достоинство, нужныя и для испытанія, и для жизни по освобожденіи. Будьте же благословенны ободрявшіе насъ образы дорогихъ дѣвушекъ, умѣвшихъ проникнуть черезъ толстыя стѣны тюремъ въ сердца заключенныхъ и сберечь насъ отъ паденій и тоски

VII.

Ночью я торопился заснуть въ полной увѣренности быть на нѣсколько часовъ счастливымъ.

Одно, что меня крайне огорчало, это непониманіе стука въ стѣну, который по ночамъ особенно усиливался у заключенныхъ.

Я тщетно искалъ ключа къ таинственнымъ ударамъ, которыми меня призывали къ стѣнѣ мои сосѣди. Я часто слышалъ, какъ ключники ссорились съ заключенными изъ-за стука и грозились пожаловаться на нихъ смотрителю.

Не принимая участія въ стуколкѣ и пользуясь хорошими отзывами надзирателей, я заслужилъ особую милость у смотрителя, который, визитируя заключенныхъ, заходилъ ко мнѣ и сообщалъ нѣкоторыя незначительныя новости,

не оставляя своей фамильярной манеры: поздоровавшись, обнять арестованнаго за талію одной рукой и пройтись съ нимъ разъ или два по камерѣ. Исторія съ фуражкой навела меня на мысль эксплуатировать эту фамильярность. Я не зналъ, какъ это сдѣлать, хотя иногда мнѣ хотѣлось заготовить тоненькую трубочкой записку и сунуть ему за пуговицу или повѣсить на ниткѣ сзади сюртука въ то время, когда онъ ходитъ, обнявъ меня рукой, и отъ меня направляется къ другимъ заключеннымъ. Еслибъ было можно увѣдомить ихъ объ этомъ, то несомнѣнно смотритель нѣкоторое время послужилъ бы намъ вторично собственной особой почтальономъ.

Я не зналъ, какъ сообщить объ этомъ открытіи своимъ сосѣдямъ, и бѣсновался на себя за то, что не понималъ разговора стукомъ. Но скоро случай, безъ котораго въ тюрьмѣ ничего не дѣлается, помогъ мнѣ и здѣсь.

Однажды, въ субботній день, надзиратель вошелъ ко мнѣ въ номеръ и сказалъ:

— Смотритель приказалъ узнать: желаете ли вы идти въ баню попариться? У насъ своя баня.

— Отлично. Когда же?

— Вотъ ужо... Придутъ за вами.

Въ ожиданіи бани, я тщательно запряталъ свои бумажки, зная, что во время отсутствія заключеннаго ключники и надзиратели дѣлаютъ обыски въ нашихъ камерахъ.

Послѣ обѣда надзиратель повелъ меня длиннымъ корридоромъ мимо палатъ «подслѣдственныхъ» и «осужденныхъ» въ какой-то дальній уголъ, куда входили арестанты и откуда выходили они уже съ красными и распаренными лицами.

Меня поразило то обстоятельство, что насъ, «секретныхъ», водили въ общую баню съ уголовными преступниками. Это, конечно, объясняется провинціальными нравами надзирающихъ насъ лицъ, а также неприспособленностью провинціальныхъ тюремъ къ различнымъ категоріямъ заключенныхъ.

Въ Петербургѣ, напримѣръ, въ домѣ предварительнаго заключенія на Шпалерной имѣются для одиночно-заключенныхъ отдѣльныя ванны, каждая въ отдѣльной комнатѣ. Но арестанты, конечно, предпочитаютъ старыя бани.

Меня не только ввели въ общую баню, но дали въ помощь хожалаго, который убиралъ намъ и наши камеры. Имя его было Николай.

Въ передбанникѣ надзиратель оставилъ насъ однихъ, а самъ побѣжалъ въ корридоръ наблюдать за выходящими арестантами.

— У меня къ вамъ есть, — тихо произнесъ Николай, указывая черными, какъ уголь, глазами себѣ на лѣвую руку.

Онъ ловко свертывалъ мое бѣлье, и я замѣтилъ, что четыре пальца лѣвой руки у него за-

крыты, и только одинъ большой палецъ оставался свободнымъ и дѣйствующимъ.

Пока онъ раздѣвалъ меня, я спросилъ у него посланіе, зажатое пальцами, но онъ отрицательно покачалъ головой.

— Надзирателя же здѣсь нѣтъ.

— Онъ тутъ, баринъ... Тихонько въ пріотворенную дверь слѣдитъ за нами. Пойдемте мыться. Тамъ поговоримъ.

Пріотворивъ дверь въ самую баню, я со страхомъ попятился назадъ отъ крика, густого пара и толкотни въ ней.

Съ трудомъ дошелъ я по липкому и склизкому полу до скамейки и сѣлъ на нее, дожидаясь, пока Николай принесетъ шайку воды. Въ это время я почувствовалъ легкіе уколы въ обѣихъ ногахъ и, присмотрѣвшись, замѣтилъ, что онѣ покрыты черными кусающимися точками. Это были блохи, десятками прыгавшія съ полу и лавокъ на наши голыя тѣла.

Это обстоятельство мало меня безпокоило, такъ какъ я былъ поглощенъ запиской, которая все еще находилась въ лѣвой рукѣ Николая.

— Здѣсь нельзя, баринъ. Увидятъ и скажутъ надзирателю.

— Да кто же? Здѣсь все свои... арестанты же!

— Мало ли между ними доносчиковъ. Отчего же смотрителю все извѣстно, что дѣлается

въ острогѣ? Мы и наказываемъ такихъ, и не любимъ ихъ, а все же они всегда есть.

— Но какъ же съ запиской-то? Ты ее измочишь.

— Не безпокойтесь! Суха будетъ. Я все другой рукой дѣлаю... Какъ пойдете къ себѣ изъ бани, возьмете и записку.

Дѣйствительно, Николай работалъ правой рукой, а лѣвая махала попусту въ воздухѣ, почти не замоченная водой.

Глядя на его граціозную фигурку и вспоминая глуповатыхъ и неповоротливыхъ до него хожалыхъ, я подумалъ: «этотъ не скоро попадется, и надо пользоваться его услугами».

Торопливо я выспросилъ у него фамиліи заключенныхъ, большинство которыхъ онъ зналъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщилъ мнѣ, что давно передаетъ заключеннымъ записки и до сихъ поръ удачно избѣгалъ подозрѣній.

— Отчего же ты не далъ мнѣ ни разу понять этого?

— Большую осторожность соблюдаю, баринъ. Сколько хожалыхъ-то перемѣнилось изъ-за васъ... Ну, ты, съ рубцами-то, осторожнѣе! — крикнулъ онъ на одного каторжнаго, плескавшагося водой во всѣ стороны.

Я невольно засмотрѣлся на изуродованнаго старика и сидѣвшихъ вокругъ меня товарищей.

Эта баня, гдѣ я мылся вмѣстѣ съ убійцами

и каторжниками, врѣзалась въ мою память на всю жизнь.

— Готово! Идемъ, — сказалъ я, окачиваясь въ послѣднiй разъ водой.

Николай бросился впередъ, расталкивая арестантовъ на пути.

Въ передбанникѣ наши платья лежали уже иначе, чѣмъ мы ихъ положили.

— Надзирателишка рылся здѣсь, — спокойно промолвилъ Николай, крѣпко стискивая въ рукѣ хранящуюся у него записку. — А вотъ это написалъ одинъ вашъ и велѣлъ показывать всѣмъ,—указалъ онъ пальцемъ на темный уголъ стѣны.

Едва я взглянулъ на надпись: 1=а, 2=б, 3=в и т. д., какъ мнѣ все стало ясно. Это былъ ключъ къ разговору стукомъ.

— Вотъ оно: каждому числу ударовъ соотвѣтствуетъ по алфавиту азбуки извѣстная буква. Прекрасно... Какъ все просто... А вотъ, поди же, самъ не догадывался. Но и трудно же это изучить, подумалъ я.

— Берите теперь записку... Да чуть что— въ ротъ скорѣе.

— Не бойся,—успокоилъ я Николая и показалъ ему свои молодые кулаки. — Пусть-ка сунутся отнять!

Едва мы показались въ корридорѣ, какъ надзиратель тотчасъ же принялъ меня на свое по-

печеніе и, сдавъ ключнику, торопился вести въ баню другихъ «секретныхъ».

Можно представить, съ какимъ волненіемъ и осторожностью прочелъ я записку.

Она была чуть-чуть по краямъ сыровата, но текстъ остался нетронутымъ.

Мой товарищъ упрекалъ меня за то, что я ни съ кѣмъ не перестукиваюсь, и упоминалъ новыхъ лицъ, недавно арестованныхъ и находящихся въ другомъ корридорѣ тюрьмы. Одна изъ проставленныхъ и неизвѣстныхъ мнѣ фамилій была женская, но, при прочтеніи ея, передо мной мелькнулъ образъ дѣвушки, такъ часто снившейся мнѣ въ тюрьмѣ и видѣнной мною два-три раза въ Петербургѣ. Я даже хотѣлъ, чтобы это была она, и при мысли, что мы такъ близко находимся другъ отъ друга и вмѣстѣ страдаемъ, я въ самомъ возбужденномъ состояніи былъ счастливъ и радостенъ...

VIII.

На другое утро, написавъ на стѣнѣ цифры по порядку надъ каждой буквой русскаго алфавита, я, сильно волнуясь, застучалъ въ стѣну указательнымъ пальцемъ, согнувъ его острымъ угломъ. Мой сосѣдъ тотчасъ же отозвался, и едва я простучалъ слово «кто» цифрами 10, 18 и 14, какъ услышалъ одинъ ударъ въ знакъ

того, что онъ понялъ это слово; затѣмъ я простучалъ 18 и 26, цифры, соотвѣтствующія буквамъ «т» и «ы». Опять ударъ въ стѣну, и мой сосѣдъ началъ выбивать свою фамилію.

По первымъ буквамъ я узналъ въ немъ моего товарища и тотчасъ же ударилъ въ стѣну одинъ разъ въ знакъ того, что и онъ понятъ мною.

Въ теченіе двухъ-трехъ часовъ мнѣ удалось изучить цифры съ соотвѣтствующими буквами такъ хорошо, что я могъ уже свободно стучать, не заглядывая въ азбуку, начертанную на стѣнѣ.

Скоро я разбилъ суставъ указательнаго пальца почти до кости и сталъ стучать ногтемъ, пока также не почувствовалъ къ немъ боли. Оторвавъ костяную пуговицу отъ арестантскаго пиджака, я продолжалъ разговаривать ею уже безпрепятственно.

Сосѣдъ мой предложилъ стучать шифромъ, раздѣливши азбуку на шесть столбцовъ съ пятью буквами въ каждомъ. Такимъ образомъ приходилось стучать двумя цифрами: первая указывала столбецъ, а вторая—букву въ этомъ столбцѣ.

При этомъ способѣ разговора, число ударовъ значительно сокращалось, чѣмъ при разговорѣ по полной азбукѣ.

Вотъ эта шифрованная азбука, которой заключенные перестукиваются между собою:

А	Е	Л	Р	Х	Ы
Б	Ж	М	С	Ц	Ю
В	З	Н	Т	Ч	Я
Г	И	О	У	Ш	
Д	К	П	Ф	Щ	

Тотъ же вопросъ: «кто ты?» — при полной азбукѣ требуетъ слѣдующихъ цифръ: 10 (к), 18 (т), 14 (о), 18 (т), 26 (ы)=86 ударовъ; по сокращенному же способу нужно стучать: 2+5 (к), 4+3 (т), 3+4 (о), 4+3 (т), 6+1 (ы)= 35 ударовъ.

А такъ какъ всѣ мы понимали слова по первымъ буквамъ, то разговоръ шелъ довольно быстро.

Если кто нибудь не разслышалъ или путалъ счетъ, то онъ билъ мелкую дробь или чертилъ по стѣнѣ, означая этимъ, что онъ спуталъ счетъ, и стучать слѣдуетъ снова.

Нѣкоторые изъ насъ сократили азбуку на три или на четыре столбца и, наконецъ, сочиняли шифръ изъ нѣсколькихъ словъ, въ которыхъ заключалась вся русская азбука, и стучали этимъ шифромъ такъ же, то-есть первая цифра означала слово, изъ котораго берется буква, а вторая—самую букву въ этомъ словѣ.

Этимъ способомъ заключенный могъ говорить съ товарищемъ неизвѣстнымъ другимъ заключеннымъ стукомъ и быть гарантированнымъ

отъ ушей догадливаго ключника или надзирателя, также усвоившихъ впослѣдствіи обыкновенный стукъ. Наконецъ и среди насъ были несчастные товарищи, желавшіе выдачею всѣхъ своихъ друзей купить свободу и подслушивавшіе нашъ стукъ съ тѣмъ, чтобы передать свѣдѣнія прокурорскому надзору.

Такимъ образомъ, стукъ загадочнымъ шифромъ былъ необходимъ для болѣе важныхъ разговоровъ, чѣмъ обыкновенные тюремные разговоры.

Я очень скоро, конечно, понялъ призывные сигналы, у многихъ весьма различные: одинъ вызывалъ товарища стукомъ разъ-разъ; другой — разъ-два-разъ; третій — два-два и т. д. Если что нибудь мѣшало разговору, то стучали по сокращенной азбукѣ «жди» или просто одну букву «ж» $= 2 + 2$.

Гаккезенъ (старо-германское слово гакке — стучать) примѣнимъ не только между сосѣдями по заключенію, но и между сидящими на разныхъ концахъ корридора: стукъ прекрасно передается по стѣнамъ и сводамъ тюрьмы на очень дальнее разстояніе.

Вотъ что пишетъ о гаккезенѣ г. Максимовъ въ книгѣ «Сибирь и Каторга»:

«Въ настоящее время въ Европѣ, съ развитіемъ различныхъ тюремныхъ системъ съ одиночнымъ заключеніемъ (оборнской) и съ обяза-

тельствами молчанія (пенсильванской), разнообразіе тюремныхъ языковъ сдѣлалось еще богаче, и пріемы въ настоящее время стали даже получать систематическую организацію. Предположеніе, высказанное сто лѣтъ тому назадъ въ Германіи нѣмцами, что у всѣхъ заключенныхъ слѣдуетъ разорвать барабанную перепонку въ ухѣ, въ настоящее время владѣетъ тою силою значенія, что разговоръ, разсчитывающій на слухъ, получилъ наибольшее развитіе и сосредоточилъ на себѣ преимущественное вниманіе заключенныхъ въ послѣднее время. Въ этомъ случаѣ для обогащенія языка звукового посредствомъ постукиванья пущены въ ходъ всевозможныя тонкости: равномѣрность звука при скорыхъ или продолжительныхъ ударахъ, или въ очередь ударовъ тихихъ и громкихъ; удары, производимые согнутыми пальцами или мясистой частью ладони и кулака; удары сапогомъ, башмакомъ, ногой, обутой въ чулокъ, ковшомъ, ложкой, щепкой и т. д. въ безконечности. Способъ этотъ удобенъ тѣмъ, что можетъ подчиняться цѣлой системѣ азбуки, во всемъ ея разнообразіи. Ключей для пониманія существуетъ довольно много, и они ведутъ свое происхожденіе отъ жидовскихъ мошенниковъ, но обыкновенно въ европейскихъ тюрьмахъ нападали только на остатки, на слѣды, но никогда на цѣлую систему. Въ королевской тюрьмѣ въ Берлинѣ два поляка разговаривали

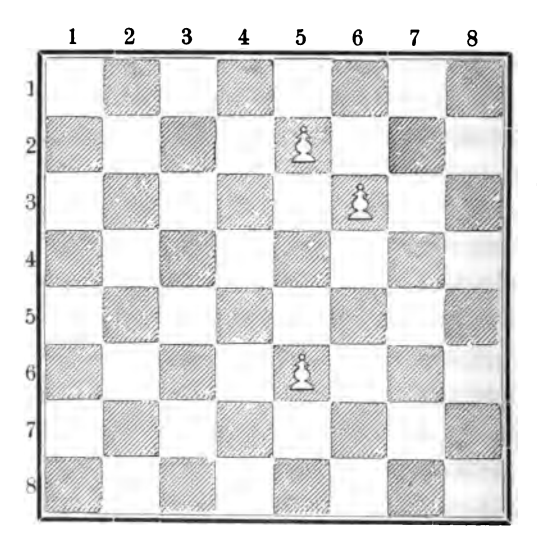
между собою стукомъ, сидя въ разныхъ номерахъ и этажахъ такъ, что даже играли въ шахматы. Самыя изслѣдованія показали, что иныхъ способовъ у нихъ не было, и даже номера не находились одинъ надъ другимъ, а помѣщены были въ противоположномъ направленіи, наискось. Кромѣ этого примѣра, нѣмцы указываютъ еще на нѣкоего Шпауна, который былъ заключенъ въ 1826 году въ тюрьму въ Куфштейнѣ и пробылъ въ ней десять лѣтъ. Въ послѣдніе годы онъ получилъ въ сосѣди товарища, отдѣленнаго отъ него толстой стѣной. У Шпауна родилась мысль разговориться съ нимъ постукиваньемъ, и онъ создалъ языкъ, который былъ чрезвычайно остроуменъ. Всего болѣе, само собой разумѣется, затрудняло его сообщенія ключа лицу, которое, можетъ быть, не умѣло понимать понѣмецки. Шпаунъ началъ съ того, что простучалъ въ стѣну 24 раза, и продолжалъ маневръ до тѣхъ поръ, пока не заставилъ незнакомца понять, что въ этихъ 24 разахъ подразумѣваются буквы, выражающіяся стукомъ. Въ немного недѣль они успѣли въ быстрой и свободной бесѣдѣ разсказать другъ другу свою жизнь. Сосѣдомъ оказался г. М., впослѣдствіи сдѣлавшійся государственнымъ статсъ-секретаремъ и герцогомъ Б., и былъ довольно извѣстенъ. На свободѣ онъ не забылъ соузника, выхлопоталъ ему свободу и назначилъ пожизненный пенсіонъ.

«Одиночество замкнутаго человѣческаго духа, при отсутствіи всякаго искусственнаго способа къ духовному общенію, вынуждаетъ этотъ тюремной способъ разговора посредствомъ стука, уже давно существовавшаго въ народномъ употребленіи, хотя и не имѣвшаго специальной системы. Ремесленники металлическихъ издѣлій ушедшаго изъ мастерской мастера, подмастерья и ученика, зовутъ каждаго особымъ ударомъ молотка. На улицахъ, гдѣ живутъ эти работники, такими способами быстро и ловко распространяются цѣлыя извѣстія по всей улицѣ. Телеграфисты, не глядя на депеши, просто на слухъ по стуку слышатъ и читаютъ депеши. Этимъ людямъ тюремныя системы разговоровъ въ настоящее время обязаны во многомъ своимъ развитіемъ и усовершенствованіемъ (особенно по морзовскому способу телеграфическихъ знаковъ). Телеграфическому способу удалось теперь обобщить всѣ существовавшія до него системы звуковыхъ разговоровъ. Наше одиночное заключеніе по американскимъ системамъ встрѣтитъ уже готовыя формы и, вѣроятно, не замедлитъ ими воспользоваться».

Оно уже ими воспользовалось... Въ настоящее время одиночно заключенные въ теченіе недѣли выучиваются блестящимъ образомъ стучать между собой и азбукой, и шифрами, а также играть стукомъ съ товарищами и въ шах-

маты, и въ шашки. Послѣднее устроивалось у насъ очень просто.

Каждый заключенный дѣлалъ себѣ изъ хлѣба, жеванной бумаги и даже изъ спичекъ различныя фигуры шахматъ и простыя шашки. Затѣмъ играющіе чертили чѣмъ имъ угодно (хотя бы гвоздемъ, вырваннымъ изъ каблука арестантскаго сапога) шашечницу, состоящую, какъ извѣстно, изъ восьми перпендикулярныхъ и восьми горизонтальныхъ столбовъ съ клѣточками, а именно:

Разставивъ шашки и шахматы, играющій стукомъ въ стѣну означалъ фигуру, которой хочетъ идти, указывая ее двумя цифрами: первой

обозначался перпендикулярный столбъ шашечницы, второй—горизонтальный, и гдѣ они пересѣкаются подъ угломъ, какъ на Пиѳагоровой таблицѣ умноженія, тамъ стоитъ означенная фигура. Для нарисованной сверху первой фигуры на нашей шашечницѣ (см. чертежъ) стучали 5 и 2. Если играющій хотѣлъ ее двинуть на сосѣднее мѣсто, то стучалъ 6 и 3 (см. чертежъ); если же надо было ему поставить ее значительно ниже, какъ показано на чертежѣ, то 5 и 6. Выслушавъ этотъ стукъ, оба игрока передвигали у себя на шашешницѣ указанныя фигуры и продолжали игру далѣе по тѣмъ же правиламъ.

Такимъ образомъ, игра и разговоръ стукомъ значительно облегчали участь заключенныхъ, спасая ихъ отъ мрачныхъ думъ и нравственной апатіи, такъ убійственно вліявшихъ на физическое здоровье и даже на поведеніе при дознаніи и слѣдствіи.

Говоря о декабристахъ, г. Максимовъ замѣчаетъ: «люди высшаго развитія въ тяжелыхъ условіяхъ одиночнаго заточенія сумѣли выйти побѣдителями при помощи разговора по стуку».

Что же это значитъ «выйти побѣдителями» изъ тюрьмы? Это значитъ не быть окончательно ею раздавленнымъ и сохранить способность къ свободной жизни. Тюрьма должна дорожить мѣрами, сохраняющими жизненную энергію и нрав-

ственность заключеннаго. Вотъ почему намъ кажутся болѣе вредными мѣрами, чѣмъ необходимыми—запрещенія разговаривать арестантамъ, развлекаться полезными играми, читать книги, а для одиночно-заключенныхъ запрещенія даже ручнаго и ремесленнаго труда. Пресѣкая зло и парализуя преступныя дѣянія человѣка лишеніемъ его свободы, принудительнымъ распредѣленіемъ труда и отдыха, тюрьма должна бы этимъ ограничиться, предоставляя заключеннымъ, по возможности, во всемъ остальномъ болѣе или менѣе нормальную жизнь. Если кто боится, что люди нарочно сдѣлаются преступниками, когда тюрьма будетъ безъ каторжныхъ лишеній, то надо вспомнить, что неволя, отсутствіе свободы и принудительныя занятія сами по себѣ страшно тяжелы для человѣка. Вѣдь это та же золотая клѣтка для птичекъ съ прекраснымъ кормомъ и даже съ семейными удобствами. Но и при этихъ условіяхъ птицы дѣлаются часто неспособными летать на волѣ и защищаться отъ хищниковъ. Что же значитъ «золотая» тюрьма для человѣка? Что въ ней можетъ привлекать его и толкать туда, кромѣ тѣхъ же причинъ, по которымъ и теперь простолюдинъ говоритъ объ острогѣ, что кому онъ острогъ, а намъ — домъ, что отъ тюрьмы да отъ сумы не отказывайся. Тюрьма— домъ покаянія и трудолюбія; чѣмъ ближе она будетъ приближаться къ нему, тѣмъ болѣе шан-

совъ на исправленіе преступника. Во всякомъ случаѣ, прогрессъ тюрьмовѣдѣнія въ этомъ направленіи не увеличитъ зла, существующаго въ арестантскомъ мірѣ; и надо поражаться жестокостью людей, когда они говорятъ, что злой человѣкъ совершаетъ преступленіе, надѣясь избѣгнуть наказанія, и потому слѣдуетъ добиться «неизбѣжности наказанія». Тогда злой человѣкъ будетъ бояться и тюрьмы, и казни; тогда карательныя мѣры пріобрѣтутъ на человѣческій характеръ чуть ли не такое же предостерегающее вліяніе, какъ соціальныя и христіанскія мѣры.

Другіе, по поводу новыхъ тюремъ à la домъ предварительнаго заключенія въ Петербургѣ, восторгаются его желѣзомъ и камнемъ, съ абсолютнымъ изгнаніемъ дерева въ постройкѣ, его тройными англійскими замками у камеръ съ нѣсколькими ключами, хранящимися у разныхъ лицъ: ключъ на два запора днемъ у надзирателя, ключъ на три запора на ночь у управляющаго или его помощника; а главное то, что въ этой тюрьмѣ преступникъ, предполагали, будетъ лишенъ возможности видѣть кого либо другого, переговариваться между собой, переписываться и т. д. Словомъ, новая тюрьма тѣмъ хороша, что въ ней арестантамъ хуже...

IX.

Послѣ того, какъ всѣ мы узнали стукомъ, кто въ какомъ номерѣ сидитъ и въ чемъ обвиняется, мы тотчасъ же принялись сговариваться о своихъ показаніяхъ и достигли въ этомъ полнаго успѣха. Но, сговорившись съ заключенными въ одномъ корридорѣ, мы затруднялись перестукиваться или переписываться съ заключенными въ другомъ, отдаленномъ отъ насъ корридорѣ.

Однако, мы скоро замѣтили, что жестяные чайники, въ которыхъ разносятъ кипятокъ, часто мѣняются и попадаютъ изъ одного корридора въ другой. Тотчасъ же явилась мысль воспользоваться ими для сношеній между обоими корридорами. Перестукавшись объ этомъ въ своемъ корридорѣ, мы слѣдили за условнымъ чайникомъ, полагая, что не сегодня, такъ завтра, онъ попадетъ въ другой корридоръ, и тамъ на немъ же напишутъ отвѣтъ.

Снестись между собой инымъ путемъ мы пока не могли, такъ какъ хожалый Николай былъ переведенъ отъ насъ, а новые хожалые или боялись помогать намъ, или попадались съ записками въ рукахъ.

Однажды, послѣ обѣда, я замѣтилъ у хожалаго знакомый чайникъ со множествомъ блестя-

щихъ точекъ по бокамъ. Съ радостью взялъ я его и, вмѣсто того, чтобы засыпать чай, принялся читать шифрованное посланіе изъ другого корридора. Оттуда сообщались фамиліи арестованныхъ, и также предлагалось «слѣдить за спиною смотрителя». Подѣлившись новостями съ сосѣдями, я прежде всего зачертилъ на чайникѣ старую переписку и написалъ на немъ нѣкоторыя новыя обстоятельства дѣла ко всеобщему свѣдѣнію.

Съ этихъ поръ всѣ чайники, обѣденная посуда и даже деревянныя ложки покрывались показаніями, фамиліями, привѣтствіями и поклонами другъ другу, или рѣзкимъ укоромъ тому изъ заключенныхъ, который выгораживаетъ себя изъ дѣла, сваливая обстоятельства на бывшихъ своихъ товарищей и не думая объ ихъ страданіяхъ. Тюрьма кипѣла самой оживленной дѣятельностью.

Конечно, администрація скоро замѣтила надписи на посудѣ, но такъ какъ мы не боялись наказаній, то и продолжали свое дѣло, а администрація свое. Ключники и надзиратели стирали надписи, а мы ихъ вновь чертили, пока терпѣніе заключенныхъ не преодолѣло контроль за каждой нашей буквой.

Разъ, когда смотритель, дружески разговаривая съ однимъ изъ нашихъ, прошелся съ нимъ рядомъ изъ угла въ уголъ по камерѣ, то послѣд-

ній, подъ предлогомъ сбросить съ его спины случайный соръ, умудрился засунуть ему за пуговицу маленькую трубочку, и тотъ принесъ ее въ другой корридоръ. На этомъ способѣ переписки кто-то скоро попался, и надо было видѣть, какъ первое время смотритель осторожно здоровался и прощался съ нами, оглядывая то фуражку, то самого себя со всѣхъ сторонъ.

Тюрьма живетъ случаемъ, и два-три удавшіяся предпріятія вознаграждаютъ заключенныхъ за всѣ тревоги и опасенія. Неистощимый запасъ изобрѣтательности помогаетъ побѣждать опытность администраціи и строгость закона.

Писали мы рѣшительно всѣмъ: табачный въ мундштукѣ нагаръ разводили слюной; со стѣнъ соскабливали черную краску, а изъ «парашекъ» — деготь; просили доктора выписать изъ аптеки желѣзо противъ малокровія и, при помощи крѣпкаго чаю, превращали его въ чернила. Въ экстренныхъ случаяхъ мы просили у смотрителя передъ тѣмъ, какъ лечь спать, на часъ или два, лампу къ себѣ въ номеръ и, пустивъ большой огонь, собирали копоть и сажу на блюдечко и приготовляли себѣ изъ этого, съ помощію воды и сахара, чернила. Обугливая также спички и писали концомъ ихъ. Наконецъ, звали смотрителя съ бумагой, перомъ и чернилами для письменныхъ показаній прокурору. Въ послѣдней просьбѣ смотритель не имѣлъ права отказать намъ и при-

сутствовалъ всегда самъ во время нашего писанія пустѣйшихъ показаній или безполезныхъ просьбъ о разрѣшеніи читать или покупать намъ книги. Зацѣпивъ стальнымъ перомъ какъ можно больше чернилъ, каждый изъ насъ старался накапать ими на полъ или на столъ, а, по уходѣ смотрителя, спѣшилъ воспользоваться этими драгоцѣнными каплями. Находились и такіе ловкіе, которые въ тотъ моментъ, когда смотритель отходилъ отъ стола къ стѣнѣ зажечь спичку и закурить папироску, быстро отливали чернила себѣ въ столъ въ заранѣе приготовленную бумажную коробку или прямо на дно ящика. Иногда, какъ бы нечаянно, ломали конецъ пера и бросали перо въ отдаленный уголъ каземата на глазахъ смотрителя. Тотъ приказывалъ принести изъ каземата новое перо, а старымъ, по уходѣ смотрителя, заключенный пользовался съ одной стороны для письма на бумагѣ, съ другой—для черченія имъ на чайникѣ или другой посудѣ замѣтокъ, а на столѣ—шахматной доски.

Въ иныхъ случаяхъ заключенный расплющивалъ широкій конецъ пера, точилъ его о каменное окно до того, что получалось острое лезвее, прекрасно замѣнявшее маленькій ножикъ, если это лезвее привязать ниткой къ щепкѣ отъ пола или къ палочкѣ отъ баннаго вѣника.

«Секретная» тюрьма не была «мертвымъ домомъ», какъ не была она и для Достоевскаго,

умѣвшаго найти подъ однообразной арестантской одеждой разнообразные типы людей и жизнь, полную чувствъ, силы и даже комизма.

— Что вы стучите въ стѣну и никогда не слушаетесь?—прибѣгалъ бывало ко мнѣ смотритель по жалобѣ ключника или надзирателя.— Прежде вы были лучше и не занимались стукомъ...

— Да, я нарочно. .

— Какъ это нарочно?

— Чтобъ васъ позвали.

— Зачѣмъ же это?

— Страхъ скучно... Увидишь вашъ на минутку и веселѣй станетъ.

— Я васъ въ карцеръ посажу, если вы будете продолжать! Что это за шалости!

— Посидите-ка цѣлые мѣсяцы въ этомъ гробу, такъ и вы зашалите.

— А вы надѣйтесь на Бога. Когда я былъ въ Вильнѣ смотрителемъ тюрьмы, то и не такихъ преступниковъ выпускали на волю.

— Нѣтъ ли у васъ книгъ?

— Религіознаго содержанія есть, но безъ разрѣшенія прокурора не могу дать.

— Вотъ видите: по неволѣ на окно полѣзешь и будешь зѣвать на арестантовъ.

— Смотрите, не разговаривайте съ ними. Это строго запрещается.

— Ладно!—думалъ я и, едва онъ уходилъ,

я тотчасъ забирался къ рѣшеткѣ и находилъ близъ окна, не смотря на часового, какого нибудь бритаго пріятеля съ тузомъ на спинѣ и желѣзными обручами на ногахъ.

Разсерженный, однако, моимъ непослушаніемъ, смотритель перевелъ меня въ другой корридоръ. Я только этого и добивался, чтобы окончательно переговорить съ новыми заключенными о нашемъ дѣлѣ и судьбѣ.

Передъ уходомъ изъ своего номера, по обычаю всѣхъ заключенныхъ, сдѣлалъ на немъ надпись будущему замѣстителю: «По судьбѣ съ тобой мы братья. Но неужели это только бываетъ въ тюрьмѣ, и мы не встрѣтимся такими же на волѣ? Обѣщай мнѣ то же, въ чемъ я тебѣ клянусь: не забывать другъ друга и въ горѣ, и при лучшихъ обстоятельствахъ жизни».

— Господи! сколько этихъ клятвъ, и кто изъ насъ сдержитъ ихъ?—думалъ я, выходя изъ номера и съ грустью разставаясь съ нимъ.

Въ немъ я впервые узналъ ужасъ неволи, изучилъ языкъ стукомъ, наслушался пѣсенъ арестантовъ и мало-по-малу самъ сталъ арестантомъ. Здѣсь же я впервые въ жизни полюбилъ свои страданья, научившись размышлять о нихъ и не чувствуя съ ними своего одиночества.

— А что-то тамъ, въ другомъ корридорѣ?

Съ этимъ вопросомъ я вступилъ въ новый казематъ.

На стѣнахъ его я нашелъ также разныя надписи. Нѣкоторыя состояли изъ именъ и фамилій, другія — съ одними намеками и условными кличками, подъ которыми скрывались преступники. Обозначены были также годы, мѣсяцы и числа, когда заключенный взятъ подъ стражу, и въ общихъ словахъ характеръ преступленія: убійство жены, грабежъ церкви, конокрадство, изнасилованіе, сбытъ фальшивыхъ денегъ и т. д. Я съ ужасомъ закрымъ глаза передъ этой картиной народной жизни. Этотъ номеръ не передѣлывался для секретныхъ, и всѣ его стѣны пахли «уголовщиной».

Приглядываясь пристальнѣе, можно было разобрать чьи-то угрозы съ восклицательными знаками и проклятія по адресу оговорщиковъ или слишкомъ откровенныхъ соучастниковъ. Надписи карандашемъ, углемъ и мѣломъ часто сливались между собою, мѣстами стирались отъ времени, но одну изъ нихъ, написанную чернилами, я прочелъ не безъ удивленія:

«А вы не называйтесь учителями, ибо одинъ у васъ Учитель Христосъ, всѣ же вы братья.

«И отцомъ себѣ не называйте никого на землѣ, ибо одинъ у васъ отецъ, который на небесахъ. Большій изъ васъ да будетъ вамъ слуга».

— Вотъ, — подумалъ я: — этотъ раскольникъ также переносилъ одиночное заключеніе менѣе

тяжко, чѣмъ тѣ, которые не находятъ здѣсь пищи для размышленія.

Неужели я не возвышусь надъ своей судьбой и долженъ погибнуть здѣсь?

X.

Мои страхи о будущемъ скоро разсѣялись.

Новый казематъ сталъ для меня источникомъ радостей, которыя рѣдко съ такой силой повторяются въ нашей жизни. Я узналъ, что по сосѣдству со мною сидитъ недавно арестованная барышня, взятая среди рабочихъ на пароходной пристани Волги.

Я вслушивался въ ея голосъ, который иногда былъ слышенъ, когда отворяли ея казематъ, и этотъ голосъ казался мнѣ знакомымъ и напоминающимъ Малороссію. Я сталъ съ ней перестукиваться и просилъ сообщить мнѣ ея примѣты. Онѣ вовсе не походили на образъ дѣвушки, также переселившейся въ моемъ воображеніи со мною изъ одного корридора въ другой. У той были черные и веселые глаза, а у этой, какъ она говоритъ, сѣрые и унылые; но почему она можетъ называть ихъ унылыми? Я спрашивалъ, легкая или тяжелая у нея походка; какова ея прическа, улыбка и руки.

Она стучала: ха-ха... Я отвѣчалъ ей тѣмъ же.

Намъ было весело, и она не сердилась на мои подробные вопросы.

— Это она! Она! Только она можетъ такъ хорошо понимать мое волненіе и счастье.

Вечеромъ, когда хожалый чистилъ въ корридорѣ лампу и навѣшивалъ одну изъ нихъ къ моей двери, я ухитрился просунуть ему подъ порогъ каземата для передачи моей сосѣдкѣ стихи слѣдующаго содержанія:

Вольной жизни моей вспомпная грѣхи,
Я въ тюрьмѣ изстрадался отъ скуки—
Какъ, бывало, легко мнѣ давались стихи
Подъ давленьемъ восторга и муки.

*
* *

Но въ тюрьмѣ муза рѣдко приходитъ ко мнѣ.
Риѳмы слушать меня перестали...
И застыла душа въ заколдованномъ снѣ
Въ домѣ скорби, тоски и печали.

*
* *

Только вдругъ за стѣной, вотъ уже два дня подъ рядъ,
Слышенъ мнѣ голосъ женскій и шорохъ...
И какъ въ сказкѣ родной, измѣнился мой взглядъ,
А домъ скорби сталъ милъ мнѣ и дорогъ.

*
* *

На заплеснѣвшемъ днѣ омертвѣлой души
Отыскался слѣдъ риѳмы пѣвучей,—
Даже воздухъ тюрьмы въ полуночной тиши
Задрожалъ въ переливахъ созвучій.

*
* *

Я не вижу лица, но всесильной мечтой
Чудный образъ зову на свиданье...
Милый другъ! отзовись! Привѣтъ ласковый твой
Облегчитъ мнѣ тоску и страданье!

Она отозвалась теплой благодарностью и даже

обѣщала прислать мнѣ тѣмъ же способомъ отвѣтные стихи.

Прощаясь съ нею, я стучалъ:

— До завтра... Желаю вамъ видѣть во снѣ Питеръ и друзей. Я часто вижу ихъ и очень люблю свои казематныя ночи.

— Завидую вамъ, — стучала она. — Я долго не могу заснуть, такъ какъ мѣшаютъ пѣсни арестантовъ.

— А я люблю слушать...

— Вы идеалистъ...

— Не знаю, а вы?

— Предпочитаю факты, а не сны и иллюзіи.

— Факты пропадаютъ, а мечты остаются.

— Я не согласна.

Вмѣсто того, чтобы спать, мы спорили всю ночь, и часто утренняя повѣрка заставала насъ за стукомъ.

Мои сновидѣнія окончились, и я сталъ бредить наяву.

Каждое ея слово и фраза повторялись мною въ тиши сотни разъ, и то, что на волѣ было бы не замѣчено, здѣсь крѣпко залегало въ душѣ, воспроизводящей постоянно одни и тѣ же впечатлѣнія и воспоминанія. Каждый день одиночнаго заключенія равнялся продолжительному знакомству, переходящему у всѣхъ заключенныхъ отъ дружбы къ болѣе теплому и нѣжному чувству.

Я почти не скрывалъ свои чувства и однажды получилъ изъ-подъ двери черезъ хожалаго слѣдующій на нихъ отвѣтъ:

Сосѣдъ! За убѣжденія страдая,
Ты сдѣлалъ въ жизни все, что могъ;
Но съ истиной грѣхи любви мѣшая,
Не растеряй ты подъ собою ногъ...

*
* *

Не поддавайся женской ласкѣ,
И звуку пламенныхъ рѣчей
Внимай не болѣе, какъ сказкѣ,
Съ тѣмъ, чтобъ позабыть все поскорѣй.

*
* *

Но если вдругъ наступитъ буря
И дунетъ въ сердце невзначай,
Ты голосъ страсти, лобъ нахмуря,
Святой наукой заглушай.

Я прыгалъ отъ радости, читая стихи, разсматривая влюбленными глазами незнакомый мнѣ почеркъ и цѣлуя его сотни разъ. Въ любви нѣтъ ничего смѣшного и пустяковъ, они наполняютъ нашу душу блаженствомъ и трепетомъ, которые длятся цѣлыми днями, свѣтятся въ глазахъ, чувствуются въ голосѣ и выдаютъ себя какъ задумчивостью, такъ и живостью...

Даже смотритель иронически спросилъ меня:

— Вы, кажется, довольны новымъ помѣщеніемъ? Смотрите, подкопъ не учините къ своей сосѣдкѣ.

Я нахмурился, хотѣлъ обидѣться и не могъ.

— Всякій разъ проситъ передавать вамъ поклонъ.

— Поклонъ? Мнѣ? И вы никогда не сказали объ этой милости къ заключенному!

— Ну, вотъ какъ вы все близко принимаете: не скажешь—худо, и сказать страшно...

— Милый! дорогой мой! И вы были молоды,—бросился я съ крикомъ къ нему на шею.— Устройте намъ свиданіе!.. При васъ... на пять минутъ!

— Что вы! что вы: Отстаньте!—отмахиваясь рукой, повторялъ онъ.—Чтобы и меня съ вами посадили въ тюрьму... Этого вы хотите? Просите у прокурора...

— А можно это?

— Просить все можно.

— Но вѣдь это безполезно?

— Совершенно...

Я отвернулся отъ него со слезами на глазахъ. Но наступила ночь, и опять не было счастливѣе меня человѣка на свѣтѣ.

Лежа на постели подъ солдатскимъ сукномъ и чуть-чуть ударяя въ стѣну указательнымъ пальцемъ, я разсказывалъ сосѣдкѣ свою жизнь, а она мнѣ свою. Прощаясь до завтра, мы посылали одинъ другому поцѣлуи. Иногда я тотчасъ же засыпалъ, не смотря на то, что былъ счастливъ; иногда даже цѣловалъ то мѣсто стѣны, въ которое мы стучали. А когда являлось желаніе поцѣлуя болѣе близкаго къ дѣйствительности, то я нагибался устами съ собственной рукѣ. Я

даже имѣлъ глупость сознаться ей въ этомъ, и она отвѣтила мнѣ стукомъ:

— Ха... ха... ха... Не много же вамъ надо, чтобы чувствовать себя счастливымъ. Увидимся ли мы когда нибудь?

— Счастье еще, что мы сидимъ рядомъ,— отвѣчалъ я ей въ сердечномъ умиленіи.—Ахъ, еслибъ насъ вмѣстѣ увезли на судъ и сослали бы въ одно мѣсто.

— Будемъ просить объ этомъ.

— Будемъ...

XI.

Каждое утро камера заключеннаго убиралась уголовными арестантами, которые служили почтою для заключенныхъ, не смотря на строжайшій за ними надзоръ ключниковъ и надзирателей. Безчисленное число «хожалыхъ» было уличено въ пособничествѣ намъ; но хожалый Николай такъ артистически велъ еебя, что скоро сталъ убирать камеры обоихъ корридоровъ, не навлекая на себя подозрѣній.

Рано утромъ, послѣ того, какъ барабанъ пробьетъ утреннюю зорю, дверь камеры отворялась, и ключникъ пропускалъ мимо себя Николая, только что умывшагося и расчесаннаго, всегда чисто одѣтаго въ арестантскій халатъ и холщевые штаны.

Со шваброю въ рукѣ Николай прежде всего

брался за парашу и выносилъ ее въ корридоръ, гдѣ двое другихъ арестантовъ опоражнивали ее и наливали въ нее свѣжую воду. Тѣмъ временемъ Николай принимался мести полъ, краснорѣчиво мигнувъ заключенному черными своими глазами въ знакъ того, что есть записка, но требуется осторожность и хладнокровіе.

Ключникъ въ величественной позѣ наблюдалъ за нимъ издали въ дверяхъ камеры.

Обыкновенно, подметая полъ, Николай успѣвалъ оставить записку или подъ кроватью, или бросить на постель въ складки одѣяла, или, отодвигая «коты», опустить туда записку. Иногда же, убравъ полъ, онъ шелъ обратно въ корридоръ за парашей и вносилъ ее опять на прежнее мѣсто, бросая въ это же время къ стѣнѣ, сзади параши, записку и успѣвая только глазами указать на нее.

Каждый разъ онъ перемѣнялъ пріемы, и нельзя было не только ключнику, но и мнѣ самому догадаться, какъ онъ поступитъ съ запиской. Внося обѣдъ намъ, онъ плотно прижималъ записку къ посудѣ и оставлялъ ее на столѣ вмѣстѣ съ кушаньемъ.

Переписка черезъ Николая завязалась у заключенныхъ весьма оживленная.

Прокуратура, видимо, скоро замѣтила по показаніямъ заключенныхъ, что между нами установилось соглашеніе. Высказано было предположе-

ніе о сношеніяхъ ихъ между собой, и смотритель острога удвоилъ строгости и наблюденіе за нами.

Приказано было, между прочимъ, хожалому только выносить у насъ парашу, а мести полъ предоставить самимъ заключенныхъ, если желаютъ.

Мы, разумѣется, тотчасъ же стали совать въ швабру записки, и сами ключники переносили ее изъ одной камеры въ другую, пока кто-то изъ насъ не попался. Тогда опять Николай вступилъ въ свои старыя права, и мы опять торжествовали надъ тюремщиками.

Однако, на этотъ разъ вмѣстѣ съ Николаемъ входилъ въ номеръ и надзиратель. Прежніе почтовые пріемы оказались невозможными. Николай уже не бросалъ записки ни на постель, ни въ коты, такъ какъ надзиратель стоялъ тутъ же и каждую вещь, тронутую рукой хожалаго, бралъ въ свои и провѣрялъ ее. Но къ концу уборки надзиратель стыдился выходить изъ номера сзади хожалаго и всегда опережалъ его. Послѣдній же успѣвалъ передъ выходомъ швырнуть записку въ уголъ за парашу; но однажды записка ударилась о край параши и едва не отлетѣла въ сторону на глаза надзирателя. Послѣ этого Николай, ставя парашу на свое мѣсто, умудрялся опускать въ нее записку, предварительно завернувъ послѣднюю туго-на-туго въ тряпочку, чтобы она не промокла въ водѣ.

Едва мы поняли этотъ способъ почты, какъ уже сами стали тщательно завертывать записки въ тряпочки, вырывая ихъ изъ арестантскаго бѣлья. Внутри тряпочки была бумажка съ обозначенiемъ № каземата, куда слѣдовало отправить записку.

Вообще Николай прекрасно умѣлъ разобраться съ ними, и ему довольно было показать пальцами цифру камеры, чтобы записка дошла по назначенiю. Отъ арестованныхъ онъ бралъ записки почти тѣми же способами, какими мы получали ихъ отъ него, т. е., заготовивъ записку, мы клали ее около параши передъ утренней уборкой камеры, и Николай тотчасъ же поднималъ ее и ловко пряталъ себѣ за пазуху. Клали ихъ также подъ «котами» или въ углу ка земата; а при прiемѣ изъ рукъ Николая посуды, передавали ему записки непосредственно въ руку.

Вечеромъ Николай чистилъ въ корридорѣ лампы, а ключникъ часто уходилъ въ другой корридоръ бесѣдовать съ такимъ же ключникомъ. Николай быстро просовывалъ въ дверь каземата записку и самъ получалъ оттуда такую же.

Замѣчательной виртуозности и проворства— взять на глазахъ стражи записку и передать свою—достигли мы!

Всѣ заключенные должны помнить этого Николая, безкорыстно служившаго намъ до послѣд-

нихъ дней нашего пребываянія въ провинціальной тюрьмѣ.

Вѣроятно, къ этому его побудило то обстоятельство, что съ нимъ, обездоленнымъ воромъ и мошенникомъ, терпятъ одинаковую участь и молодые люди, не совершившіе ни воровства, ни душегубства. Многіе изъ насъ обязаны ему чувствами радости, испытываемыми нами при полученіи черезъ него писемъ дорогихъ намъ лицъ. Правосудіе же едва ли пострадало отъ того, что кто нибудь изъ насъ годомъ раньше увидѣлъ Божій свѣтъ и благословилъ его.

XII.

Большую поддержку оказала заключеннымъ также одна барыня, имѣвшая въ городѣ книжный магазинъ и библіотеку.

Кто-то изъ насъ, кажется, отправляясь на на допросъ, заготовилъ письмо на ея имя въ книжный магазинъ и ловко бросилъ его на глаза прохожему.

Насъ иногда отвозили въ квартиру прокурора безъ жандармовъ, а просто въ сопровожденіи двухъ или одного солдатика, взятаго изъ караула, находящагося при острогѣ. Эти привыкшіе только къ командѣ солдатики не догадывались о подкинутыхъ письмахъ и, еслибъ замѣтили, что арестантъ что-то бросилъ, то не

рискнули бы остановить извозчика изъ боязни побѣга конвоируемаго.

Въ письмѣ была выражена просьба доставлять намъ въ тюремный замокъ книги для чтенія. Сверхъ ожиданія, барынѣ было дано разрѣшеніе, и въ одинъ прекрасный день смотритель предложилъ намъ каталогъ библіотеки для выбора себѣ книгъ.

Невозможно выразить радость и волненіе, вызванныя въ заключенныхъ такою милостью. Всего лучше вспомнить здѣсь Достоевскаго, которому приходилось переживать по этому же поводу общія всѣмъ заключеннымъ чувства. «Трудно,— говоритъ онъ,—отдать отчетъ о томъ странномъ и вмѣстѣ волнующемъ впечатлѣніи, которое произвела во мнѣ первая прочитанная мною въ острогѣ книга. Помню, я началъ читать съ вечера, когда заперли казарму, и прочиталъ всю ночь до зари. Это былъ номеръ одного журнала. Точно вѣсть съ того свѣта прилетѣла ко мнѣ; прежняя жизнь вся ярко и свѣтло возстала предо мною, и я старался угадать по прочитанному: много ли я отсталъ отъ этой жизни? много ли они прожили тамъ безъ меня, что ихъ теперь волнуетъ, какіе вопросы ихъ теперь занимаютъ?».

Да, книга въ тюрьмѣ одухотворяетъ человѣка, теряющаго въ одиночномъ заключеніи образъ Бога. А противъ потери этого подобія борются и сами тюрьмовѣды, признающіе, что всякій

преступникъ можетъ исправиться при условіи внутренней въ немъ работы ума и сердца.

На IV международномъ тюремномъ конгрессѣ сенаторъ Н. С. Таганцевъ, ратуя противъ прирожденнаго преступнаго типа людей и его неисправимости, говорилъ: «Можемъ ли мы сказать, что государство испробовало по отношенію къ нимъ всѣ средства воздѣйствія? не придется ли всего чаще сознаться, что преступныя наклонности даннаго лица встрѣчали не противодѣйствіе, а иногда даже поддержку въ карательныхъ учрежденіяхъ государства, вслѣдствіе отсутствія въ нихъ раціональнаго надзора, неустройства въ нихъ работъ и т. д.; нельзя признать неисправимымъ того, кого, можетъ быть, не умѣли или даже и не пробовали исправлять».

Книги, не только нравственно-назидательныя и религіозныя, находящіяся въ тюремныхъ библіотекахъ, но и свѣтскія, бытовыя и научныя, являются могучимъ средствомъ къ тому, чтобы преступникъ, размышляя, исправился и подготовился къ свободной жизни, по выходѣ изъ тюрьмы.

Намъ одиночно-заключеннымъ, онѣ помогали, кромѣ того, въ перепискѣ. Чистые, оторванные отъ текста края ихъ шли для записокъ, а печатный текстъ служилъ тѣмъ же письмомъ, если надъ извѣстными буквами поставить точки или приложить къ тексту шифръ.

Нѣтъ сомнѣнія, что владѣтельница книжнаго магазина замѣчала, что многія книги возвращаются ей съ оторванными краями или безъ заглавнаго листа, а на иныхъ страницахъ стоятъ точки карандаша въ текстѣ. Но добрая женщина великодушно приносила въ жертву неизвѣстнымъ ей узникамъ свои книги.

Вспоминая имя этой женщины, я часто повторяю горячія слова итальянскаго узника: «О, да благословитъ Господь всѣ великодушныя сердца, не стыдящіяся любить несчастныхъ! Ахъ, я ихъ тѣмъ больше цѣню, что въ тяжелую годину бѣдствій я узналъ и трусовъ, которые отреклись отъ меня, разсчитывая извлечь пользу изъ того, что осыпали меня упреками».

XIII.

Кромѣ прекрасныхъ сосѣдокъ, книгъ, перестукиванья въ стѣну, тайной переписки черезъ Николая, насъ поддерживали въ одиночномъ заключеніи и простые арестанты. Съ ними свелъ меня тотъ же Николай, познакомивъ съ нѣкоторыми въ банѣ.

Изъ окна своего каземата я тщательно наблюдалъ клейменый и ссыльный народъ, наполнявшій въ извѣстные часы тюремный дворъ. Иные изъ нихъ были крайне одичалыми и молчаливыми. Съ бритыми головами они грѣлись на

солнцѣ, растянувшись по землѣ и прикрывая свои холщевыя ноги въ желѣзныхъ браслетахъ рванымъ арестантскимъ кафтаномъ. Другіе арестанты ихъ боялись. Большинство же было веселый народъ, развлекавшійся пѣснями, остротами, шутками и нападеніями другъ на друга при всеобщемъ хохотѣ, если вблизи не бывало надзирателя съ тросточкой.

Многіе изъ нихъ имѣли свои романы въ женскомъ отдѣленіи, огороженномъ отъ мужского высокими палями съ воротами посрединѣ. Подкупъ надзирателей имѣлъ здѣсь широкое примѣненіе.

Влюбленные всегда успѣвали дождаться времени, когда ворота женскаго отдѣленія отворялись, и оттуда выходили двѣ, три арестантки съ ведрами для воды изъ колодца или на кухню за кушаньемъ, находившіеся на мужскомъ дворѣ. Эти встрѣчи лишенныхъ всѣхъ правъ были иногда трогательны, но чаще сопровождались острожнымъ кокетствомъ въ видѣ острыхъ насмѣшекъ и толчковъ.

Уголовные арестанты не долго сидятъ въ приволжской тюрьмѣ. Почти каждую недѣлю я видѣлъ на дворѣ сборъ арестантовъ, одѣтыхъ по дорожному и сидящихъ кучками или попарно, подъ присмотромъ надзирателей. Это были пересыльныя партіи.

Къ звону цѣпей присоединялись громкіе пере-

говоры отправляемыхъ съ тѣми, которые остаются еще за рѣшетками острога. Послѣдніе завидовали первымъ, а первые были вполнѣ счастливы тѣмъ, что ихъ участь «рѣшена», и они нѣсколькими днями ранѣе прибудутъ на каторгу или въ ссылку.

Съ радостью на лицѣ спѣшили они попасть поскорѣе въ опись по порядку и уже спокойнѣе дожидались момента, когда ихъ поведутъ изъ тюремнаго двора на пароходную пристань или въ вагоны желѣзной дороги.

Послѣ ухода партіи мнѣ всегда было грустно, такъ какъ часто въ этой партіи были знакомые мнѣ арестанты и пѣвцы...

Большинство изъ нихъ имѣло постоянныя «сношенія съ волей», и черезъ нихъ «секретные» также могли имѣть свѣдѣнія съ воли и сами писать туда же.

Богъ знаетъ, какъ бы мы ужились съ ними въ общей тюрьмѣ на каторгѣ, еслибъ такія общежитія существовали; но теперь они охотно дѣлились съ нами и опасностями и хлѣбомъ-солью.

Въ провинціяхъ по праздникамъ до сихъ поръ существуетъ похвальный обычай присылать въ тюремный замокъ такъ называемыя «подаянія».

Арестанты не забывали и насъ, удѣляя на наши коридоры равную со всѣми долю этихъ

подаяній. Староста изъ уголовныхъ, имѣя въ бѣломъ фартукѣ калачи и яблоки, обходилъ наши камеры, раздавая собственноручно каждому изъ насъ его порцію.

Однажды, въ воскресенье, какъ только отворилась у меня дверь для принятія «подаянія», староста, держа одной рукой оба конца фартука, ловко приподнялъ мизинецъ той же руки и показалъ кончикъ аккуратно сложеннаго письма.

Я тотчасъ же ободрился и наблюдалъ какъ онъ ловко передалъ мнѣ вмѣстѣ съ подаяніемъ письмо съ воли, предназначенное кому бы то ни было изъ заключенныхъ съ весьма полезными для насъ свѣдѣніями. Какъ оно попало въ руки старосты и отъ кого — мнѣ до сихъ поръ неизвѣстно; но несомнѣнно, что нѣкоторые изъ насъ должны съ теплотой вспоминать сострадавшихъ намъ кандальниковъ и варнаковъ.

XIV.

Не смотря на небольшія облегченія, которыя заключенные себѣ доставили, мы все-таки страшно страдали въ маленькихъ казематахъ, подъ вѣчными взглядами подстерегающихъ насъ тюремщиковъ.

Перемѣнъ уже давно не было въ нашей судьбѣ. Къ счастью, что смотритель замка былъ

человѣкъ доброй души и часто утѣшалъ насъ тѣмъ, что скоро насъ увезутъ въ Москву.

— Поскорѣе бы только! Я не менѣе васъ радъ... Сколько выговоровъ я наглотался отъ прокурора за васъ.

— Ужасно долго тянутъ.

— Нельзя-съ,—возражалъ онъ тотчасъ же.— Такое это дѣло... Скоро бьютъ дупелей на охотѣ, а не людей.

Довольный своей остротой, онъ вдругъ весело заговорилъ о моей сосѣдкѣ.

— Открылъ у нея въ стѣнѣ проломъ. Нѣтъ ли и у васъ подкоповъ къ ней? Ну, такъ и есть... Это что? Что это за пятна? Изволите перестукиваться? Да чѣмъ вы стучите?

— Пальцемъ... пуговицей... гребешкомъ.

— Ну, что толку въ этомъ: тукъ да тукъ? Цѣлую ночь тукаете. Всю стѣну испятнали. Увидитесь на судѣ... Богъ не безъ милости, встрѣтитесь и на волѣ. До тѣхъ же поръ спите лучше по ночамъ, чѣмъ терять здоровье. А то вѣдь я переведу вашу сосѣдку подальше, а къ вамъ въ сосѣди посажу какого нибудь каторжника.

— Вы этого не сдѣлаете! Ради Бога!

— Ага, испугались... Пойду теперь попугаю ее тѣмъ же.

Шутить ему надъ нами не пришлось долго. Пришла бумага съ требованіемъ, чтобы мою сосѣдку доставили въ Москву.

Передъ отъѣздомъ мы всю ночь стучали другъ другу, и слова ея до сихъ поръ бодрятъ и утѣшаютъ меня въ горькія минуты жизни.

Мы условились съ сосѣдкой во что бы то ни стало передъ отъѣздомъ взглянуть другъ на друга.

На другое утро, во время уборки камеры, я ловко устранилъ ключника рукой съ дороги и подбѣжалъ къ сосѣднему номеру. Сорвать клеенку съ форточки двери было дѣломъ момента, и я увидѣлъ заключенную посреди каземата.

Ключникъ повисъ у меня на спинѣ, стараясь оттащить отъ двери, но я все-таки успѣлъ хорошо разсмотрѣть мою наперсницу.

— Это не она! Не она!—въ отчаяніи восклицалъ я, запертый вновь въ свою камеру. — Не она. Ту изъ Малороссіи, съ пѣвучимъ дѣтскимъ голосомъ, я узналъ бы среди тысячи ей подобныхъ, а это другая... другая!

Однако я скоро устыдился своего отчаянія: моя сосѣдка была не та, за которую я принималъ ее все время и которую въ разстроенномъ тюрьмой воображеніи любилъ и боготворилъ. Но развѣ сама по себѣ, она не священна для меня, и развѣ не ей я обязанъ радостями и счастливѣйшими днями въ одиночномъ заключеніи?

Съ трепещущимъ сердцемъ я слышалъ, какъ отворили дверь ея каземата, и она, проходя мимо меня, успѣла закричать:

— Увозятъ!.. Не забывайте!

— О, никогда! Никогда!

Бѣдное мое сердце! Сколько еще проводовъ и похоронъ предстояло ему впереди.

Съ опустошеніемъ сосѣдняго номера я лишился разомъ двухъ женщинъ: живой и созданной моей фантазіей.

Черезъ нѣсколько дней и меня позвали въ канцелярію и велѣли собираться въ дорогу.

— Въ Москву сначала поѣдете, — сказалъ смотритель.—А потомъ, слышно, судить будутъ въ Петербургѣ. Я такъ радъ. Мнѣ было съ вами очень трудно строго обходиться.

Прощаясь со мной, онъ даже обнялъ меня, и мы поцѣловались. Но едва я направился къ двери, конвоируемый двумя жандармами, какъ смотритель по привычкѣ крикнулъ имъ:

— Смотри: не зѣвай въ дорогѣ. Разговаривать не позволяйте съ пассажирами и въ буфетъ не выходите съ нимъ. Если ѣсть захочетъ, то одинъ изъ васъ пойдетъ покупать, а другой останется съ арестантомъ въ вагонѣ. Гляди, чтобы не убѣжалъ. Боже упаси!.. Ну, съ Богомъ!..

Странно—по мѣрѣ того, какъ я терялъ изъ виду тюрьму, мнѣ жаль становилось и моего смотрителя и моего каземата.

Ужъ слишкомъ много юныхъ силъ потрачено на эту жизнь въ одиночномъ заключеніи, и слишкомъ безгрѣшна была здѣсь моя лучшая любовь.

О воспоминаніе! Будь благословенно, и пусть другіе узники въ безотрадные дни своей жизни испытаютъ твое могущество!.. Что за дѣло, если моя сосѣдка была не та дѣвушка, за которую я принималъ ее все время. Она питала мое сердце чистыми и свѣтлыми представленіями о чудномъ созданіи и своею близостью заставила вѣрить въ него. Мы находили нужную поддержку въ ласковыхъ славахъ другъ друга и, какъ говоритъ Сильвіо Пелико о своей тюремной подругѣ, «каждый разговоръ съ нею влекъ за собою необходимость продолженія, разъясненій и давалъ безпрерывно животворный толчекъ знанію, памяти, фантазіи и сердцу».

Она вливала въ казематное мое житіе такія чувства и радости, которыя безусловно продлили мою жизнь.

Съ этими мысляли я ѣхалъ всю дорогу и съ нимъ же прибылъ въ Москву... въ Пугачевскую башню.

XV.

За Бутырками въ Москвѣ, по дорогѣ къ нынѣ преобразованной Петровско-Разумовской академіи, находится Московскій тюремный замокъ. По угламъ его устроены башни, и одна изъ нихъ называется «Пугачевской». До сихъ поръ мое одиночное заключеніе въ провинціаль-

ной тюрьмѣ не портило моего характера и здоровья. Я вступилъ въ пугачевскую башню съ убѣжденіемъ, что, сохраняя присущее мнѣ настроеніе, можно будетъ вынести и новыя испытанія:

Я уже не былъ новымъ человѣкомъ въ арестантскомъ мірѣ и меня не смущали сырыя стѣнѣ казомата, коптилка-лампа на столѣ и молчаливая стража.

Двухъ-этажная круглая башня раздѣлялась радіусами и заключала въ себѣ десять камеръ, съ витой лѣстницей на второй этажъ посрединѣ и узкимъ корридоромъ вокругъ послѣдней. Военная стража наблюдала за нами черезъ форточки нашихъ дверей у казематовъ.

Проходя по двору тюремнаго замка, я невольно обратилъ вниманіе на то, что башня была отдѣлена отъ остального острога высокими палями и такимъ образомъ изолирована даже отъ уголовныхъ арестантовъ. Ни смотрителя, ни ключника, ни хожалаго въ башнѣ не было. Четверо вооруженныхъ солдатъ и старшій унтеръ-офицеръ были нашимъ начальствомъ, и только черезъ нихъ мы могли дать знать о себѣ прокуратурѣ.

Мнѣ очень скоро пришлось узнать всю разницу прежнаго надзора изъ наемной прислуги и казеннаго безъ свидѣтелей и контроля; но первое время я все-таки безбоязненно вошелъ въ но-

меръ и сбросилъ на койку свой, крытый черный сукномъ, полушубокъ.

Запертый на замокъ, я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что форточка двери у моего каземата остается открытой и не завѣшанной клеенкой. То же самое было и у моихъ сосѣдей. Наискось мы могли видѣть въ форточку либо носъ, либо кончикъ уха другъ у друга; зато фигуры часовыхъ, въ ихъ сѣрыхъ шинеляхъ, при шашкѣ и револьверѣ, всегда были передъ нашими глазами, со строгимъ видомъ при малѣйшей попыткѣ заключенныхъ разговаривать между собою стукомъ въ стѣну или голосомъ въ форточку. Первое время, однако, я глядѣлъ съ удовольствіемъ на солдатъ, прислушиваясь къ ихъ голосамъ и вспоминая движущихся на волѣ людей. Я на столько изучилъ физіономію каждаго изъ нихъ, что и теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, ихъ лица явственно воскресаютъ въ моей памяти. Иногда они снятся мнѣ ночью и молчаливо конвоируютъ меня на допросы... Я со страхомъ просыпаюсь и громко восклицаю:

То былъ лишь сонъ! О счастіе, о радость...

Это дѣйствительно большая радость проснуться у себя дома и съ покойной совѣстью на душѣ...

До сихъ поръ у меня не изгладилась изъ памяти моя треугольная камера. У дверей она

была съужена, а у наружной, болѣе широкой, стѣны стояла койка съ соломеннымъ тюфякомъ. Передъ этой койкой находился столикъ, а на немъ маленькая лампочка и оловянная кружка для питья съ иронической надписью: «liberté, égalité, fraternité». Откуда эта кружка попала въ башню—рѣшительно не могу понять.

Маленькое окно помѣщалось около потолка, значительно выше моего роста, и свѣтъ изъ окна падалъ только въ противоположную сторону каземата, вырываясь черезъ форточку двери, на темный полъ корридора.

Такимъ образомъ, только около двери можно было читать книгу, поднявъ ее нѣсколько кверху, и окончательно испортить свои глаза, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Размѣръ комнаты не превышалъ трехъ-четырехъ шаговъ и разминать себѣ ноги, отъ долгаго сидѣнья, приходилось почти на одномъ мѣстѣ. Я невольно вспомнилъ одного бастильскаго узника, начертавшаго на дверяхъ своего каземата слѣдующія слова: «двойныя рѣшетки съ большими гвоздями, тройныя двери съ крѣпкими задвижками, — вы кажетесь адомъ однимъ преступникамъ; для невинныхъ людей вы только дерево, камень и желѣзо».

Размышляя въ этомъ направленіи о новомъ своемъ помѣщеніи, я нагнулся къ кровати, чтобы убрать съ нее полушубокъ, и нечаянно обратилъ

вниманіе на бѣлыя точки, покрывавшія его черный верхъ.

— Сыплется известь съ потолка,—подумалъ я,—и вдругъ мнѣ показалось, что бѣлыя точки двигаются. Неужели?—воскликнулъ я...—Паразиты! Быть не можетъ... Такъ много.

Весь тюфякъ съ перемятой отъ ветхости соломой былъ покрытъ насѣкомыми, уже успѣвшими забраться на мой полушубокъ. Я позвалъ унтеръ-офицера.

— Нигдѣ такой грязи нѣтъ, — произнесъ тотъ, — вездѣ чище, а въ этомъ номерѣ и каторжники жалуются. Клопъ въ стѣнахъ а другая дрянь въ постели... Все бѣлье перепортятъ.

Онъ вынесъ мой полушубокъ, чтобы выбить его на снѣгу и вернулся утѣшить меня разговорами.

— Не вѣкъ жить въ этой башнѣ... Здѣсь по долгу не сидятъ, баринъ. Въ Питеръ увозятъ отсюда.

— Пора бы и совсѣмъ выпустить на волю... Я уже насидѣлся въ Саратовѣ.

— Пока не осудили и не лишили всѣхъ правъ—ничего еще себѣ,—отвѣтитъ тотъ.—Страдать потомъ будете...

— Какъ? Впереди будетъ хуже?

— Когда сдѣлаютъ форменнымъ арестантомъ, и пища будетъ хуже, и разговоръ грубѣй... Ну, да своя охота! По своей волѣ сидите... Никто,

какъ сами... Вы бы чайку испили, баринъ... Что жъ такъ-то убиваться! А то умойтесь лишній разъ. Вода освѣжаетъ голову... Вотъ, надъ вами,—замѣтилъ онъ:—баринъ по цѣлымъ вечерамъ изъ хлѣба фигуры лѣпитъ и тѣни наводитъ на стѣну. Иной разъ изобразитъ такую штуку и придумаетъ къ ней такой разсказъ, что и на ярмаркѣ на услышишь.

— Недурная новость,—подумалъ я:—Полишинель забрался въ Пугачевскую башню, и тотчасъ моя мысль начала работать въ пользу возможнаго здѣсь «Петрушки», для нашего сближенія со стражей.

Къ вечеру была зажжена у меня маленькая лампа и поставлена на столъ.

— Порціонныя деньги дадутъ вамъ завтра,—сказалъ «старшой».—А сегодня хлѣбца съѣшьте съ нашей кашицей.

При огнѣ мой номеръ казался еще болѣе омерзительнымъ. Его стѣны были нѣсколько лѣтъ не крашены и измазаны нечистотами бывшихъ здѣсь ранѣе уголовныхъ арестантовъ. Я поторопился лечь спать. Лампу не приказано было тушить, и она должна была горѣть всю ночь на столѣ.

XVI.

Утомленный переѣздами изъ разныхъ мѣстъ заточеній, я легъ на койку и тотчасъ крѣпко заснулъ.

Часа черезъ три я проснулся.

Все тѣло мое болѣло и ныло. Проведя рукой по груди, я раздавилъ нѣсколько клоповъ и въ ужасѣ замѣтилъ, что они покрываютъ подушку, одѣяло и стѣну.

Я тотчасъ же уничтожилъ ихъ сапогомъ и успокоившись заснулъ вновь.

Вторичное пробужденіе было болѣе скорое, при тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ. Я замѣтилъ, что складки соломенника и подушки были также усѣяны гнѣздами насѣкомыхъ, мучившихъ меня до такой степени, что я потихоньку отлилъ керосинъ изъ лампы и облилъ имъ свою подушку и даже тѣло. Разумѣется, это не принесло мнѣ пользы и на утро я серьезно задумался о своемъ положеніи.

— Можетъ быть позволятъ купить порошокъ,—спросилъ я унтеръ-офицера.

— Просили и другіе, да не покупаютъ. На это не отпущено денегъ и на всѣхъ васъ не накупишься,—произнесъ онъ увѣренно.

— Что же тогда дѣлать?—разсуждалъ я самъ съ собою, разглядывая и койку и соломенникъ.

Щели первой были наполненны клопами въ такомъ изобиліи, что я боялся прикоснуться къ ихъ гнѣздамъ. Остатки полупрѣлой и провонявшей соломы вылѣзали изъ стараго чехла и каждая изъ нихъ давала убѣжище семьѣ насѣкомыхъ, приставшихъ и прилипшихъ къ ней такъ крѣпко, что ихъ надо было отрывать пальцами. Преодолѣвая тошноту, я провозился съ постелью цѣлое утро. Желая потомъ вымыть руки, я обратилъ вниманіе на то, что и «парашечная» система въ Пугачевской башнѣ была болѣе отвратительна, чѣмъ въ провинціальной тюрьмѣ. Здѣсь ушатъ съ водой былъ безъ крышки и сѣро-водородъ наполнялъ номеръ безпрепятственно.

— Ну-да, пустяки,—проворчалъ я съ досадой, стараясь остаться равнодушнымъ ко всѣмъ прелестямъ клоповника.—Когда вы смѣняетесь?—спросилъ я унтеръ-офицера.

— Въ одиннадцать часовъ... Вамъ выдадутъ порціонныхъ 25 копѣекъ.

— Что же съ ними дѣлать?

— Обѣдъ заказать въ арестантской кухнѣ, а не понравится—изъ лавочки покупать будете. Дворянамъ ничего, а вотъ другимъ меньше полагается.

— Можно будетъ подѣлиться съ ними?

— На моей смѣнѣ можно, а на другой наврядъ ли... «Старшой» тамъ такая собака... Я самъ боюсь. Вы не выдайте меня.

— А какъ твоя фамилія?

— Овчаренко,—сказалъ онъ, отходя отъ форточки.

Черезъ полчаса пришла смѣна, и я невольно обратилъ вниманіе на новаго унтеръ-офицера. Это былъ щеголеватый, съ тонкими чертами лица солдатъ. Черные глаза его были строги, а плотно сжатыя губы не располагали къ разспросамъ. Онъ вошелъ ко мнѣ въ номеръ и осмотрѣлъ меня внимательно.

— Распишитесь,—произнесъ онъ и вынулъ изъ кармана бумагу съ суточными деньгами.

Исполняя это требованіе, я спросилъ его фамилію.

— А зачѣмъ вамъ?—отвѣтилъ онъ холодно, и не торопясь вышелъ изъ номера.

Раздавъ всѣмъ заключеннымъ порціонныя деньги, онъ вернулся на свой постъ и приготовился заснуть на скамьѣ. Разговоры между другими стражниками тотчасъ же смолкли, и они, видимо, боялись потревожить сонъ «старшого».

Одинъ изъ заключенныхъ сталъ стучать въ стѣну другому, но унтеръ-офицеръ злобно закричалъ часовому:

— Гдѣ эта скотина стучитъ? Чего зѣваешь!

Часовой заметался отъ номера къ номеру и наконецъ началъ выговаривать въ форточку заключенному за его стукъ.

— Не приказано, баринъ. «Старшой» сердится. Кипятку не будемъ носить къ чаю, а то подушку отнимемъ на недѣлю.

— Ого!—подумалъ я.—Наказанія!

Мнѣ тотчасъ же самому захотѣлось узнать своихъ сосѣдей и, схвативъ оловянную кружку, я началъ ею махать передъ форточкой. Это мельканіе въ форточкѣ свѣтлой кружки замѣняло вполнѣ стукъ и не будило спящаго унтеръ-офицера.

Мнѣ отвѣчали изъ другихъ форточекъ тѣмъ же, и такимъ образомъ разговоръ кружкой тотчасъ же познакомилъ насъ всѣхъ между собой.

Кружка была нашимъ языкомъ: такъ, для буквы «а» кружка мелькала передъ форточкой одинъ разъ; для «б» — два раза и т. д. Упрощенный способъ переговоровъ и здѣсь заключался въ томъ, что всю азбуку раздѣлили на четыре столбца:

а	з	п	ц
б	и	р	ч
в	к	с	ш
г	л	т	щ
д	м	у	ы
е	н	ф	ю
ж	о	х	я

Каждую букву приходилось передать двояко: въ первый разъ кружка мелькала для обозначе-

нія столбца, въ которомъ стоитъ буква; во второй разъ — обозначали самую букву въ этомъ столбцѣ. Буква «ж» равнялась одному + шесть; «п» = 3 + 1 и т. д.

Это было гораздо короче, чѣмъ махать кружкой для буквъ по полному ихъ алфавиту.

Но едва только унтеръ-офицеръ проснулся, какъ часовой ему доложилъ, что заключенные «кружкой ворочаютъ».

— Песъ съ ними! Ишь колдуютъ передъ форточкой. Занятно, видно...

Протирая глаза, онъ не догадывался о значеніи кружки, какъ языка; но самое занятіе ею раздрожало его тѣмъ, что, по его мнѣнію, оно была игрушкой и развлекала насъ. Подтянувшись ремнемъ и поправивъ на боку шашку, онъ вдругъ сорвался съ койки и отперъ одинъ изъ нашихъ казематовъ.

— Здѣсь запрещено играть, господинъ,— закричалъ онъ... А ты слушай, когда тебѣ говорятъ, послышалось мнѣ продолженіе разговора и, вслѣдъ затѣмъ, какой-то шумъ и крикъ.

Неужели онъ силой отнялъ кружку и смѣетъ говорить намъ на «ты», подумалъ я.

Прильнувъ лицомъ къ форточкѣ, я наблюдалъ за гнѣвнымъ унтеръ-офицеромъ и вдругъ замѣтилъ, посрединѣ башни у лѣстницы, на освѣщенномъ полу, отраженную тѣнь мелькающаго пальца. Всѣ тотчасъ же сообразили, что

вмѣсто кружки передъ форточкой теперь тутъ будетъ двигаться нашъ палецъ и тѣнь его мелькать на полу вмѣсто языка.

VII.

— Отнять палецъ отъ руки ты не можешь,— думалъ я, — вглядываясь въ зловѣщее лицо «старшого». Надо только всегда ждать солнца, чтобы лучи его проникли изъ каземата, черезъ, форточку двери, во внутрь башни на полъ и ея стѣны.

Унтеръ-офицеръ замѣтилъ, что заключенные нашли себѣ новое развлеченіе. Онъ поставилъ посрединѣ башни часоваго и загородилъ имъ свѣтлое пятно на полу. Тогда отраженняя тѣнь нашихъ пальцевъ замелькала на шинели солдата.

Прокуратура, занятая дознаніемъ о новыхъ арестованныхъ лицахъ, совершенно забыла о «пугачевцахъ». Послѣдніе были посажены въ башню преимущественно за то, что отказывались давать показанія на допросахъ или давали ихъ предварительно сговорившись съ товарищами по судьбѣ и выгораживая отъ отвѣтственности менѣе виновныхъ. Судьба «пугачевцевъ» очень трогательна. Иногда они спорили между собою изъза того, кому изъ нихъ надлежитъ пострадать за всѣхъ. А на очныхъ ставкахъ между собою

заключенные бросались другъ другу въ объятія, цѣловались и хохотали, а о дѣлѣ ни слова...

Милые люди! Сколько было здоровья у нихъ и бодрости духа. Точно на шутку смотрѣли они на свою неволю и загубленную молодость. Зато ихъ и бросили въ башню поразмыслить о своемъ поведеніи безъ книгъ, переписки и свиданій съ родными.

Въ особенности намъ было трудно при суровомъ унтеръ-офицерѣ. Ни прокуратура, ни смотритель замка не посѣщали насъ. Одно было въ этомъ «старшомъ» большимъ достоинствомъ: онъ не утаивалъ нашихъ порціонныхъ денегъ при покупкахъ и бралъ пищу изъ арестантской кухни на всю сумму денегъ. На другихъ дежурствахъ мы неоднократно вспоминали его, ощущая разительную разницу въ обѣдѣ.

Овчаренко былъ добродушный унтеръ-офицеръ, но онъ безцеремонно дѣлился съ нами нашими деньгами. На 25 коп. я получалъ сквернаго чаю на двѣ заварки по чайной ложкѣ (стоило 2—3 коп.); четыре кусочка пиленаго сахару (тоже не болѣе 2-хъ коп.), затѣмъ чернаго хлѣба копѣйки на 2 и копѣйки на три крѣпкой, копченой колбасы, подъ именемъ «московской».

Остальныя 15 коп. Овчаренко не возвращалъ намъ. Иногда онъ, впрочемъ, приносилъ намъ солдатскихъ щей или хлѣба, оставшихся не

съѣденными у нашего караула. И мнѣ казалось, что это лучше. На 25 коп. приносили изъ арестансткой кухни тарелку горячаго и тоненькую котлетку; а кто получалъ порціонныхъ менѣе 25 коп., тому нечего было получать изъ кухни. Вотъ тутъ-то Овчаренко и былъ полезенъ тѣмъ, что дѣлился съ нами своими солдатскими щами и хлѣбомъ. Это случалось только въ его дежурство, но хорошо, что случалось. Безъ него мы были бы голодны всегда.

Третій унтеръ-офицеръ у насъ былъ свой человѣкъ—нѣкто Булановъ. Его увлекли мечтанія молодыхъ людей о лучшемъ будущемъ. Онъ заходилъ къ намъ въ номера и подолгу бесѣдовалъ съ нами о политикѣ. Кто-то изъ его смѣны донесъ на него, его судили и сослали въ арестантскія роты.

XVIII.

Такъ потянулись мои безконечные дни въ Пугачевской башнѣ, безъ допросовъ и извѣстій съ воли.

Наша стража обновлялась новыми лицами и новыя были хуже. Каждый хотѣлъ на первыхъ порахъ заявить въ правленіи свое усердіе на нашъ счетъ и притѣснялъ насъ.

А за днями шли мѣсяцы и кончался уже годъ моего пребыванія въ Московскомъ тюрем-

номъ замкѣ. Тяжелѣе оно оказалось, чѣмъ я думалъ. Зимой Пугачевская башня была холодной, а въ прочее время года — сырой. Съ клопами я управлялся тѣмъ, что, за неимѣніемъ дѣла, гонялся чуть не за каждымъ изъ нихъ по одиночкѣ и мазалъ керосиномъ не только своихъ враговъ, но и самого себя на ночь. Затѣмъ я замазывалъ передъ сномъ глубокія щели въ стѣнахъ чернымъ хлѣбомъ и такимъ образомъ мѣшалъ выползать оттуда клопамъ наружу. Къ утру хлѣбъ засыхалъ въ щеляхъ стѣны и враги мои выползали изъ своего заточенія; но я уже бодрствовалъ и встрѣчалъ ихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Къ вечеру я принимался опять за хлѣбъ и, такимъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ я значительно очистилъ казематъ отъ моихъ мучителей.

Я считалъ себя счастливымъ, если мнѣ удавалось съ вечера, послѣ замазки ихъ гнѣздъ чернымъ хлѣбомъ, проспать три-четыре часа спокойно.

Остатокъ ночи уходилъ у меня на мышей... Милыя созданія, маленькія, веселыя, ручныя. Онѣ бѣгали по столу, подбирая крошки хлѣба, прыгали со стола ко мнѣ на подушку и ласково смотрѣли мнѣ въ лицо, какъ бы стараясь угадать: притворяюсь я добрымъ, или на самомъ дѣлѣ мнѣ съ ними хорошо. Впослѣдствіи, какъ только появлялась на столѣ лампа, онѣ съ пискомъ бѣжали изъ-подъ полу и, увѣренныя въ

своей безопасности, веселили меня своею молодой жизнью...

Кто побывалъ въ Пугачевкѣ, тотъ пойметъ, какъ я былъ грустенъ, когда лѣтомъ мои мыши ушли въ поля и не возвращались болѣе ко мнѣ, и какъ я негодовалъ, когда, высказавъ грусть одному изъ унтеръ-офицеровъ, узналъ, что онъ сообщилъ о мышахъ въ правленіе и было приказано забить у меня въ казематѣ норы крѣпкими досками.

А зачѣмъ?

Я уже безъ того значительно потерялъ способность воспринимать впечатлѣнія и ихъ почти у меня не было. Я создавалъ искусственно себѣ жизнь и воспоминаніями поддерживалъ свои силы.

Продолжительное пребываніе въ постоянномъ молчаніи лишало тюрьму ея исправительнаго для меня значенія. Я привыкъ къ ней, какъ къ самому нормальному для меня жилищу и утрачивалъ понемногу потребность въ свободной жизни. Какой-то чужой представлялась она мнѣ: и трудъ людей за кусокъ хлѣба, и дѣти безпечныя, и красота природы и даже любовь къ женщинѣ — все заволакивалось туманомъ и отдалялось... Даже крѣпкое мое тѣло какъ бы «смялось» и обезсилѣло. Я пріобрѣлъ привычки старика: сидѣть вытянувъ ноги, опрокинувшись или понуро согнувшись въ продолжительномъ забытьи. У меня отняли даже обрывки газетъ,

въ которыя завертывали въ лавочкѣ для меня колбасу или сахаръ съ чаемъ. Я собиралъ эти рваные листики, перечитывалъ ихъ и съ жадностью вглядывался въ знакомые мнѣ когда-то на волѣ слова, имена и прозвища.

Солдатъ заприметилъ у меня эти клочки печатной бумаги и не передавалъ мнѣ покупки изъ лавки завернутыми въ бумагу. Я сердился и кричалъ, но плакалъ потихоньку отъ него.

— Не отнять зато никому комаровъ у меня! — крикнулъ я ему однажды въ сильномъ гнѣвѣ. — Ступай, доноси, что комары изъ Петровско-Разумовскаго парка залетаютъ ко мнѣ въ окна и выслушиваютъ на тебя мои жалобы.

Унтеръ-офицеръ подумалъ, что я боленъ, и ко мнѣ зашелъ тюремный докторъ.

— Вы сомнѣваетесь, въ своемъ ли я умѣ? — остановилъ я его вопросы и изслѣдованія нервныхъ узловъ. — Вамъ, докторъ, не прислать мнѣ ума изъ аптеки, а лучше попросите разрѣшенія мнѣ имѣть и читать книги.

— Я лечу заключенныхъ, но не имѣю права ходатайствовать за нихъ.

Да, онъ не былъ докторомъ Гаазомъ, извѣстнымъ когла-то человѣколюбцемъ для арестованныхъ. По его уходѣ, при помощи стола, я заглянулъ въ окно Пугачевской башни на тянущіеся за нею капустники и картофельники до самаго Петровско-Разумовскаго парка.

Въ это-то окно и залетали ко мнѣ длинноногіе комарики и разнообразили своимъ пѣніемъ мертвую тишину каменной башни.

И какъ былъ мнѣ милъ и отраденъ писклявый крикъ: бра-а-тъ! Это было первое въ башнѣ привѣтствіе мнѣ, на которое я такъ охотно подставлялъ названному брату свою щеку. Уколъ до крови напоминалъ мнѣ меня самого, среди луговъ, озеръ, облѣпленнаго вмѣстѣ съ охотничьей собакой тучами комаровъ и, въ этомъ видѣ, пробиравшагося изъ деревни въ деревню съ книгами и рѣчами для «Моихъ Мужиковъ» *).

А гдѣ-то теперь мой вѣрный песъ? Было ли кому позаботиться о немъ послѣ моего ареста?— подумалъ я и вспомнилъ, что онъ былъ подаренъ мнѣ милой дѣвушкой, просившей помнить ее, а собачку любить. Вотъ гдѣ пришлось задуматься о любившей меня женщинѣ, тайно оберегавшей меня много разъ отъ опасности и явно защищавшей, когда ее спрашивали о моихъ убѣжденіяхъ и намѣреніяхъ! О, какъ тюрьма заставляетъ цѣнить преданныхъ намъ людей! Какъ я любилъ въ эту минуту моего земнаго ангела.

А комаръ все злѣе и больнѣе напивался кровью и вдругъ полетѣлъ обратно къ окну. Я догналъ его и вернулъ. Онъ усѣлся на стѣнку. Ночью, на вѣтерокъ, онъ поднялся и удралъ,

*) См. мою книгу «Мои Мужики».

благополучно миновавъ въ рѣшеткахъ окна паутину пауковъ.

Я жалѣлъ, когда долго не заглядывали ко мнѣ эти милые кровопійцы съ душистыхъ полей и травяныхъ болотъ. Я сознавалъ всю искусственность и преувеличенность моихъ радостей и огорченій въ тюрьмѣ, но съ ними мнѣ было легче и я охотно вѣрилъ въ свои собственные вымыслы. Альфредъ де-Мюссе прекрасно понималъ это состояніе одиночно-заключенныхъ, когда писалъ о немъ слѣдующія строки:

Кровь вноситъ въ сердце представленья,
Рядъ лицъ, картинъ,—
И въ тишинѣ уединенья
Ты—не одинъ.
Пускай твердитъ языкъ твой острый,
Что пустъ твой храмъ:
Твои друзья, и мать, и сестры
Витаютъ тамъ.
Въ немъ Божья искра жизни вѣчной
Бросаетъ свѣтъ.
Лучемъ любви твой міръ сердечный
Всегда согрѣтъ.
Ты погасить его не въ силахъ,
А съ искрой той
Ты носишь образы всѣхъ милыхъ
Вездѣ съ собой.

Съ этими «образами всѣхъ милыхъ» доходило у меня до галлюцинаціи. Но одинъ изъ нихъ, всякій разъ, по своему желанію, я могъ вызвать къ себѣ, усадить на койку рядомъ съ собой и чувствовать шелестъ женскаго платья и геній одухотворенной красоты.

Вотъ она—живая... Все время одна передъ моими очами! Средняго роста, тонкая, темные густые волосы, лучистые глаза и дѣтскій, южный голосъ... Увижу ли я ее и что скажу ей про свою любовь, которую она не подозрѣваетъ и не ждетъ? И тотчасъ же я слышалъ въ своемъ казематѣ ея отвѣтъ, ея порывистую рѣчь съ милой и очаровательной улыбкой...

— Съ ума, дѣйствительно, начинаю сходить! останавливалъ я себя самого замѣчаніемъ и старался отвлечь свой умъ отъ грезъ.

Я обращался къ дѣйствительности.

Съ утра на стѣнахъ моего каземата солнце отражалось золотыми пятнами, и открывши глаза, я прежде всего искалъ у себя свѣтовые лучи. Печально поднимался я съ койки, когда была дурная погода, и весь день тосковалъ о солнцѣ. Я привязался къ животворящему свѣту, посѣщавшему меня изрѣдка, и безъ него тяжелѣе чувствовалъ свое одиночество. Хотѣлось иногда посмотрѣть даже на собственную тѣнь: зеркала намъ не позволяли имѣть. Я смотрѣлся въ лампу... Не было носового платка, не было ножницъ для ногтей и съ великимъ трудомъ удалось получить разрѣшеніе сводить меня въ общую съ уголовными арестантами баню.

Она отличалась отъ провинціальной бани только тѣмъ, что со мною мылся и самъ унтеръ-офицеръ; но арестанты были тѣ же самые: то же

бряцанье кандаловъ, тѣ же полубритыя головы и безмолвная готовность на всякую услугу противъ стражи.

Меня удивляетъ, напр., почему Достоевскій высказываетъ, что уголовные арестанты долгое время недружелюбно относились къ нему на каторгѣ и всегда радушно принимали въ свою среду арестанта изъ простонародья. По разуму это понятно: равный сочувствуетъ равному и легче съ нимъ уживается; но личнымъ своимъ опытомъ я свидѣтельствую, что случайныя встрѣчи интеллигентныхъ заключенныхъ съ уголовными имѣли дружественный характеръ. Суровое отношеніе къ намъ тюремной администраціи удивляло всѣхъ душегубцевъ и трогало ихъ сердце, когда они видѣли въ насъ юныхъ людей, съ веселыми и нѣжными глазами.

Подойдя въ банѣ къ кособокому арестанту, я привѣтливо крикнулъ ему:

— Подвинься-ка, Иванычъ! Помоемся вмѣстѣ на лавочкѣ.

— Хотя и не Иванычъ, но подвинусь, отвѣтилъ тотъ и сталъ внимательно меня разсматривать.

— По-матушкѣ не зови, а по-батюшкѣ, какъ не окрести, всякій откликнется, замѣтили арестанты.

Унтеръ-офицеръ пошелъ къ крану за водою мнѣ.

— Умѣешь «по-арестантски» говорить? спросилъ я быстро своего сосѣда, съ переломленнымъ нѣкогда ребромъ.

— У насъ нельзя безъ тарабарщины *)... Разно говоримъ...

Онъ смѣшался съ другими арестантами, но сейчасъ же двое изъ нихъ бойко стали разговаривать между собой на условномъ языкѣ.

Я понялъ изъ ихъ словъ, что и въ другихъ башняхъ сидятъ интеллигентные заключенные, что

*) Тараборскій языкъ тотъ, гдѣ къ каждому слову прибавляютъ условную частицу. Прибавляя, напр., частицу *надъ*, чтобы сказать объ арестѣ новыхъ лицъ, произносятъ: *надъ* новыхъ, *надъ* лицъ, *надъ* арестовали и т. д. Это арестантское нарѣчіе, извѣстное подъ именемъ «argot», представляетъ собою языкъ, на которомъ объясняются нищета и человѣческое горе. По замѣчанію В. Гюго, «на окраинѣ всѣхъ униженій и всѣхъ несчастій бываетъ такой видъ безъисходной нищеты, который, наконецъ, возмущается и рѣшается вступить въ борьбу противъ всѣхъ проявленій благополучія, противъ всѣхъ торжествующихъ правъ... Въ пособіе такой борьбѣ нищета изобрѣла особый боевой языкъ, это и есть арго». Онъ полонъ дикихъ словъ (рабуэнъ—палачъ, стрёма—берегись, сламъ—дѣлежъ и т. д.), метафоръ (вмѣсто рабуэнъ—пекарь; вмѣсто фальшивыхъ бумагъ—пчелы; вмѣсто схватить за горло—«нахрапокъ» и. т. д.) и приспособленій къ обыкновенному слову какого-нибудь посторонняго слова... Яркими красками характеризуетъ Гюго этотъ тюремный языкъ «Каждое слово въ немъ кажется клейменымъ. Простыя слова обыденнаго языка точно сморщились и зарубцовались подъ каленымъ желѣзомъ палача. Иныя фразы производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто передъ вами вдругъ обнажилось клейменое плечо грабителя. Бываютъ метафоры до такой степени нахальныя, что, очевидно, побывали въ кандалахъ.» Въ русскихъ тюрьмахъ существуетъ, напр., языкъ съ прибавленіемъ къ живому слову неприличнаго хвоста, вульгарной и грязной приставки, затемняющей рѣчь для непосвященныхъ людей.

недавно были новые аресты въ Москвѣ, но преимущественно на фабрикахъ и что изъ башни заключенныхъ увозятъ въ Петербургъ.

Мой караульный подозрительно прислушивался къ ихъ языку и торопилъ меня мыться. А я все чаще и чаще посылалъ его за новой водой и въ промежуткѣ успѣлъ собрать весьма много свѣдѣній.

Заключенные въ другихъ башняхъ не были такъ изолированы отъ уголовныхъ, какъ заключенные въ Пугачевской башнѣ. Я узналъ, что арестованныхъ прибывало все болѣе и болѣе; что нѣкоторыхъ уже судили и осудили за дѣятельность на фабрикахъ и заводахъ.

А наше дѣло о сліяніи съ народомъ по деревнямъ и селамъ тянулось; слѣдствіе осложнялось новыми арестами по провинціямъ и конца ему не предвидѣлось.

Чѣмъ менѣе получалось мною внѣшнихъ впечатлѣній, тѣмъ напряженнѣе была внутренняя жизнь; но всякая напряженность имѣетъ предѣлъ, и я уже испытывалъ переутомленіе... Я чувствовалъ постепенное приближеніе «пенитенціарнаго идіотства», которое такъ хорошо теперь знакомо мнѣ по роману Эдмонда Гонкура: «La fille Elise», когда въ тюрьмѣ «мало-по-малу, умъ Елизы и тѣло стали деревянѣть, терять всякую способность къ воспріятію какихъ бы то ни было ощущеній. Несмотря на свою обычную зяб-

кость, она перестала чувствовать холодъ, и физическая боль казалась ей чѣмъ-то отдаленнымъ, едва до нея касающимся. То же происходило и въ ея умѣ. Въ убійственной системѣ постояннаго молчанія, она начинала видѣть тихое убѣжище, въ которомъ ея мысли лѣниво покоились въ смутномъ, унизительномъ забытьи, не пробуждаемомъ никакимъ человѣческимъ звукомъ. Неожиданный вопросъ директора былъ для нея болѣзненнымъ ударомъ, а необходимость отвѣчать—физическимъ страданіемъ. Она даже никогда не старалась освѣтить лучомъ воспоминанія блаженную, мрачную пустоту ея ума. Вспоминать было для нея труднымъ усиліемъ, тягостною усталостью. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на нее временами находилъ непонятный страхъ, она боялась сходить съ лѣстницы, боялась шаговъ арестантокъ. Она часто ощущала въ рукахъ какую-то вялость и сама не чувствовала, какъ вещи выскальзывали изъ ея пальцевъ».

Къ счастію моему, я не вполнѣ сознавалъ опасность своего положенія, при ослабленіи интереса къ окружающей меня жизни и къ личнымъ, когда-то жгучимъ, воспоминаніемъ. Меня уже не тянуло стучать въ стѣну, говорить свѣтлой кружкой или тѣнями на свѣтломъ фонѣ, и я былъ радъ, когда меня никто не вызывалъ сигналами на бесѣду. Я даже иногда притворялся спящимъ, когда слышалъ, что услов-

ными ударами въ стѣну мой товарищъ зоветъ меня.

Мучительное было состоянiе, когда непроизвольно я принималъ участiе въ чужихъ бесѣдахъ, раздающихся ритмическими ударами въ стѣну. Я затыкалъ уши, закрывалъ голову одѣяломъ, но слухъ былъ такъ изощренъ и такъ привыкъ къ стуку въ стѣну, что нисколько это мнѣ не помогало. Бестужевъ сравнивалъ перестукиванiе съ точеньемъ ночью червякомъ дерева; но тѣмъ не менѣе, оно выносимо только для стучащихъ между собою узниковъ, а не для того, кто усталъ отъ тюремныхъ разговоровъ и хочетъ забыться, уснуть, умереть...

XIX.

Самое тяжелое въ моемъ положенiи были неопредѣленность и неизвѣстность судьбы. Всѣ пугачевцы ждали окончанiя слѣдствiя и суда, какъ благодѣянiя, каковы-бы ни были послѣдствiя; но именно ихъ-то и не было...

— Въ самомъ непродольжительномъ времени! отвѣчали обыкновенно намъ на вопросъ о томъ, скоро ли будутъ судить насъ.

Это постоянное ожиданiе суда ослабило страшно мои силы и, при дурномъ питанiи, я могъ совсѣмъ не дождаться его. По цѣлымъ днямъ я сидѣлъ неподвижно за столомъ и уже ни о чемъ не думалъ, ничего не вспоминалъ.

На пяти-минутную прогулку по тюремному дворику я выходилъ, едва передвигая ноги, и скоро совсѣмъ отказался выходить изъ каземата. Было какое-то странное удовольствіе наблюдать за собой и замѣчать, какъ гаснутъ и покидаютъ меня силы. Но — видно часъ воли Божіей для меня еще не насталъ—меня вдругъ потребовали на допросъ и я ожилъ.

Повезутъ въ Питеръ! увижусь опять съ старыми друзьями! Осудятъ и сошлютъ вмѣстѣ! думалъ я въ тюремной каретѣ, которую совершенно справедливо кто-то назвалъ «подвижнымъ казематомъ».

Система моего поведенія на допросахъ заключалась въ томъ, что по теоретическимъ вопросамъ я откровенно высказывался и всегда переходилъ въ наступательное положеніе; но съ именами товарищей обращался очень осторожно и либо прямо отказывался отвѣчать и ссылался на ослабленіе памяти, либо повторялъ только то, о чемъ они сами меня предварительно просили стукомъ или записочками.

— Удивительно! Вы и теперь такъ же ведете себя, какъ въ провинціи, замѣтилъ прокуроръ.—Вы ихъ выгораживаете, а они, полюбуйтесь, какъ ведутъ себя противъ васъ.

Онъ передалъ мнѣ томы предварительнаго дознанія, и я весь ушелъ въ чтеніе показаній моихъ сотоварищей. Нѣкоторые изъ нихъ меня

радовали, но большинство проводило въ отчаяніе.

— Довольны ли вы? спросилъ прокуроръ.—Не церемоньтесь же съ ними! Дайте намъ правдивыя показанія о нихъ и, можетъ быть, участь ваша смягчится. Будьте откровенны... Если вы были знакомы съ такой-то, такъ и скажите. Что за преступленіе быть знакомымъ съ молоденькой барышней! Зачѣмъ же вы отказываетесь отъ того, что бывали у ней на чтеніяхъ съ рабочими? Вѣдь и въ этомъ нѣтъ преступленія. Чтеніе книгъ разрѣшено всѣмъ. Преступна организація, а собираться никому не воспрещается... Вы могли не знать преступныхъ цѣлей этихъ собраній; но на собраніяхъ вы вѣдь бывали часто?

— Никогда!

— Ну такъ знайте, намъ извѣстно, что вы жили съ нею въ одномъ домѣ.

— Это не значитъ въ одной квартирѣ...

— Мы вѣдь отлично это понимаемъ! Но какой смыслъ вашего запирательства? Вы такъ долго сидите въ заключеніи и все время отягчаете свою участь. Вѣдь признаніе вами знакомства съ этой госпожей одни только слова... Вы должны бояться фактовъ, чтобы я не узналъ ихъ отъ васъ, а вы боитесь собственныхъ словъ. Вы молоды, васъ увлекли, вы сдѣлались жертвой... Вы можете это подтвердить и это будетъ вамъ очень полезно на судѣ.

— Я мало объ этомъ забочусь... Я такъ привыкъ къ своему положенію...

— Но вѣдь другіе же даютъ откровенныя показанія и васъ самого нисколько не щадятъ?

— Я это вижу... Я это читалъ...

— Ну, такъ что же? Пишите и вы...

— Не стану... Прикажите дать мнѣ стаканъ воды.

— Вотъ вы какъ волнуетесь... Не угодно ли чаю? Со сливками или съ лимономъ?

Не помню ужъ съ чѣмъ я тамъ пилъ чай, но хорошо помню, что, отправляясь опять въ Пугачевскую башню, прокуроръ сердито сказалъ мнѣ:

— Вы отягчаете свою участь упорствомъ.

— Я только за чужую участь боюсь, а не за свою...

— Вотъ видите, какъ вы отвѣчаете! Я долженъ сказать вамъ, что со многими вашими принципами можно согласиться, пока вы не соблазняете одного изъ «малыхъ сихъ». Я самъ радикальныхъ воззрѣній, но только среди равныхъ по развитію людей. За взгляды никого не преслѣдуютъ у насъ, но нельзя позволить проводить ихъ въ невѣжественной деревнѣ или среди юношества. Это уже преступленіе.. Вы въ немъ не сознаетесь? Запирательство не облегчитъ вашу судьбу. Законъ, конечно, предоставляетъ вамъ право не отвѣчать на вопросы, если вы не же-

лаете; но тотъ же законъ судитъ строже лицо, не помогающее правосудію.

— Я давно примирился съ нимъ...

— Въ такомъ случаѣ васъ ждетъ карета,— холодно отвѣтилъ прокуроръ и передалъ меня конвойнымъ.

Дурно кончился мой допросъ и опять меня вернули въ мою башню; но тѣмъ не менѣе допросъ встряхнулъ меня и заставилъ нѣсколько интересоваться собою и моими товарищами.

Тяжело мнѣ было видѣть ихъ совершенно растерянными на допросахъ. Впослѣдствіи я привыкъ къ этой «откровенности» лицъ въ нашемъ дѣлѣ: держаться на предварительномъ слѣдствіи предательски, а потомъ отказываться на судѣ отъ своихъ прежнихъ показаній. Теперь я уже могу безъ гнѣва вспоминать всю картину ихъ растерянности. Сначала юноша думаетъ обмануть прокурорскій надзоръ искренностью своихъ показаній и подтверждаетъ цѣлый рядъ фактовъ, уже раскрытыхъ слѣдствіемъ ранѣе него.

— Все это намъ извѣстно, — презрительно обрываютъ его.—Вы ничего новаго не сообщаете. Если хотите быть выпущеннымъ на поруки, то будьте искреннѣе и откройте намъ новыя обстоятельства дѣла.

Блѣдный и трепещущій юноша превращается въ беллетриста-инсинуатора. Онъ пока еще уклоняется отъ политической откровенности и ма-

скируетъ свое запирательство грязной клеветой на товарищей; онъ роетъ пропасть между собою и ими, чтобы свидѣтельствовать грязными фактами свою съ ними несолидарность. Если вамъ приходилось брать у него на сутки-другіе нѣсколько рублей или, по собственому желанію, онъ оказалъ денежную помощь вашему предпріятію и укрылъ у себя на недѣлю скомпрометированное лицо, этого достаточно, чтобы онъ оговорилъ васъ въ коммунизмѣ или въ вымогательствѣ на свои собственныя нужды денегъ подъ угрозой насилія. Частыя посѣщенія вами его семейства онъ не постѣснится объяснить любовнымъ волокитствомъ за его сестрой и т. д. Росказни его съ удовольствіемъ выслушиваютъ, но ставятъ на видъ частный и голословный ихъ характеръ, ничѣмъ не подтвержденный.

— Васъ не выпустятъ, если вы укрываете факты... Это все слова, что вы говорите.

Плохо кормленный въ тюрьмѣ юнецъ, лишенный солнца и истомленный неизвѣстностью — начинаетъ тогда уже и себя не жалѣть, ссылаясь на молодость, легкомысліе и увлеченіе любовью къ арестованной дѣвушкѣ; но ему опять напоминаютъ о полномъ раскаяніи.

— Вашъ соучастникъ, — говорятъ ему, — во всемъ признался. На вашемъ мѣстѣ вполнѣ будетъ честно отплатить ему тѣмъ же; а другой — бѣжалъ за границу и вы напрасно боитесь ском-

прометировать его. Теперь вамъ надо думать о себѣ и полномъ своемъ раскаяніи.

Несчастный хватается за удобный предлогъ и убаюкиваетъ свою совѣсть вымыслами о подлости одного друга и бѣгствомъ за границу другого. Онъ даетъ прокурору пространное показаніе и разсказываетъ все, что зналъ изъ личной и общественной жизни своихъ товарищей. Но и это не помогло его освобожденію, а еще болѣе онъ сталъ нуженъ для суда, какъ живая улика противъ всѣхъ.

Ему осталось приняться за политическіе вымыслы. Онъ впутываетъ на угадъ новыхъ лицъ и окончательно теряется. Онъ прислушивается къ стуку своихъ сосѣдей, вглядывается черезъ щель форточки въ ихъ наружность и одежду, дѣлаетъ свои выводы изъ подслушанныхъ разговоровъ и просится на допросъ къ прокурору.

И это не помогло!! Доносы не подтвердились!

Въ отчаяніи многіе кончили жизнь самоубійствомъ, но и передъ смертью лгали, мотивируя свое поведеніе привитымъ имъ «іезуитизмомъ» или храбро заявляя, что они разочаровались въ старыхъ путяхъ и считаютъ теперь для новой программы весьма полезнымъ уничтожить прежнихъ своихъ вожаковъ и сторонниковъ. Были впрочемъ и такіе среди нихъ, которые горько каялись за свою ложь и, получивъ прощеніе отъ товарищей, сходили потомъ съ ума.

Тяжело все это вспомнить! Тѣмъ болѣе, что никто изъ этихъ печальныхъ и молодыхъ героевъ, строго говоря, не виновенъ въ томъ, что болѣе опытные и зрѣлые люди впутали ихъ въ серьезное дѣло, а одиночное заключенiе обнаружило ихъ изнѣженность, безхарактерность и неспособность къ практической и отвѣтственной дѣятельности. Но не вспомнить эти страницы изъ жизни русской молодежи я не могу. Въ провинцiи съ многими изъ нихъ я сговорился въ показанiяхъ для облегченiя ихъ собственной участи, не подозрѣвая, что они на первыхъ же допросахъ тряслись за свою судьбу и не думали о другихъ. Чтенiе ихъ собственноручныхъ показанiй оскорбило мою любовь и уваженiе къ «передовой молодежи».

Я вернулся въ казематъ въ возбужденномъ состоянiи и провелъ ночь въ чисто лихорадочномъ бреду. Я встрѣчалъ во снѣ ласковыхъ собакъ, которыя вдругъ хватали меня за ногу. Обертываясь и отбиваясь отъ нихъ, я неожиданно узнавалъ въ нихъ то одного, то другого изъ моихъ товарищей. А подъ утро я чувствовалъ, что я долженъ умереть. Былъ приготовленъ и самый гробъ, зажжены свѣчи и всѣ ждали моей смерти, чтобы положить меня въ гробъ и унести изъ комнаты. Я все просился, нельзя ли мнѣ не умирать, хоть немножко пожить; но никто не соглашался ждать... Я хотѣлъ задуть свѣчи у

гроба—и къ великому своему удовольствію проснулся у себя въ Пугачевской башнѣ.

XX.

Чтеніе томовъ предварительнаго дознанія, съ собственноручными показаніями моихъ «единомышленниковъ», воздвигло, казалось, между мною и всѣми прочими людьми какую-то незнакомую мнѣ стѣну. Я утратилъ разомъ къ людямъ довѣрчивость, безмятежность души и нѣжную привязанность. Я еще опредѣленно не понималъ своего состоянія, но чувствовалъ перемѣну духа, похожую на разочарованіе и бѣшенство влюбленнаго человѣка къ низкой женщинѣ.

— Ахъ, если бы это состояніе духа могло быть продолжительнымъ! Какъ бы я былъ впередъ и осмотрительнѣе и чему-нибудь научился бы въ жизни... Но молодость быстро переживаетъ обиды и озлобленіе на людей. Въ нашей душѣ заключается гораздо больше идеализаціи, чѣмъ скептицизма и осторожности.

Мнѣ пришлось впослѣдствіи увлекаться еще болѣе тѣми же самыми людьми и искать среди нихъ счастья и нравственнаго успокоенія, до тѣхъ поръ, пока на четвертомъ десяткѣ лѣтъ своей жизни я не убѣдился, что современный человѣкъ всего болѣе несчастенъ во многолюдствѣ.

Неоднократныя поѣздки на допросъ къ прокурору и ознакомленіе съ собственноручными показаніями моихъ товарищей по одному со мной дѣлу принесли ту пользу, что подняли мои ослабѣвшія силы въ тюрьмѣ, и я дотянулъ свое существованіе до того дня, когда, наконецъ, дѣйствительно пришло предписаніе отправить меня въ Петербургъ.

— Послѣ Пугачевской башни мнѣ уже не страшна Петропавловская крѣпость, — подумалъ я.—Хорошо, что прошли апатія и безучастность!

Я все ждалъ, когда меня позовутъ въ канцелярію тюремнаго замка, занумеруютъ въ исходящую книгу арестантовъ и сдадутъ конвойнымъ на желѣзную дорогу.

Въ ожиданіи этого дня я придумывалъ всевозможные способы воспользоваться временемъ для сношенія съ лицами на волѣ или съ тѣми, которымъ суждено будетъ занять мое мѣсто въ Пугачевской башнѣ.

Каждый узникъ, покидая тюрьму, обязанъ начертать на стѣнахъ каземата свое имя и фамилію съ привѣтомъ будущему своему замѣстителю. Мнѣ хотѣлось, кромѣ того, дать ему ясное представленіе о положеніи нашего дѣла и кто какія даетъ въ немъ показанія. Эти свѣдѣнія всегда чрезвычайно важны для арестованнаго: черезъ нихъ онъ угадываетъ обстоятельства, о которыхъ его будутъ спрашивать, и онъ успѣетъ

приготовиться къ отвѣту. Но я зналъ, что номеръ заключеннаго, по отъѣздѣ послѣдняго, всегда тщательно осматривается; даже во время моихъ прогулокъ по тюремному дворику я часто замѣчалъ, что казематъ обыскивался моими сторожами.

Трудно начертать гвоздемъ изъ сапога тѣ или другія свѣдѣнія на стѣнѣ, чтобы ихъ не замѣтили, а между тѣмъ карандаша и бумаги у меня нѣтъ. По той же причинѣ, за неимѣніемъ письменныхъ принадлежностей, я не могъ и заготовить письма въ какую-либо симпатичную мнѣ редакцію, со справкой о нашемъ дѣлѣ для тѣхъ, кто имъ интересуется, и дорогою, въ пути, выбросить ее на глаза какому-нибудь молодому, честной наружности, человѣку.

Неожиданный случай опять помогъ мнѣ перехитрить блюстителей моей особы. Я замѣтилъ, что одинъ изъ унтеръ-офицеровъ на своемъ дежурствѣ читаетъ романъ Майнъ-Рида. Во время прогулки по двору я завелъ съ нимъ рѣчь объ этомъ, любимомъ мною въ дѣтствѣ, писателѣ и посвятилъ его въ многочисленные разсказы объ индѣйцахъ и блѣднолицыхъ въ Америкѣ. Въ слѣдующій разъ я сдѣлалъ тонкій намекъ на то, что мнѣ хотѣлось бы познакомиться съ романомъ, который у него въ рукахъ и, наконецъ, я прямо попросилъ его у него.

— Вотъ прочту прежде самъ,—сказалъ онъ

наконецъ, убѣжденный въ моемъ безкорыстномъ желаніи познакомиться съ новымъ произведеніемъ знаменитаго беллетриста.

Я далъ ему кончить книгу и вновь сталъ просить ее.

— На моемъ дежурствѣ буду давать.

— Ну, конечно! — воскликнулъ я, стараясь не навлечь на себя его подозрѣнія избыткомъ радости.

Въ два-три часа я проглотилъ все содержаніе романа и задумался о тайныхъ цѣляхъ моего чтенія.

Острымъ кончикомъ найденной на дворѣ булавки я началъ дѣлать точки вокругъ каждой буквы, нужной для моей записки, и потомъ эту букву выталкивалъ изъ текста на столъ. Изъ буквъ я составлялъ слова и налѣплялъ ихъ на корки мягкаго чернаго хлѣба. Работа эта была египетская и требовала большой осторожности: надо было постоянно посматривать на форточку двери, чтобы никто не замѣтилъ моей работы съ булавкой; во-вторыхъ, чтобы книга сохранила свой приличный видъ. Послѣ трехъ-четырехъ дежурствъ у меня уже было нѣсколько корокъ хлѣба съ полнымъ текстомъ о нашемъ дѣлѣ.

Эти корки хлѣба я положилъ за рѣшетку оконъ, куда заглянуть можно только подставивъ нарочно для того столъ. Въ номерѣ осматрива-

лись обыкновенно подушка, соломенникъ и стѣны. Окно нерѣдко забывалось, такъ какъ оно было недоступно человѣческому росту. Но заключенный рано или поздно непремѣнно захочетъ посмотрѣть въ окно на свободу и здѣсь долженъ будетъ найти мои корки.

Чего только не придумаешь въ одиночномъ заключеніи?! Если бъ не книги, то я изъ хлѣба насушилъ бы микроскопическія буквы и, въ теченіе долгихъ лѣтъ своего заключенія, напечаталъ ими о немъ краснорѣчивыя строки; если-бъ не хлѣбъ, то на кускахъ полотна, вырванныхъ изъ бѣлой арестантской рубахи, я написалъ бы дегтемъ изъ «параши» или сажей изъ коптилки-лампы о томъ, какъ я хотѣлъ въ эти годы любить и вѣрить въ братство людей и ихъ милосердіе.

Чашу испить до дна надлежало еще въ Петербургѣ. Помню хорошо этотъ день, когда мнѣ предстояло разстаться съ Пугачевской башней. Меня привели къ смотрителю тюремнаго замка, и въ то время, какъ я одѣвался по-дорожному, онъ отдалъ приказаніе перевести изъ одной башни въ покинутый мною казематъ какую-то барышню.

Я не вытерпѣлъ и сказалъ ему, что въ моемъ номерѣ даже сильный мужчина теряетъ силы.

— Въ стѣнахъ и кровати насѣкомыя...

— Чудесно! — весело воскликнулъ онъ. — Я бы иголокъ насыпалъ туда! Иголокъ!

— Зачѣмъ эта суровость?

— А мы въ томъ присягу принимали, — отвѣтилъ онъ безъ смущенія.

Эта логика до-реформеннаго тюремщика разсердила меня и я отвѣтилъ ему наставительно:

— Каждому человѣку слѣдуетъ поразмыслить о собственныхъ грѣхахъ и проступкахъ противъ Бога, прежде чѣмъ кипѣть гнѣвомъ и бѣшенствомъ на своего ближняго.

Въ этомъ настроеніи я вышелъ изъ Пугачевской башни и подъ конвоемъ былъ отправленъ по Николаевской дорогѣ въ Петербургъ.

XXI.

Должно быть, немного осталось у меня здоровья, если при переѣздѣ изъ Московской тюрьмы въ Петербургъ я ѣхалъ въ забытьѣ и не помню дороги. А когда я преодолѣвалъ себя, и ко мнѣ возвращалось сознаніе моего положенія, меня охватывало лихорадочное возбужденіе противъ того, что меня перевозятъ, какъ товаръ за номеромъ, и сдадутъ подъ росписку въ другія руки.

Опять мысль начинала работать въ одномъ направленіи.

Уже два года, какъ я сталъ арестантомъ, и весь человѣческій родъ превратился для меня

въ ключниковъ, хожалыхъ, надзирателей, смотрителей и прокуроровъ... Нѣтъ иныхъ именъ въ общеніи со мною, и самъ я забывалъ иногда свое собственное.

Въ одиночныхъ камерахъ тюрьмы находился каждый изъ насъ, и по номерамъ же насъ вызывали на допросъ и возвращали обратно. Иногда я себя самого въ казематѣ громко называлъ христіанскимъ именемъ, и на душѣ становилось легче... Тяжело было чувствовать себя типичнымъ арестантомъ! Каждаго изъ моихъ серцевѣдовъ и охранителей мнѣ нужно было обмануть и такъ, чтобы онъ, на манеръ обманутыхъ мужей изъ Боккачіо, не вѣрилъ собственнымъ глазамъ.

Теперь, при переѣздѣ въ Питеръ, я способенъ былъ обмануть самого добраго изъ нихъ, спрыгнувъ съ поѣзда въ лѣсъ. Когда посѣщало меня сознаніе, что такъ дѣйствуютъ только бродяги, я становился самъ себѣ гадокъ. Съ теченіемъ времени это чувство все сильнѣе овладѣвало мною, но, къ счастью, въ Петербургѣ отношенія администраціи къ заключеннымъ были гуманнѣе, и многимъ изъ насъ разрѣшили свиданія съ родными, пропускъ книгъ и писемъ. Лжи стало меньше, и до суда мы не были лишены всѣхъ правъ, какъ въ провинціальныхъ тюрьмахъ.

Я дожидался дремоты моихъ конвойныхъ,

чтобы броситься изъ вагона впередъ и опередить ихъ на десятокъ шаговъ передъ темнымъ лѣсомъ. Терять было мнѣ нечего, а силы мои были когда-то могучія, находчивость молодая...

Точно загипнотизированный одною мыслью, я ужасался тому, что съ каждой станціей я былъ ближе къ Петербургу, а не къ свободѣ.

Вотъ и Бологое, Малая Вишера и множество другихъ станцій, и темная ночь, и толпы людей, а я еще не сдѣлалъ попытки прорваться сквозь нихъ на волю и чувствовалъ, что нѣтъ къ тому у меня силъ.

Пугачевская башня отняла все здоровье, а безъ него не выполнимъ ни одинъ арестантскій замыселъ.

Слезы текли у меня по щекамъ, когда мои ноги едва шевелились, и все тѣло съ трудомъ повиновалось мнѣ. Тщетная надежда: и голова кружится, и сердце замираетъ отъ волненія, а для побѣга нужны силы и хладнокровіе.

Я посылалъ то того, то другого конвойнаго купить мнѣ въ буфетѣ булку или заварить чай и оставался наединѣ съ усталыхъ и засыпающимъ временами его товарищемъ. Я подстерегалъ каждое его дыханіе, но не могъ двинуться, чтобы не упасть.

А поѣздъ мчался уже далѣе, проѣхали Любань, и къ утру замелькали окрестности столицы.

Арестантское состояніе духа, столь несвойственное моей искренней и прямой душѣ, стало покидать меня по мѣрѣ того, какъ сквозь стекла вагона я узнавалъ когда-то хорошо знакомые мнѣ виды подъ Петербургомъ съ его фабриками и заводами, на которыхъ я часто проживалъ среди рабочихъ. Замечтался я опять о нихъ и, подавленный воспоминаніями, забылъ о своей арестантской участи, и мнѣ стало легче, хорошо, спокойно...

Съ «гордымъ терпѣніемъ» въ душѣ я вышелъ изъ вагона, когда поѣздъ остановился у платформы.

Оба моихъ конвойныхъ были у меня по бокамъ, но я непринужденно и счастливо озирался по сторонамъ, встрѣчаясь со взглядами давно невиданныхъ мною въ такомъ количествѣ людей.

Я отвыкъ отъ толпы и теперь съ удовольствіемъ слѣдилъ за ея движеніями.

Петербургъ... Но тотчасъ же меня посадили въ карету съ опущенными занавѣсками на окнахъ и привезли въ только что построенный, по самому усовершенствованному образцу келейныхъ тюремъ, «Домъ предварительнаго заключенія» на Шпалерной улицѣ.

При посѣщеніи профессоромъ Фойницкимъ съ студентами С.-Петербургскаго университета мѣстъ заключенія, одинъ изъ его спутниковъ сдѣлалъ въ газетахъ о «Домѣ предварительнаго заклю-

ченія» слѣдующій отзывъ: «Мрачная окраска колоссальныхъ стѣнъ, уходящіе въ высь ряды желѣзныхъ лѣстницъ, сумракъ, царствующій во всѣхъ корридорахъ, полная тишина, нарушаемая только звяканьемъ ключей въ рукахъ многочисленныхъ надзирателей, — все это тяжело дѣйствовало на посѣтителей. Несмотря на то, что «Домъ предварительнаго заключенія» построенъ по всѣмъ требованіямъ архитектуры и правилъ гигіены, въ немъ еще болѣе сжимается сердце, чѣмъ въ Литовскомъ замкѣ. Въ послѣднемъ человѣкъ лишенъ только свободы, но не общенія съ людьми, попавшій же въ «Домъ предварительнаго заключенія» долженъ почувствовать себя сразу оторваннымъ отъ всего міра. Въ Литовскомъ замкѣ скорѣе будешь жить надеждой на будущее, чѣмъ въ предварительномъ заключеніи. Вся эта каменная мрачная громада давитъ, гнететъ душу, и невольно представляется, что отсюда нѣтъ выхода. Подслѣдственные не видятъ другъ друга никогда. Въ церкви они помѣщаются въ отдѣльныхъ будкахъ съ рѣшетками, гуляютъ только въ отдѣльныхъ для каждаго загородкахъ, устроенныхъ на дворѣ. Мѣсто для прогулокъ неспособно разсѣять мрачныхъ думъ арестанта. Представьте себѣ рядъ высокихъ сплошныхъ заборовъ, идущихъ радіусами отъ одного центра. Каждый заключенный обязанъ прогуливаться въ теченіе опредѣленнаго времени на пространствѣ

десятка шаговъ между двумя радіусами-заборами».

Вопреки этому отзыву, какою прекрасною показалась мнѣ эта европейская тюрьма послѣ грязныхъ мѣшковъ Пугачевской башни!

Все здѣсь блестѣло: полъ, натертый воскомъ; чиновники въ форменномъ платьѣ, надзиратели-ключники на государственной службѣ и самый секретный номеръ чистый, какъ стекло, съ газовымъ рожкомъ, водопроводомъ и водостокомъ въ углу, герметически закрываемымъ. Хорошо, но только пусто въ номерѣ. Даже откидная кровать привинчена къ стѣнѣ. Столъ и стулъ представляли изъ себя простыя желѣзныя дощечки, безъ ножекъ, просто откидываемыя отъ стѣны на крючекъ. Номеръ былъ и длиннѣе моихъ прежнихъ и выше. Массивная его дверь запиралась на тройной запоръ американской системы такъ, что на два оборота ключъ находился днемъ у надзирателя, а ночью на три оборота для ночного замыканія у помощниковъ управляющаго домомъ. Но я понялъ причину моей тоски только тогда, когда замѣтилъ совершенное отсутствіе въ зданіи дерева. Къ дереву человѣкъ привыкъ болѣе, чѣмъ къ металлу, и я сильно ощущалъ эту разницу.

Чисто... Просторно... Администрація изъ чиновниковъ, а не солдатъ; ванна есть, обѣдъ и ужинъ, книги есть... А вотъ тоскливо въ но-

мерѣ, какъ не было никогда со мной! Даже глазокъ въ двери завѣшенъ подвижнымъ кускомъ желѣза, и сквозь это круглое отверстіе надзиратели, обутые въ мягкую обувь изъ верблюжьей шерсти, «тихими стопами» наблюдаютъ за нами. Деревяннаго пола, деревянной кровати, деревяннаго стулъ не было и я страдалъ безъ нихъ.

Какая мелочь! пробовалъ я себя утѣшать разсужденіями и чувствовалъ, что меня раздражаетъ даже жестяная кружка, привѣшенная на цѣпочкѣ къ мѣдному крану надъ водопроводной раковиной... Прихотливые люди въ одиночномъ заключеніи! Имъ не хватаетъ дерева, солнца, живого лица, хотя бы тюремщика... Но, конечно, черезъ мѣсяцъ — другой я ко всему привыкъ и сталъ забывать мои провинціальныя полудеревянныя тюрьмы съ наемной стражей передъ открытыми форточками нашихъ дверей и разговорами съ ней.

Криминалистъ проектировалъ здѣсь систему абсолютнаго одиночнаго молчанія, но онъ поторонился привѣтствовать торжество послѣдняго слова уголовнаго права въ нашей «Предварилкѣ». Человѣческое слово проникло и сюда черезъ желѣзо и камень.

Мы опять заговорили между собой, и теоретикъ криминалистъ былъ побѣжденъ изобрѣтательностью человѣческаго генія.

Усѣвшись на откидной желѣзный блинъ и

опустивъ руки на такой же столъ, я машинально глядѣлъ на газовый рожокъ, торчавшій около моей головы. Вдругъ въ этомъ рожкѣ что-то заворочалось и зашуршало; потомъ опять, точно кто чертилъ кругами вокругъ рожка настойчиво и вопросительно.

Въ это время стали заключеннымъ разносить обѣдъ, и я машинально сказалъ надзирателю, что видно въ рожкѣ по газопроводной трубѣ залѣзла мышь и скребется тамъ.

— Вотъ я пожалуюсь управляющему домомъ на эту мышь, — сердито отвѣтилъ тотъ, захлопывая мою форточку.

Такъ это собратъ по судьбѣ зоветъ меня на бесѣду, тотчасъ же сообразилъ я.

Днемъ-то, вѣдь, газъ закрытъ и труба пустая. Нужно отвинтить рожокъ у себя въ номерѣ, хотя бы суповой металлической ложкой, а сосѣду у себя. Тогда образуется между нами пустота, въ которую можно шептаться черезъ стѣну до 6 часовъ вечера, когда пускаютъ газъ, и мы зажигаемъ его у себя въ рожкѣ. Какая радость: днемъ живая рѣчь товарища и безконечный обмѣнъ мысли, а ночью чистый свѣтъ газа въ комнатѣ и книги, которыми заключенные черезъ младшихъ надзирателей обмѣнивались между собой.

— О Петербургъ! ты всегда былъ гуманнѣе, чѣмъ провинція, къ потерпѣвшимъ людямъ.

Никто не разрѣшалъ этого обмѣна книгами, но всѣ знали объ этомъ, и надзиратели по добротѣ русской души не отказывались пересмотрѣть книгу и передать ее въ тотъ или другой номеръ.

— Почемъ вы знаете, что тамъ сидитъ такой-то?—спрашивали они.—По паровымъ трубамъ перестукиваетесь или объ рѣшетку оконъ?

— Всячески... Всѣхъ не посадите въ карцеры.

— Гдѣ сладить съ вами! У всѣхъ и рамы на окнахъ вынуты...

Надзиратель понималъ, что черезъ книгу мы не будемъ сноситься о секретныхъ дѣлахъ, такъ какъ можемъ переговариваться болѣе безопаснымъ способомъ.

Онъ бралъ книгу и безшумно въ туфляхъ приближался къ слѣдующему номеру, отмыкалъ форточку ключемъ и молча просовывалъ узнику желаемую имъ книгу. Также точно мы получали другъ отъ друга чай, сахаръ и свѣчи. Газъ не всю ночь горѣлъ, а всего только до 9 часовъ зимой, а лѣтомъ совсѣмъ не горѣлъ. Болѣе богатые изъ насъ дѣлились съ бѣдными и свѣчами, и провизіей.

Помощь провіантомъ была необходима. Многіе изъ насъ пріѣхали изъ провинціи истощенными хроническимъ голоданіемъ, а въ «Домѣ предварительнаго заключенія» на каждаго арестанта полагалось нѣсколько копѣекъ въ сутки. На

общій котелъ изъ щей, гороха, макаронъ и вто рого блюда изъ каши — этихъ денегъ хватало; но однообразіе и малопитательность ихъ сдабривались большими порціями чернаго хлѣба съ солью и обиліемъ невской воды изъ-подъ крана.

Голодъ побуждалъ одного изъ насъ приручать къ окну голубей и ловить ихъ. Въ номерѣ онъ убивалъ птицу, чистилъ, обмывалъ и въ кастрюлькѣ изъ-подъ щей варилъ и жарилъ на газовомъ рожкѣ. Но эта примитивная охота на домашнюю птицу возбуждала въ другихъ отвращеніе, и всѣ мы голодали по ночамъ основательно.

Вдругъ надзиратель принесъ мнѣ однажды пару шеколадныхъ плитокъ.

— Отъ кого? Что такое?!

— Съ женскаго отдѣленія... Черезъ канцелярію прислано.

— Но отъ кого?

— Не знаю... Изъ заключенныхъ которая нибудь...

— Кто же? Кто? Узнайте... Возьмите своимъ дѣтямъ одну изъ шеколадинъ.

— Благодаримъ, но намъ не скажутъ...

— Жалость какая!

Съ тѣхъ поръ я часто получалъ шеколадъ, развернутый и осмотрѣнный въ канцеляріи, но фамилію жертвовательницы я не могъ узнать. Тщательно я приглядывался къ полированной

поверхности шеколада, и только разъ иголкой на немъ было начертано, въ ласкающемъ тонѣ, мое собственное имя: «Анатольчикъ». Въ студенческихъ кружкахъ, гдѣ я провелъ молодость, мужчины и женщины зовутъ другъ друга чисто по-братски, именами нѣжными; но до личныхъ и интимныхъ отношеній бываетъ еще весьма далеко. Было одно лицо, о которомъ я хотѣлъ думать, но разумъ уже сдерживалъ меня, и я боролся съ очарованіемъ вымысла о томъ, что есть на свѣтѣ женщина, томящаяся также въ заключеніи, съ которой для меня былъ бы «рай любви возможенъ»...

Шеколадъ былъ такъ кстати для моего истощеннаго организма... Доктора въ «Домѣ предварительнаго заключенія» охотно назначали мнѣ больничную порцію, т. е. кружку молока, которое я кипятилъ на газѣ и варилъ въ немъ шеколадъ. Я былъ экономенъ... Иногда шеколадъ напоминалъ легкій супецъ, а иногда былъ густымъ и питательнымъ. Я дѣлился имъ съ моими сосѣдями и теперь дорого далъ бы, чтобы эти строки попали на глаза неизвѣстной и случайной моей подруги.

Признательность къ ней никогда не изсякнетъ въ моей памяти и всегда согрѣваетъ мою душу слезами умиленія въ думахъ о прошломъ.

Скоро положеніе сидящихъ въ «Предварилкѣ» измѣнилось еще болѣе къ лучшему: нѣкоторыя

дамы согласились собирать въ Петербургѣ пожертвованія для заключенныхъ, и каждый изъ насъ сталъ ежемѣсячно получать маленькія средства. Вотъ эти-то «маленькія средства»: кому при отъѣздѣ на поселеніе—фуфайка и полушубокъ; кому теплые сапоги и деньги, а заключеннымъ—5 или 10 рублей на обѣдъ изъ частной кухмистерской, чай и сахаръ отдѣльно—поддерживали безусловно наше здоровье, подорванное провинціальными тюрьмами.

Эти дамы-филантропки многимъ намъ остались неизвѣстны, а между тѣмъ мы имъ обязаны тѣмъ, что дотянули дни до суда въ бодромъ состояніи духа. Какъ же естественно теперь желаніе расцѣловать эти руки, которыя протягивались за помощью для насъ, и сколько тяготы несли, за чуждыхъ имъ людей, эти милосердныя женщины и молодыя дѣвушки!

Теперь, когда уже волосъ сѣдѣетъ, и минувшія увлеченія женщинами кажутся мнѣ тяжкими, среди нихъ есть имена, примиряющія меня со всѣми утраченными иллюзіями на землѣ...

Ничѣмъ другимъ я не могу отплатить имъ за ихъ «сборы на заключенныхъ», за хлопоты о свиданіяхъ подъ именемъ «невѣстъ», за книги, за письма, за рискъ, какъ только привести здѣсь посвященные имъ стихи одного изъ нашихъ поэтовъ:

Лишь вы однѣ насъ не забыли:
Вы съ нами братски раздѣлили
И хлѣбъ и чистую любовь.
        И ваше теплое вниманье
        Намъ облегчало гнетъ страданья
        И силы намъ давало вновь.
Въ тюрьмѣ подчасъ и умъ мутится;
И если услыхать случится
Тогда сочувствія привѣтъ,
        Опять отраднѣе вздохнется,
        И сердце радостнѣе бьется
        Привѣту братскому въ отвѣтъ.
Еще не конченъ путь страданій,
Но свѣтлыхъ рядъ воспоминаній
Я сохраню и въ скорбный часъ;
        И какъ-то вѣрится живѣе,
        Что скоро станетъ жизнь свѣтлѣе,
        Когда подумаю о васъ!

XXII.

«Домъ предварительнаго заключенія» имѣетъ паровое отопленіе по вертикальнымъ чугуннымъ трубамъ, проходящимъ насквозь съ нижняго этажа до верхняго. Такимъ образомъ архитекторъ тюрьмы позаботился сообщить всѣхъ заключенныхъ одной и той же трубой, по которой достаточно стукнуть ногтемъ пальца, чтобы сотрясеніе сообщалось трубѣ и распространялось по всѣмъ смежнымъ номерамъ.

Стучали мы оловянными, столовыми ложками и ими же колотили по рѣшеткамъ оконъ. Металлическіе звуки доносились до самой канцеляріи, но намъ уже не препятствовали пере-

стукиваться. Многіе перестукивались условными шифрами, такъ какъ среди большой массы заключенныхъ были завѣдомо измѣнившіе намъ товарищи.

А потребность сообщаться новостями была жгучая, и трудно было удержаться, чтобы не дѣлиться ими. Мы сидѣли на окнахъ, изъ которыхъ были повынуты стеклянныя рамы, и переговаривались другъ съ другомъ безъ всякой помѣхи.

Внутренній фасадъ «Дома предварительнаго заключенія» расположенъ былъ четырехугольникомъ, и заключенные по его сторонамъ могли бы другъ друга видѣть отчетливо, еслибы дворъ былъ поменьше пространствомъ. Но мы пріобрѣли себѣ маленькія зеркала и тогда ухитрялись ими приближать къ себѣ изображенія дома во всѣхъ его направленіяхъ. Я даже просилъ прислать съ воли маленькій бинокль и наслаждался имъ, приближая къ себѣ гуляющихъ по двору товарищей или родственниковъ заключенныхъ, которые приходили на свиданіе въ больницу къ нимъ черезъ дворъ тюрьмы.

На окнахъ мы разговаривали различно.

— Коня!—ежеминутно раздавался крикъ изъ окна, и въ тотъ же моментъ изъ какого нибудь окна спускался внизъ или тянулся вверхъ на крѣпкой ниткѣ свертокъ сахару, кусокъ колбасы или письмо.

Этого же «коня» можно было размахать у себя передъ окномъ и пустить въ бокъ, гдѣ его уже ловили при помощи свѣчи или гребенки, за которыя онъ запутывался. Такимъ путемъ «конь» объѣзжалъ значительное пространство, перебирался наискось отъ одного товарища къ другому, и тогда обѣ стороны соединялись, какъ бы телеграфомъ. Цѣлый мотокъ нитокъ уходилъ на сѣтку во всѣхъ направленіяхъ по окнамъ.

Во время обысковъ по номерамъ, всѣ заключенные предупреждались громкимъ стукомъ о желѣзную рѣшетку, и запрещенныя вещи тотчасъ же уѣзжали изъ номеровъ на «коняхъ».

Оборвать «коня» также было легко, когда это требовалось по стратегическимъ соображеніямъ.

Кромѣ «коней», у насъ были «клубы» особенно по ночамъ.

Сидишь бывало за столикомъ и читаешь при зажженномъ газѣ книгу, вдругъ по трубѣ раздается призывъ ударами: «въ клубъ!» Идешь въ уголъ каземата, наполняешь кружку водой и съ силой выбрасываешь изъ нея воду въ водосточникъ такъ, чтобы все въ немъ содержимое ушло въ водопроводную трубу, общую для всѣхъ номеровъ. Менѣе брезгливые очищали водосточникъ простро руками или коркой чернаго хлѣба. Прочистивъ углы въ казематахъ, мы становились

колѣнями на полъ и разговаривали между собой по водопроводу, какъ черезъ газовый рожокъ. Слова достигали съ пятаго этажа до перваго и обратно.

Нечего, конечно, говорить о томъ, что мы дышали амміакомъ, сѣроводородомъ, и многіе хворали желтухой, брюшнымъ тифомъ и глазными болѣзнями.

Потребность разговоровъ и споровъ была такъ сильна, что мы сидѣли въ клубахъ днемъ и ночью.

Разговоры были больше о прошломъ, о будущемъ; а съ сосѣдомъ надо мною мы учили вмѣстѣ англійскій языкъ и переводили въ подлинникѣ Шекспира.

Господи! вспомнишь теперь эту жизнь, и не вѣрится, что все это было со мной. Здѣсь цѣлые мѣсяцы и годы приходилось вычищать руками наши «клубы» и благодарить за нихъ судьбу. Какъ не задохся я въ нихъ, и какъ трахома не лишила меня окончательно зрѣнія! Какъ не сгорѣлъ я у себя въ номерѣ неоднократно! Случалось отвинтить рожокъ въ стѣнѣ, а надзиратель вслѣдъ затѣмъ отпиралъ дверь въ номерѣ и просилъ меня итти въ ванну или на допросъ. Пока онъ работалъ въ замкѣ ключемъ, успѣешь повернуть рожокъ разъ-другой въ его гнѣздѣ, да такъ, не повернувъ, и уйдешь. А тѣмъ временемъ пустятъ газъ, по корридору вонь, надзиратель бѣгаетъ изъ номера въ номеръ, пока не

догадается о моемъ номерѣ, гдѣ газъ легко могъ бы вспыхнуть при неосторожности съ огнемъ.

Изобрѣтательность заключенныхъ была поразительная...

Многіе изъ насъ изъявили желаніе бывать по праздникамъ въ церкви «Дома предварительнаго заключенія», гдѣ для секретныхъ арестантовъ существуетъ длинный шкафъ, раздѣленный нѣсколько разъ глухими перегородками съ дверцами позади каждаго дѣленія и форточкою впереди къ алтарю. Такимъ образомъ, молящіеся въ этомъ шкафу раздѣлены другъ отъ друга стѣнками, но заключеные умудрились продырявить стѣнки чуть ли не гвоздиками, добытыми изъ собственныхъ сапогъ, и разговаривать въ эти скважины между собою...

Все было одухотворено человѣческимъ словомъ: и шкафы въ церкви, и окна въ тюрьмѣ, и рожки въ стѣнахъ, и водостоки по угламъ казематовъ, и паровыя трубы посрединѣ...

XXIII.

Въ «Домѣ предварительнаго заключенія» я востановилъ силы, исключительно благодаря помощи извнѣ.

Кромѣ матеріальныхъ средствъ, я сталъ получать книги, и были попытки устроить мнѣ свиданіе съ совершенно назнакомыми лицами.

Одни изъ нихъ назывались моими родственниками, женщины—невѣстами, но мистификаціи не удавались. Изъ родныхъ у меня были сестры, но онѣ жили въ провинціи, смотрѣли на жизнь разными со мною глазами. Впослѣдствіи, тюремныя впечатлѣнія съ нелегальною жизнью вытѣснили изъ моего сердца образы дѣтства и убили во мнѣ такъ называемыя родственныя чувства. Товарищи по одному дѣлу стали моими близкими. Я сроднился съ этой новою семьею по мыслямъ, и она вполнѣ замѣняла мнѣ кровныхъ родныхъ.

Въ «Домѣ предварительнаго заключенія» мы жили тѣсною семьею и, какъ одинъ человѣкъ, отстаивали свои интересы передъ администраціею. Наши скорби искупались солидарностью и мужествомъ въ каждомъ изъ насъ.

Всѣ казематы были испещрены стихами, которые въ то же время декламировались въ клубахъ и распѣвались на окнахъ:

Думы, наши думы!
Рветесь вы на волю;
Хочется иную
Отыскать вамъ долю.
Хочется, чтобъ путы
Съ рукъ долой свалились,
Чтобъ тюрьмы желѣзной
Двери растворились.
Чтобъ неволя злая
Не свела въ могилу
Годныя для дѣла
Молодость и силу.

Только что смолкали послѣдніе звуки стиха,

какъ съ другого окна вполголоса слышалась уже новая пѣсня:

Думы мои любыя,
Думы мои честныя,
Жить не помѣшаютъ вамъ
Эти стѣны тѣсныя.
Свѣтомъ освѣщенныя
Долгаго страданья,
Вы впередъ прорветеся
Силой упованія...

Долгое пребываніе въ тюрьмѣ дѣлало свое дѣло: оно фанатизировало насъ и дѣлало мучеником изъ слабыхъ и ничтожныхъ людей, ка кими потомъ большинство изъ насъ стали на волѣ. Но, живя подъ колпакомъ, мы не могли провѣрить собственныхъ силъ такъ же, какъ и до тюрьмы въ отвлеченныхъ спорахъ объ отдаленномъ будущемъ и въ пѣсняхъ, о томъ, что своею грудью мы согрѣемъ грудь народа. Уже потомъ обнаружилось, что большинство было чуждо любви даже другъ къ другу, какъ только они вышли изъ общежитія на волю, и что народу ничего не досталось отъ ихъ страданій за идеи о будущемъ вѣкѣ. Это все потомъ стало приходить въ голову, когда на всѣхъ поприщахъ мы встрѣтили враждебно настроенныхъ намъ лицъ и нигдѣ своего человѣка...

Одиночное заключеніе, разумѣется, не могло указать намъ живого и плодотворнаго дѣла, къ которому мы были бы пригодны въ Россіи.

Въ тюрьмахъ мы еще болѣе спѣлись между

собою, и чѣмъ заключеніе было продолжительнѣе, тѣмъ наши вымыслы о жизни и собственныхъ силахъ стяновились отвлеченнѣе.

Я съ энтузіазмомъ ждалъ суда, чтобы публично защищать свою миссію. но вмѣстѣ съ тѣмъ я жаждалъ не только сочувствія къ своимъ идеаламъ, но и къ себѣ самому и. конечно, отъ любимой и самой лучшей въ мірѣ женщины. Такая женщина, я зналъ, гдѣ-то затерялась въ тюрьмахъ, но ея ликъ и всѣ совершенства жили въ моемъ сердцѣ. Иногда, казалась, и голосъ ея упрекалъ меня вслухъ: «да неужели ты ничего не сдѣлаешь, чтобы узнать, гдѣ я, и неужели для любви существуютъ препятствія?»

Изъ безчисленныхъ справокъ и догадокъ я, наконецъ, узналъ ее фамилію, но, не имѣя сообщеній съ женскимъ отдѣленіемъ въ «Домѣ предварительнаго заключенія», сталъ думать, что, можетъ быть, она находится въ Петропавловской крѣпости, и что, конечно, мнѣ надлежитъ быть тамъ же и какъ можно ближе къ ея собственному номеру. «Прогулки въ стойлахъ» помогли моимъ намѣреніямъ.

Для представленія о «прогулкахъ въ стойлахъ» нужно сказать слѣдующее: часть площади тюремнаго двора въ «Домѣ предварительнаго заключенія» была снаружи окружена высокимъ заборомъ, а внутри отъ центра къ окружности, по радіусамъ, раздѣлена такими же заборами,

образуя клѣтки изъ треугольниковъ, какъ куски въ разрѣзанномъ кругломъ пирогѣ.

Въ этихъ клѣткахъ, которыя мы называли стойлами, гуляли заключенные, каждый по одиночкѣ, но одновременно числомъ 17 человѣкъ.

Когда меня вели на прогулку въ одно изъ стойлъ, я сталъ заходить въ чужія стойла къ заключеннымъ, не смотря на сопротивленіе надзирателя, и, наконецъ, предложилъ товарищамъ «совмѣстную» прогулку, то-есть, перепрыгнуть одновременно черезъ заборъ и гулять на дворѣ группою. Осуществленіе этой мысли какъ разъ совпадало съ распоряженіемъ приготовить нѣсколько номеровъ въ «Домѣ предварительнаго заключенія» для новыхъ арестованныхъ лицъ, а старыхъ, по выбору администраціи Дома предварительнаго заключенія, перевести въ Петропавловскую крѣпость.

Поздно вечеромъ посадили меня въ карету и повезли черезъ Неву.

Двое конвойныхъ, сидѣвшихъ со мной въ каретѣ, не мѣшали мнѣ любоваться въ окно теченіемъ могучей рѣки, омывающей крѣпостные бастіоны и перерѣзываемой въ разныхъ направленіяхъ дымящимися пароходами и многочисленными яликами съ зажженными фонариками. Судовые свистки и команда на баркахъ, тянущихся на буксирѣ, доносились до моего слуха, точно изъ далекаго и чуждаго мнѣ міра.

Я не отрывалъ лица своего отъ стекла въ каретѣ и не пропускалъ ни одной подробности, стараясь привязаться къ нимъ, пока видитъ ихъ глазъ и слышитъ ухо... А вотъ и амбразуры въ стѣнахъ крѣпости и чугунныя пушки наверху... Луна серебрила окрестности и заливала своими лучами золоченный шпицъ Петропавловскаго собора, съ черными крыльями на самомъ верху ангела.

Карета приближалась къ Екатерининской куртинѣ и Алексѣевскому равелину, минуя Монетный дворъ и соборъ съ гробницами усопшихъ царей. Въ этотъ моментъ куранты Петропавловской крѣпости заиграли часы, и въ ночномъ воздухѣ раздались заунывные перезвоны Сіонской пѣсни:

Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ,
Не можетъ изъяснить языкъ:
Великъ онъ въ небесахъ на тронѣ,
Въ былинкахъ на земли великъ.
Вездѣ, Господь, вездѣ Ты славенъ,
Въ нощи, во дни сіяньемъ равенъ.

Преданіе гласитъ, что въ это время заключенные въ крѣпости всегда мечутся на цѣпяхъ и бьются отъ угрызенія совѣсти объ стѣны въ то время, когда вслѣдъ за музыкальнымъ и томящимъ душу перезвономъ часы начинаютъ мѣрно и гулко бить свое время.

Ровно въ полночь я былъ привезенъ въ Екатерининскій бастіонъ и посаженъ въ одинъ изъ его казематовъ.

XXIV.

Казематы Петропавловской крѣпости представляютъ собой просторныя комнаты, хотя низкія и недостаточно свѣтлыя. Окна, какъ во всѣхъ тюрьмахъ, устроены выше человѣческаго роста, и въ нихъ не увидишь ни двора, ни Невы. Передъ окнами возвышается глухая стѣна, такъ что даже клочекъ неба скрывается отъ глазъ узниковъ.

Съ сбоку двери, въ самамъ казематѣ находится умывальникъ, а въ противоположномъ углу постель съ маленькимъ деревяннымъ столикомъ и тубаретомъ. Остальное пространство комнаты совершенно пустое.

— Есть гдѣ гулять: не то, что въ Пугачевской башнѣ,—подумалъ я, осматривая новое свое жилище и съ удовольствіемъ шлепая по асфальтовому полу арестантскими туфлями.

Низкій, полусводомъ, грязный потолокъ мнѣ не понравился съ перваго взгляда... А больше уже нечего было осматривать.

Я пробовалъ стукомъ узнать, кто мои сосѣди, но, моему огорченію, стѣны оказались обитыми войлокомъ, сверхъ котораго натянуты были сѣтка изъ проволоки и обои. Не получалось никакого звука отъ удара въ стѣну, и это открытіе повергло меня въ страшное уныніе. Я пробовалъ

запѣть членораздѣльно гамму: а... а... а... а..., сообразно дѣленію азбуки на 6 столбцовъ такъ, чтобы первое пѣнье гаммы означало столбецъ, а второе пѣнье той же гаммы самую букву въ этомъ столбцѣ, и такимъ образомъ разговаривать съ ближайшимъ сосѣдомъ. Но никто на этотъ разъ не откликнулся мнѣ...

Однако, въ этомъ состояніи я недолго оставался.

Видимо, мои товарищи проснулись и догадались, что въ крѣпость привезенъ новый заключенный.

Едва затихли мои гаммы, и въ корридорѣ опять настала тишина, я явственно услыхалъ глухіе удары знакомой мнѣ сокращенной азбуки.

— Да, это она! — прислушивался я съ радостнымъ замираніемъ сердца; все тотъ же шифръ изъ шести столбцовъ, по которому и я тянулъ свои гаммы. Нѣтъ сомнѣнія, это меня выстукиваютъ: «кто привезенъ? Куда посаженъ новичекъ? Кто ты?»

Послѣдній вопросъ задаетъ уже несомнѣнно мой сосѣдъ надъ головой, и стучитъ онъ мнѣ прямо въ асфальтовый полъ чѣмъ-то мягкимъ и тупымъ.

Одного момента было достаточно, чтобы сообразить, какъ ему отвѣтить.

Я заработалъ пяткой ноги, и мои удары ею объ полъ,—о счастье!—также далеко слышны и поняты товарищами.

Эту ночь я не спалъ отъ радости, встрѣтивъ старыхъ друзей.

Съ этими людьми начиналась моя духовная жизнь, и пусть она полна ошибокъ, но она исчерпывалась исканьемъ правды, и мнѣ было бы больно иначе думать о ней; и мнѣ не было бы теперь такъ легко вспоминать объ этомъ прошломъ. Отъ волненій, вызванныхъ счастливой встрѣчей въ толстыхъ стѣнахъ крѣпости съ друзьями, я едва не заболѣлъ, просиживая цѣлыми ночами за стукомъ въ каменный полъ вмѣсто того, чтобы спать и не волновать себя спорами и новостями.

Но среди этихъ новостей не было имени дорогой мнѣ дѣвушки... Все померкло въ моей душѣ: и настоящее, и будущее перестали меня интересовать.

Она, по точнымъ свѣдѣніямъ, оказалась именно въ «Домѣ предварительнаго заключенія», откуда я самъ такъ стремился въ крѣпость.

Стали мнѣ скучны опять и безконечные разговоры по ночамъ другъ съ другомъ, игра въ шахматы и чтеніе книгъ изъ библіотеки при крѣпости.

Я впалъ въ мрачный трансъ, какъ только выяснилось, что даже въ одиночномъ заключеніи нельзя жить безъ преклоненія передъ женщиной, и что присутствіе ея здѣсь создаетъ атмосферу идеализма, мгновенія котораго мы такъ хорошо

знаемъ на свободѣ. Но такой женщиной могла быть только одна, а другія ничего не говорили моему воображенію. Этой «одной» здѣсь не было, и все чудесное было убито.

Дни тянулись однообразно, безъ допросовъ и живыхъ голосовъ, которые животворили «Домъ предварительнаго заключенія».

Мнѣ предстояло опять свыкнуться исключительно съ сѣрыми фигурами часовыхъ и жандармовъ, приносившихъ мнѣ чай и обѣдъ. Какъ послѣ охоты за дичью передъ дремлющимъ окомъ охотника летаютъ тетерева и утки, такъ сѣрыя фигуры моей стражи вытѣснили изъ моихъ представленій маленькій запасъ впечатлѣній за послѣднее время, и опять весь міръ сталъ мнѣ казаться состоящимъ изъ солдатъ.

Изо дня въ день раздавался въ моихъ ушахъ звукъ ихъ сабель; виднѣлись въ форточкѣ ихъ подстерегающіе глаза и негодующія угрозы пожаловаться коменданту на то, что мы переговариваемся стукомъ или играемъ каждый у себя на столѣ въ шахматы тѣмъ же стукомъ пяткой ноги въ асфальтовый полъ. Кромѣ сѣрыхъ фигуръ солдатъ, я уже около года не видалъ въ Петропавловкѣ ни одного штатскаго и свободнаго человѣка. Я чувствовалъ, что сживаюсь съ ними, и что они сами перестаютъ начальствовать надъ нами, дѣлаясь проще и ближе къ намъ.

— Это моя среда и мое общество,—размышлялъ я:—и теперь, и послѣ суда...

Прошлая жизнь тускнѣла, и только временами вспоминался шумъ Брянскихъ лѣсовъ, гдѣ въ имѣніяхъ поэта Ѳ. И. Тютчева (с. Овстугъ) я былъ лѣснымъ объѣздчикомъ и смолокуромъ съ идеями и книгами; гдѣ я любилъ и былъ любимъ, а въ городѣ Брянскѣ занималъ мѣсто учителя въ народной школѣ и мнилъ себя Ланкастеромъ, пока мнѣ не предложили убираться вонъ... А къ этому времени я уже побывалъ въ Питерѣ, и здѣсь-то мнѣ стали дороги и мои друзья, и мимолетныя встрѣчи съ дѣвушкой, которую я не могъ забыть по моимъ тюрьмамъ... Но сѣрый фонъ казармъ Петропавловскихъ бастіоновъ стушевалъ яркость прошлой жизни, и по мѣрѣ того, какъ я обросталъ бородой, прошлое все болѣе и болѣе пряталось назади, а впереди ждала жизнь каторжника.

Время, проведенное внѣ общества, уже наложило на меня свой слѣдъ. Изъ стройнаго и высокаго молодого человѣка я пріобрѣлъ фигуру арестанта изъ одиночнаго заключенія: вытянутую изъ ключицъ шею, шатающуюся и развинченную походку слабыхъ ногъ, и лицо съ безстрастнымъ взглядомъ. Мнѣ опять, какъ и въ Пугачевской башнѣ, недоставало впечатлѣній, и я становился равнодушнѣе день ото дня и къ книгамъ, и къ прогулкамъ, и къ перестукиванію

съ товарищами, и даже къ новостямъ о свободѣ, къ которой такъ жадно прислушиваются одиночно-заключенные.

Я еще росъ физически, но чувствовалъ, что вѣсъ тѣла и силы мои убываютъ именно отъ безмолвія сидячей жизни и забвенія всѣми... Слабѣлъ умъ и желанія... Вслѣдствіе разстройства ассоціаціи идей и памяти выростали галлюцинаціи. Стоило только мнѣ уставиться взглядомъ въ уголъ каземата, и я видѣлъ въ немъ любимое лицо и изображеніе; если во снѣ я слышалъ арію изъ оперы, то и наяву весь день въ моихъ ушахъ гремѣли ея могучіе напѣвы и т. д.

Дѣйствительность занимала меня только въ свѣтлые промежутки душевной жизни. Апатія или галлюцинація, сонъ или безсонница, безконечное сидѣніе за столомъ съ опущенной головой на руки или хожденіе по каземату въ одномъ направленіи до того, что на подошвахъ ногъ высохшая кожа слѣзала ремнями, чередовались между собой въ моей жизни.

Но были моменты, когда я усиленнно жаждалъ гласнаго суда и радовался слухамъ о томъ, что обвинительный актъ написанъ, и что мнѣ дадутъ возможность изложить свои мысли громко и безбоязненно. Были моменты, когда сердце мое трепетало при мысли, что наконецъ-то приближается время, когда я встрѣчу на судѣ ми-

лую мнѣ дѣвушку, и однимъ ея взглядомъ опять увѣрую въ счастье на землѣ.

Но, должно быть, я былъ очень слабъ, если самая администрація перевела меня въ скоромъ времени обратно въ «Домъ предварительнаго заключенія», и тамъ я тотчасъ же воспрянулъ духомъ.

XXV.

Въ «Домѣ предварительнаго заключенія» я узналъ достовѣрно, что въ женскомъ отдѣленіи находится та, которую мнѣ хотѣлось встрѣтить до суда.

— Такъ находиться близко другъ къ другу и, можетъ быть, никогда не увидѣться!—восклицалъ я со слезами на глазахъ.—Ходитъ слухъ, что всѣхъ хотятъ на судѣ раздѣлить по группамъ, несмотря на то, что обвинительный актъ одинъ и обвиняетъ насъ въ одномъ и томъ же дѣлѣ. Что если она очутится въ одной группѣ, а я въ другой? Вѣдь, мы не увидимся и на судѣ, и я умру отъ горя.

Я старался отогнать эту мысль о дѣленіи насъ на группы и разсмотрѣніи виновности каждой изъ нихъ въ отсутствіи другихъ.

Я утѣшалъ себя тѣмъ, что, вѣроятно, найдется въ Петербургѣ просторное зданіе для судей и публики, гдѣ помѣстятъ также и всѣхъ обвиняемыхъ.

Тѣмъ временемъ я нашелъ возможность въ «Домѣ предварительнаго заключенія» черезъ уголовныхъ арестантовъ сноситься съ «волей», откуда мнѣ была прислана необходимая сумма денегъ для подкупа одного изъ младшихъ надзирателей, наиболѣе ко мнѣ расположеннаго.

Не на злое дѣло я подбивалъ его, а чтобы онъ помогъ мнѣ встрѣтиться въ корридорѣ съ любимой мною женщиной въ то время, когда поведутъ ее брать ванну, или въ канцелярію на свиданіе съ родственниками, или на допросъ, или въ церковь.

— Необходимо тебѣ узнать ея номеръ и очередь,—говорилъ я.—Я буду отказываться отъ прогулокъ на дворѣ и ваннъ во всѣ промежутки времени и требовать ихъ только тогда, когда время можетъ совпасть со временемъ выхода дорогой мнѣ дѣвушки съ женскаго отдѣленія. Тебѣ ничего за это не достанется... Никто не узнаетъ, но ты долженъ точно распредѣлить по времени очередь, по которой выводятъ барышень съ женскаго отдѣленія куда бы то ни было, чтобы намъ встрѣтиться на одну минуту.

— Какъ фамилія ея? — наконецъ спросилъ онъ послѣ того, какъ я передалъ ему всѣ присланныя мнѣ деньги.

Я назвалъ ее и съ того момента жилъ въ лихорадочномъ возбужденіи.

Проходили мѣсяцы, я все не могъ встрѣтить

ожидаемое лицо, и уже былъ склоненъ думать, что надзиратель обманулъ меня.

— Можетъ ли это быть?—обидчиво возразилъ онъ мнѣ.—Я знакомъ съ надзирательницею на женскомъ отдѣленіи, и оба стараемся, а вотъ не приходится, чтобы встрѣтились... Подождите!

Я ждалъ, и это напряженное состояніе души было все-таки болѣе нормальнымъ, чѣмъ пенитенціарное равнодушіе ко всему.

Помню и счастливѣйшій день въ моей жизни, когда я встрѣтилъ, наконецъ, въ корридорѣ мою узницу, возвращавшуюся съ допроса. Эта встрѣча была случайна, и я совершенно не думалъ о ней.

Возвращаясь по какой-то надобности изъ канцеляріи, я увидѣлъ въ корридорѣ идущую на встрѣчу мнѣ съ надзирательницей блѣдную дѣвушку съ блестящими черными глазами, въ черномъ платьѣ, изящно отороченномъ бѣлыми кружевами.

Я узналъ ее... Это была она.

Я схватилъ ея руки и не могъ говорить отъ радости, а надзирательница торопилась разлучить насъ силой.

Но мнѣ ничего не нужно было говорить ей. Я назвалъ свою фамилію, и она уже знала обо мнѣ отъ дѣвушки, которая сидѣла со мной въ провинціальной тюрьмѣ, принимаемая мной долгое время за нее.

Теперь она стояла предо мной во всей неземной красотѣ, и я чувствовалъ, что она знаетъ мою любовь къ ней.

Голосъ мой сказалъ ей болѣе о моемъ чувствѣ, чѣмъ слова.

— Я васъ помнилъ... Все время помнилъ!.. Какъ увидѣлъ въ первый разъ...

— Расходитесь, господа,—кричала надзирательница, отпихивая меня и приглашая къ тому же насилію и моего надзирателя.

— Я буду все время васъ помнить. Нынѣ и всегда!

— Я также много говорила о васъ... Я хорошо васъ знаю, — отвѣчала она, схватывая въ послѣдній разъ мои руки и нѣсколько разъ весело оглядываясь, когда насъ уводили въ разныя стороны.

Охъ, какъ было много въ этомъ короткомъ свиданіи для трепещущаго избыткомъ счастья моего сердца! Какъ сразу кровь начала циркулировать по всему моему тѣлу и зажигала мои щеки горячимъ румянцемъ!

— О, я не умру... Такъ не умираютъ! — восторженно восклицалъ я въ своемъ номерѣ, чувствуя, что я опять возрожденъ къ жизни и радостямъ.

— Я совершенно здоровъ,—стучалъ я своему непосвященному сосѣду.—Выздоровѣлъ сейчасъ...

— Ты съ ума сошелъ, — отвѣчалъ онъ. — Какъ это выздоровѣлъ «сейчасъ»?

— Ты не понимаешь? Ты глупъ... Я умиралъ, но сейчасъ воскресъ, потому что сейчасъ встрѣтилъ ее...

— Кого?!

— Мою жизнь... Мое счастье...

— Дуракъ, — перебилъ онъ стукомъ мой стукъ и весь день не отвѣчалъ на мой призывъ продолжать со мной бесѣду о моемъ счастьѣ.

А счастье было глубокое, созрѣвшее въ тиши нашей монастырской жизни... Объ этой жизни у В. Гюго въ «Несчастныхъ» имѣются дивныя слова: «Сердце, вынужденное въ самомъ себѣ искать пищи и не имѣя возможности изливаться въ другое сердце, заставляетъ углубляться въ самого себя и все глубже зарываться въ собственныя измышленія. Начинаются видѣнія, предположенія, догадки, сочиненіе романовъ, мечты о приключеніяхъ, фантастическія постройки, воздушные замки, возводимые во мракѣ сокровенныхъ мыслей...» Если эти мысли любовнаго характера, то въ сердцѣ зрѣетъ влюбленность въ мечту; если человѣку удастся взглянуть на живую женщину, то возгорается любовь съ «перваго взгляда...» Тотъ же защитникъ своихъ Жанъ-Вальжановъ говоритъ: «А между тѣмъ люди влюбляются именно такимъ способомъ, силою искры одного взгляда, а никакимъ

инымъ. Остальное приходитъ послѣ, притомъ все остальное имѣетъ второстепенное значеніе. Нѣтъ ничего реальнѣе того великаго потрясенія, какое испытываютъ двѣ души, обмѣнявшись подобною искрою...» Въ этихъ словахъ знаменитаго романиста и весь секретъ моей любви, рожденной на волѣ «искрой», разгорѣвшейся по тюрьмамъ въ «воздушные замки».

XXVI.

Нужно ли говорить, что нервное возбужденіе оживило всѣ мои силы, и я быстро поправился здоровьемъ.

Я былъ счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, и мнѣ доставляло безконечное удовольствіе сознавать, что женщины съ перваго взгляда умѣютъ почувствовать человѣка, которому онѣ нравятся.

Вотъ въ какомъ состояніи духа засталъ меня обвинительный актъ, который вручили каждому изъ насъ.

О, какъ было бы мнѣ тяжело читать его при другихъ обстоятельствахъ, думалъ я почти на каждомъ его листѣ.

Какъ я ни былъ приготовленъ къ показаніямъ испуганныхъ арестомъ людей, но эти показанія обвиняютъ насъ не только юридически, но и нравственно. Эти показанія большею частью исходятъ отъ наиболѣе близкихъ намъ людей, и

потому ихъ трусливое поведеніе на допросахъ особенно огорчало насъ.

Испугъ—плохой совѣтникъ, и если къ нему присоединяется желаніе какою бы то ни было цѣною освободиться изъ-подъ ареста, то изъ подсудимаго выйдетъ самый нужный для прокуратуры свидѣтель противъ бывшихъ единомышленниковъ. «Какъ люди въ страхѣ—гадки»,—говоритъ поэтъ.

Но теперь меня эти люди уже не могли долго интересовать, и я даже радовался тому, что могу воспользоваться ихъ показаніями противъ меня, чтобы имѣть поводъ на судѣ возстановить въ истинномъ свѣтѣ нашъ образъ мыслей и наши цѣли.

Но вскорѣ я былъ потрясенъ новой радостью и до такой степени, что исключительно занялся личной жизнью. Судьба покровительствовала мнѣ: отъ суда былъ назначенъ мнѣ и дорогой мнѣ дѣвушкѣ одинъ и тотъ же защитникъ...

О, никакого умѣнья не хватитъ для выраженія того, что я тогда почувствовалъ! Насъ вызывали въ пріемный залъ къ защитнику по очереди, но мы случайно встрѣтились раза два-три... Боже мой! какъ прибывали мои силы, и какими пустяками казались мнѣ долгіе годы одиночнаго заключенія передъ могуществомъ этихъ встрѣчъ... Вѣдь, вотъ я уже почти и старикъ, но изъ всѣхъ женщинъ эта подруга моего оди-

ночества наиболѣе долго осталась въ памяти такою, какою я создалъ ее всесильною мечтою. Пусть жизнь сдѣлала ее впослѣдствіи самой простой смертной, но черезъ нее мнѣ было дано понять все глубину земного обожанія, и оно мнѣ дорого, какъ сильнѣйшее чувство въ моей груди.

И какъ легко съ этимъ этимъ чувствомъ я ждалъ рѣшенія своей судьбы, и какъ смѣло выслушалъ извѣстіе, что мы должны будемъ въ ближайшихъ дняхъ быть вызваны въ судъ. Уже изъ Петропавловской крѣпости мои товарищи были перевезены въ Домъ предварительнаго заключенія, и, наконецъ, всѣхъ насъ выстроили въ рядъ по корридорамъ и повели подъ конвоемъ въ зданіе окружнаго суда.

О несчастіе! Я такъ хотѣлъ судебныхъ преній, публичности засѣданій и полнаго стенографическаго отчета. Между тѣмъ, залъ засѣданія былъ тѣсенъ, и насъ самихъ раздѣлили на группы, и большинство заключенныхъ выразило свое недовольство единодушнымъ нежеланіемъ присутствовать на судѣ.

Мнѣ трудно было пристать къ товарищамъ, и мнѣ такъ хотѣлось проповѣди на судѣ; но большинство демонстративно желало, чтобы насъ судили заочно, и женщины брали съ насъ въ томъ обѣщаніе, прежде чѣмъ мы были уведены изъ зала суда обратновъ казематы.

Каждый изъ насъ имѣлъ объясненіе съ г. при-

сутствующимъ на судѣ иногда въ формѣ рѣзкой, иногда въ смягченной.

Помню, привели меня въ судъ, и, послѣ вопроса первоприсутствующаго о виновности, между нами произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Я приведенъ сюда изъ каземата силой и не желаю принимать участія въ разбирательствѣ дѣла, отказываюсь отъ защиты, свидѣтелей, вызванныхъ мною, и прошу отвести меня обратно въ тюрьму. Мотивировки моего поведенія я не желаю дѣлать и прошу меня удалить.

— Ваше заявленіе, — сказалъ первоприсутствующій,—не служитъ законнымъ основаніемъ для удаленія васъ.

— Я думаю, что подавать такой поводъ совершенно излишне, поэтому я настаиваю.

— Я васъ не вызываю на безпорядокъ, я только объявляю, что вамъ нѣтъ основанія удаляться.

— Я мотивировки моего поведенія не желаю дѣлать, но прошу меня отсюда удалить.

— На какомъ основаніи? Я безъ законнаго повода васъ удалить не могу.

— Я буду снова просить удалить меня. Мнѣ кажется, уже одна настойчивость въ данномъ мѣстѣ есть законный поводъ, и, я думаю, этого достаточно, чтобы удалить меня.

— Этого вовсе не достаточно.

— Самое препирательство мое съ вами есть

уже незаконное дѣйствіе, и я думаю этого достаточно, чтобы удалить меня.

— Вы протестуете противъ дѣйствій суда?

— Я ничего не прибавлю къ тому, что уже было сказано моими товарищами, и еслибы что либо сказалъ, то это была бы чисто личная причина.

— Такъ какъ подсудимый настаиваетъ, удалите его.

Я былъ утѣшенъ за отказъ присутствовать на судѣ похвалою, которую получилъ черезъ своего защитника отъ милой мнѣ дѣвушки.

— Она довольна мною?—воскликнулъ я.

— Особенно довольна вами! Она знала, что вы не раздѣляли протеста и пристали къ нему изъ чувства товарищества. Она велѣла сказать, что это тронуло ее.

Послѣ этой многократной выраженной черезъ защитника мнѣ ласки, я равнодушно ждалъ своей участи, рѣшаемой въ мое отсутствіе на судѣ.

Но вдругъ положеніе наше измѣнилось.

Въ одну изъ ночей я услышалъ громкое щелканье замковъ въ корридорахъ и голоса заключенныхъ. Вскорѣ отперли дверь и моего каземата.

— Въ канцелярію пожалуйте,—сказалъ надзиратель.

— Что тамъ?..

— Ничего не знаю... Двадцать человѣкъ вытребовали изъ казематовъ по списку.

— Куда? По какому списку?

— Я слышалъ, что составили списокъ въ канцеляріи... Одѣвайтесь скорѣе, — испуганно воскликнулъ онъ. — Помощникъ управляющаго идетъ.

Въ канцеляріи я засталъ многихъ моихъ товарищей, но никто изъ служащихъ ничего не отвѣчалъ на наши вопросы, и скоро появились среди насъ жандармы. На дворѣ ожидали насъ кареты. Помню, меня повезли съ товарищемъ вдоль Невы.

Пока мы ѣхали и не знали куда, каждый дѣлалъ свои предположенія.

— Въ крѣпость везутъ,—тихо сказалъ, наконецъ, одинъ изъ жандармовъ.

— Въ крѣпость?! Неужели навсегда?—воскликнули мы.

— Этого намъ неизвѣстно, господа...

— Вотъ оно что... Да, въ крѣпость... Неву переѣзжаемъ. Это за нашъ протестъ на судѣ увозятъ самыхъ безпокойныхъ изъ «Дома предварительнаго заключенія»,—говорили мы и видѣли, какъ однѣ кареты съ заключенными спѣшили впередъ, а другія ѣхали сзади.

XXVII.

Второй разъ я попалъ въ Петропавловскую крѣпость, но ужъ безъ всякой надежды на глас-

ный судъ и встрѣчу тамъ или на свободѣ съ дорогими мнѣ людьми.

Кончался уже четвертый годъ моего пребыванія въ одиночномъ заключеніи...

Дни потянулись опять однообразно за книгами и перестукиваніемъ въ полъ пятками ногъ.

До крови изобьешь, бывало, и ходить становилось больно, а разговаривать иначе было нельзя.

Въ это время мой благородный защитникъ обратился къ суду съ слѣдующей рѣчью:

— Мои кліенты отказались отъ защиты, но не отказались отъ защитника, а потому я долженъ выполнить возложенную на меня задачу. Я полагаю, что, еслибы они отказались и отъ защитника, то они могутъ назадъ взять свой отказъ, можетъ быть, и я могу убѣдить ихъ взять свой отказъ назадъ, а для этого я долженъ имѣть съ ними свиданіе. Между тѣмъ обстоятельства дѣла сложились такъ, что я не могу этого сдѣлать, потому что ночью ихъ изъ «Дома предварительнаго заключенія» въ числѣ 20 человѣкъ увезли въ крѣпость. Я тамъ былъ вчера. Не говоря уже о томъ, что меня не допустили по свидѣтельству, данному мнѣ на свиданіе въ «Домѣ предварительнаго заключенія», мнѣ объявили, что я не имѣю возможности и права являться вечеромъ, а такъ какъ я днемъ участвую въ судѣ, то выходитъ, что я не имѣю возможности видѣть мо-

ихъ кліентовъ. Поэтому я покорнѣйше прошу такъ или иначе дать мнѣ возможность видѣть подсудимыхъ и разговаривать съ ними.

Его просьба была уважена, и въ одно прекрасное утро меня позвали изъ тюрьмы въ особое рядомъ зданіе на свиданіе съ защитникомъ глазъ на глазъ безъ свидѣтелей.

О, сколько радости принесъ мнѣ въ этотъ день мой благородный защитникъ! Сердечный и мужественный братъ не на словахъ, а на дѣлѣ, тебѣ я обязанъ многими радостями въ послѣдніе дни моего пребыванія въ крѣпости и теперь, когда я вспоминаю, какъ мало ты былъ подготовленъ сочувствовать намъ, мнѣ тѣмъ дороже твои намъ услуги и память о тебѣ.

Въ слѣдующіе дни нашихъ свиданій мой защитникъ глядѣлъ печальнѣе, и намъ мѣшалъ свободно говорить постоянно мимо насъ проходившій и прислушивавшійся помощникъ коменданта крѣпости. Вдругъ, во второй разъ на день, позвали меня на свиданіе.

Защитникъ былъ радостный и встрѣтилъ меня восклицаніемъ:

— Освобождена! Освобождена! — повторялъ онъ, потрясая мнѣ руки и заглядывая мнѣ прямо въ глаза.—Та, которую вы любите, освобождена до окончанія суда и отдана на поруки. Ей вмѣнятъ въ наказаніе ея продолжительный арестъ до суда...

— И она будетъ свободна? Она не умретъ здѣсь?

— Да, да! не умретъ... будетъ свободна. Успокойтесь... Эти слезы у васъ отъ радости.

— О, какъ я радъ,.. Какъ я радъ!—твердя безчисленное число разъ, перебивалъ я его.

— У меня есть письмо къ вамъ отъ нея... Осторожнѣй, не попадитесь.

Это нѣсколько привело меня въ себя, и я быстро пробѣжалъ его глазами. Она отвѣчала мнѣ на мою, безъ ея вѣдома, созрѣвшую любовь слѣдующими строками:

«Дорогой мой! Отъ души рада была бы отвѣтить тебѣ на твое чувство, но по несчастію не могу. Я питаю къ тебѣ самую искреннюю дружбу, безпредѣльную братскую любовь, и эти чувства къ тебѣ останутся всегда неизмѣны. Гдѣ бы ты ни былъ, всегда обращайся ко мнѣ смѣло, если пожелаешь найти дружбу, совѣтъ и душевное успокоеніе. Я рада, что ты высказался.

Судъ скоро кончится, къ тому времени тебя, вѣроятно, перевезутъ въ Литовскій замокъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ Сибирь, и я буду ходить къ тебѣ на свиданіе. Увѣрена, что между нами установятся самыя дружескія отношенія въ ихъ чистомъ видѣ. Я бы очень хотѣла получить отвѣтъ на это письмо, который закрѣпитъ нашу дружбу. Я чувствую, что никто, кромѣ мужа, не могъ бы быть такъ близокъ ко мнѣ,

какъ ты. Прощай, дорогой мой, братъ мой... А какъ прикажешь съ моей карточкой? прислать тебѣ или нѣтъ?».

Нужно ли говорить, что это письмо потрясло меня такъ же сильно, какъ и ея освобожденіе. Но къ скорби моей за отказъ присоединилось какое-то благородное чувство, которое лучше и прочнѣе любви. Чувство взаимнаго довѣрія и почитанія внутренняго міра въ человѣкѣ связывало насъ крѣпче радостей любви и наслажденій. Склонившись головой на столъ, я старался успокоиться, а защитникъ деликатно вытянулъ изъ моихъ рукъ письмо и спряталъ его у себя.

— Сюда могутъ войти, — сказалъ онъ. — Я сохраню это письмо у себя, если оно дорого вамъ. Со временемъ вы возьмете его отъ меня.

— Милый! благодарю! — Слезы мѣшали мнѣ говорить.

Теперь, старику, мнѣ больно за эти слезы, пролитыя въ Петропавловской крѣпости. Много лѣтъ спустя, вслѣдствіе клеветы изъ-за угла на романтической почвѣ и постыднаго уклоненія моихъ недруговъ отъ третейскаго суда или дуэли, мнѣ пришлось искать душевного утѣшенія именно у этой женщины, но у нея было достаточно и своихъ заботъ, и она не собралась отвѣтить мнѣ на мое письмо, и мое горе показалось ей мало мотивированнымъ... Нѣтъ, я не правъ въ своемъ гнѣвѣ: не ей ли я обязанъ лиш-

нимъ доказательствомъ, что мужчина долженъ страдать одинъ и въ важныхъ моментахъ своей жизни не искать женскаго одобренія и не мучиться женскимъ осужденіемъ? Вѣчная ей моя признательность за исчезновеніе очарованія на землѣ, связаннаго съ именемъ женщины!

Часы Петропавловской крѣпости безконечно долго били время съ обычнымъ перезвономъ, точно хоронили послѣднія мои иллюзіи. А защитникъ, подозрительно оглянувшись и видя меня успокоеннымъ, весело сказалъ:

— Есть другое письмо къ вамъ... Разверните обвинительный актъ и вложите въ него письмо.

Мы оба сѣли за столъ, и защитникъ вслухъ читалъ обвинительный актъ въ то время, какъ я жадно пробѣгалъ частное ко мнѣ письмо:

«Вчера, дорогой мой, я послала тебѣ письмо черезъ нашу почту, а сегодня уже пишу вторично. Ты знаешь, что я освобождена изъ-подъ стражи, но къ волѣ я отнеслась какъ-то тупо. Извѣстіе о ней меня порадовало, но только пока перемѣной обстановки, въ которой я устала отъ однообразія впечатлѣній,—порадовало еще и потому, что я надѣюсь видѣться съ тобой. Но представленія о свободной жизни во мнѣ уже не существовали. Извѣстіе о переводѣ въ крѣпость вызвало бы гораздо больше образныхъ представленій, чѣмъ извѣстіе о волѣ...».

Опять слезы потекли у меня изъ глазъ.

— Да,—думалось мнѣ:—мы такъ долго сидимъ въ одиночномъ заключеніи, что представленія о свободной жизни давно умерли, и новая крѣпость становится дороже всего на свѣтѣ.

Я съ трудомъ продолжалъ чтеніе письма.

«Но что всего страннѣе, что и самая перемѣна обстановки не произвела никакого особеннаго впечатлѣнія. Съ самаго перваго часа свободной жизни, какъ я вступила въ нее, я вспоминаю прошлое и дорогихъ мнѣ людей, съ которыми столько времени дѣлила это скучное и однообразное прозябаніе. Грустно бываетъ иногда, тяжело... Вотъ разболталась, скажешь ты... А между тѣмъ, видишь ли, голубчикъ, мнѣ совѣстно пользоваться своей свободой, когда васъ всѣхъ ночью похитили отъ насъ и опять замуровали въ крѣпость на долгіе годы. Я успокаиваю себя тѣмъ, что буду дѣлиться съ тобою всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ, но помогай же и ты мнѣ успокаивать мою совѣсть и пиши мнѣ. Сосѣдямъ твоимъ одинъ и тотъ же привѣтъ, а тебѣ особо».

Я былъ совершенно разстроенъ этими двумя письмами и о многомъ совсѣмъ забылъ разспросить защитника. А между тѣмъ онъ вскорѣ простился со мной и очень долго не пріѣзжалъ въ крѣпость.

Вдругъ двери моего каземата однажды от-

перли какъ-то особенно поспѣшно, и самъ помощникъ коменданта пришелъ за мной.

— На свиданіе! — крикнулъ онъ и, видимо скрывая отъ меня новость, все время улыбался, пока я мѣнялъ свой арестантскій костюмъ на штатскій.

Мы прошли съ нимъ вмѣстѣ черезъ дворъ въ отдѣльное зданіе рядомъ съ тюрьмой, гдѣ всегда я видѣлся съ своимъ защитникомъ. Онъ оставилъ меня съ нимъ какъ-то дружелюбно и довѣрчиво.

— Да что такое? — воскликнулъ я, горячо сжимая руку защитника, — точно этотъ день и для него праздникъ.

— Вы не ошиблись, другъ мой. Ему пріятно, когда его заключенному привезутъ радость. По суду вы осуждены въ Сибирь, но постановлено ходатайствовать о вмѣненіи вамъ въ наказаніе вашего предварительнаго ареста. Завтра придетъ бумага объ освобожденіи васъ до окончательнаго утвержденія приговора... Ахъ, Господи, воды бы вамъ...

— Нѣтъ, не зовите! — простоналъ я, откидываясь на спинку дивана. — Горло больно... Дышать трудно.

— Экій вы! Хуже барышни! — улыбаясь суетился около меня защитникъ, по мѣрѣ того, какъ блѣднота на моемъ исхудаломъ лицѣ проходила, и глаза мои засвѣтились счастьемъ.

— Неужели я свободенъ? Неужели? Вы не шутите? Я боюсь сойти съ ума за ночь.

— Не нервничайте... Это правда... Вредно такъ, — успокаивалъ онъ меня и самъ съ трудомъ сдерживалъ свое волненіе и крѣпко сжималъ мнѣ руки.

— Да неужели это наканунѣ свободы? — спросилъ я. — Завтра я буду ходить по улицѣ среди людей, и никто за мной не погонится и не повезетъ меня въ тюрьму?

— Никто! Вы свободны. Уже состоялось постановленіе. Судьи снисходительно отнеслись...

— Ко всѣмъ? — перебилъ я, чувствуя вдругъ, что радость моя омрачена.

— Ходатайство о смягченіи приговора составлено обо всѣхъ, но неизвѣстно, будетъ ли оно уважено во всемъ составѣ или относительно немногихъ...

XXVIII.

Еслибы мнѣ пришлось провести въ Петропавловской крѣпости не послѣднюю ночь, а двѣ-три такихъ, то я бы вышелъ безумнымъ или психически-больнымъ.

Извѣстіе о предстоящемъ мнѣ завтра освобожденіи не только лишило меня сна, когда настала ночь, но я не могъ ни ходить въ маломъ

пространствѣ каземата, ни тѣмъ болѣе сидѣть на тубаретѣ передъ маленькой жестяной лампочкой на деревянномъ столикѣ и читать старые журналы... А больше нечего было дѣлать, и я метался по каземату, то вскрикивая отъ радости, то въ отчаяніи отъ того, что этой ночи конца не будетъ, и я умру до утра.

Дежурный жандармъ доложилъ помощнику коменданта о безпокойномъ арестантѣ, и ко мнѣ хотѣли пригласить доктора.

— Положите холодный компрессъ на голову, наконецъ, если не хотите доктора,—совѣтовалъ помощникъ коменданта.

— Ахъ, оставьте, — жаловался я. — Зачѣмъ было ранѣе говорить мнѣ о волѣ? Вѣдь, я живу остатками силъ, а теперь еще полночи нѣтъ... Эти часы съ сіонскимъ напѣвомъ, этотъ похоронный бой... О, неужели завтра я буду уже въ другомъ мѣстѣ и увижу небеса, почувствую вѣтеръ, улыбнуся лицомъ къ лицу въ яркія очи дорогой мнѣ дѣвушки и залюбуюсь вмѣстѣ съ ней миріадами звѣздъ надъ нами! О, хороша ты жизнь тому, кто умѣетъ чувствовать тебя... «Въ былинкахъ на землѣ» — подсказывали куранты на Петропавловскомъ соборѣ. Да, языкъ не можетъ изъяснить величія жизни, соглашался я съ ними, прислушиваясь къ тонкимъ звукамъ, разливающимся въ ночномъ воздухѣ вокругъ бастіоновъ. Далеко за полночь я сталъ нѣсколько

покойнѣе и ухватился мысленно за первую идею, мелькнувшую передо мной, о томъ, что счастье человѣка въ самомъ его существованіи на волѣ среди природы...

Мысли мои, однако, быстро переходили отъ философіи къ любимой дѣвушкѣ, и это уравновѣшивало мое возбужденное состояніе.

— Видѣть ее не слѣдуетъ мнѣ, рѣшилъ я наконецъ. Она или не полюбитъ меня, а ждать я не могу развитія этого чувства въ ней, или выйдетъ за меня замужъ безъ страсти, которая всегда сама изъ себя развивается, самое себя питаетъ независимо отъ достоинствъ или пороковъ человѣка. Въ такой страсти заключается гарантія любви, а другой мнѣ и не надо.

Я идеально смотрѣлъ на любовь и, не находя таковой въ дорогой мнѣ дѣвушкѣ, избѣгалъ на волѣ съ ней встрѣчъ, никогда не забывая, какъ много я нашелъ въ ней, будучи въ казематахъ, и какъ много потерялъ по выходѣ изъ нихъ.

Къ утру я все-таки не заснулъ, но уже покойнѣе ждалъ своей участи.

Въ полдень заѣхалъ защитникъ и сказалъ, что бумага уже подписана обо мнѣ, но, вѣроятно, придетъ къ вечеру.

Этотъ моментъ, наконецъ, насталъ—и какая радость: за мной пріѣхалъ мой товарищъ и прямо увезъ меня къ себѣ на квартиру.

Я вышелъ изъ Петропавловской крѣпости

безъ всякаго житейскаго опыта и чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ.

Свобода въ значительной степени облегчила мои страданія, когда я добровольно уклонялся отъ встрѣчи съ любимой дѣвушкой. Наконецъ, мои любовныя страданія должны были еще болѣе ослабнуть, когда я узналъ объ административныхъ высылкахъ моихъ товарищей, что ходатайство суда не уважено, и что я самъ принужденъ скрыться и жить «въ пространствѣ» нелегальнымъ.

Это тоже стоитъ вспомнить когда нибудь...

Какъ тюрьма, такъ и нелегальная жизнь мало содѣйствовали ознакомленію съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ и нашихъ собственныхъ силъ.

Съ преувеличеннымъ мнѣніемъ о самихъ себѣ и своихъ успѣхахъ, мы убывали изъ рядовъ одинъ за другимъ, и мнѣ предстояло сдѣлаться, наконецъ, эмигрантомъ, несмотря на сознаніе, что за границей *) я еще менѣе буду полезенъ

*) По воспоминаніямъ д-ра Бѣлоголоваго, А. И. Герценъ говорилъ о русской эмиграціи слѣдующее: «эмиграція для русскаго человѣка—вещь ужасная, говорю по собственному опыту, это—не жизнь и не смерть, а это нѣчто худшее, чѣмъ послѣдняя,—какое-то глупое, безпочвенное прозябаніе. Пускай лучше вашъ пріятель поживетъ за границей, осмотрится самъ и хорошенько провѣритъ себя, прежде чѣмъ рѣшится совсѣмъ сжечь корабли, что онъ всегда успѣетъ сдѣлать. Мнѣ не разъ приходится раздумывать на эту тему,—и вѣрьте, не вѣрьте,—но если бы мнѣ теперь предложили на выборъ мою теперешнюю скитальческую жизнь или сибирскую

родинѣ, и что необходимо сдѣлать попытку остаться дома на одномъ изъ поприщъ, могущихъ поглотить всѣ мои силы. Такимъ поприщемъ могла быть для меня русская литература, но для этого нужно было вернуть настоящее мое имя и право жить въ Петербургѣ съ условіемъ, чтобы меня не тревожили допросами о томъ, какъ и гдѣ я жилъ нелегальнымъ.

Мнѣ было устроено свиданіе съ графомъ Лорисъ-Меликовымъ, въ восьмидесятыхъ годахъ всемогущимъ человѣкомъ. Ему я всецѣло обязанъ тѣмъ, что моя послѣдующая жизнь не была совершенно безполезна въ моемъ отечествѣ. Вступая въ общество подъ собственнымъ именемъ, уже совершенно взрослымъ человѣкомъ, я тѣмъ не менѣе плохо зналъ Россію и жизнь. Мнѣ приходилось начинать послѣднюю съ того момента, когда я впервые былъ арестованъ и на долгіе

каторгу, то мнѣ, кажется, я бы безъ колебанія выбралъ послѣднюю. Я не знаю на свѣтѣ положенія болѣе жалкаго, болѣе бездѣльнаго, какъ положеніе русскаго эмигранта». Герценъ всегда былъ человѣкомъ искреннимъ и далекимъ отъ всякой рисовки, а потому этимъ словамъ его нельзя не вѣрить, и послѣ нихъ невольно спрашиваешь себя, если и этотъ человѣкъ, при всемъ своемъ космополитизмѣ и живомъ интересѣ общечеловѣческими стремленіями, при прямомъ общеніи съ лучшими и блестящими міровыми дѣятелями, при всей своей тогдашней яркой славѣ, могъ такъ думать и говорить послѣ 20-лѣтняго изгнанія, то что же должно чувствовать большинство русскихъ эмигрантовъ, менѣе талантливыхъ и менѣе приспособленныхъ и къ дѣятельности, и къ образу жизни на чуждомъ Западѣ, сплошь и рядомъ съ плохимъ знаніемъ чужихъ языковъ, и въ довершеніе всего — часто безъ всякихъ средствъ къ жизни».

годы оторванъ отъ живой дѣйствительности тюрьмами и нелегальностью. Неудивительно, что послѣдующая жизнь была исполнена невѣдѣнія и ошибокъ! Но міръ отвлеченныхъ идеаловъ и страданій за нихъ давалъ настроеніе, съ которымъ не уживались корысть, злоба и прислужничество...

Вотъ почему этому міру отвлеченныхъ идеаловъ и любви къ благородству поступковъ въ человѣческой исторіи я обязанъ и лучшими чувствами во мнѣ, и до нѣкоторой степени отпущеніемъ грѣховъ, выпавшихъ на мою долю въ такомъ изобиліи...
